

ISSN 2658-7041

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

3
2019

ISSUES OF ETHNOPOLITICS
Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year

Founder and Publisher –
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Journal “ISSUES OF ETHNOPOLITICS” is included in the Russian Science Citation Index.

Objectives and field of study

“Issues of Ethnopolitics” is a peer-reviewed journal dedicated to current theoretical and scientific-practical problems of ethnopolitics. The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research in the field of the study of ethnopolitical and ethnocultural processes. The main focus of the publication is scientific articles devoted to research in the field of ethnopolitology and ethnosociology, nation-building, political linguistics, ethnoconflictology, migration processes, and ethnocultural diversity of Russia. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of a complex of theoretical, scientific and practical problems of the implementation of the state national policy. The journal accepts original articles for publication, comprehensive studies of Russian and foreign authors, previously unpublished research reports.

ISSUES OF ETHNIPOLITICS is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 23.11.2018, reg. No. FS77-74388

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel: + 7(495)250-67-44

E-mail: ethnopolitics@rggu.ru

Website: <http://ethnopolitics-journal.ru>

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал «ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Цели и область

«Вопросы этнополитики» – рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам этнополитики. Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований в области изучения этнополитических и этнокультурных процессов. Основная направленность издания – научные статьи, посвященные исследованиям в области этнополитологии и этносоциологии, нациестроительства, политической лингвистики, этноконфликтологии, миграционных процессов, этнокультурного многообразия России. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем реализации государственной национальной политики. Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 23.11.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77–74388 от 23.11.2018

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: + 7(495)250-67-44

Электронная почта: ethnopolitics@rggu.ru

Сайт: <http://ethnopolitics-journal.ru>

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

M.A. Omarov, Dr. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.M. Gadzhimuradova, Cand. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.I. Masalovich, Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), Inforus Consortium, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

O.Y. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

E.N. Chernysheva, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

Editorial Council

M.M. Magomedov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Staff of the Presidential Executive Office, Moscow, Russian Federation

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

O.V. Melnichenko, Cand. of Sci. (History), Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs, Moscow, Russian Federation

I.I. Gilmutdinov, State Duma Committee on Issues of Nationalities, Moscow, Russian Federation

T.V. Vagina, National Policy Department of the Internal Politics Office of Russian President Administration, Moscow, Russian Federation

V.I. Suchkov, Moscow city Committee on Interregional Relations and Nationalities Policy, Moscow, Russian Federation

V.A. Avksentev, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Federal Research Center «Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Rostov-na-Donu, Russian Federation

V.A. Achkasov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

A.G. Bolshakov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

L.M. Drobizheva, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.Y. Zorin*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.I. Kovalenko*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- M.Y. Martynova*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.A. Mikhailov*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
- N.M. Mukharyamov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation
- O.V. Pavlenko*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- Y.P. Shabaev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation
- O.F. Shabrov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Executive editor:

O.Y. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

М.А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.М. Гаджимурадова, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (ответственный секретарь)

А.И. Масалович, кандидат физико-математических наук, Консорциум «Инфорус», Москва, Российская Федерация (первый заместитель главного редактора)

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Е.Н. Чернышева, кандидат философских наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Редакционный совет

М.М. Магомедов, доктор экономических наук, профессор, Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Мельниченко, кандидат исторических наук, Совет Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Москва, Российская Федерация

И.И. Гильмутдинов, Государственная Дума ФС РФ по делам национальностей, Москва, Российская Федерация

Т.В. Вагина, Управление Президента РФ по внутренней политике, Москва, Российская Федерация

В.И. Сучков, Департамент национальной политики и межрегиональных связей, Москва, Российская Федерация

В.А. Авксентьев, доктор философских наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

А.Г. Большаков, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Российская Федерация

- Л.М. Дробижева*, доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
- В.Ю. Зорин*, доктор политических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ю. Мартынова*, доктор исторических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.А. Михайлов*, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.М. Мухарямов*, доктор политических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), Казань, Российская Федерация
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.П. Шабаетов*, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Российская Федерация
- О.Ф. Шабров*, доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент (РГГУ)

Содержание

Миграционная политика

Леденева В.Ю.

- Совершенствование миграционного законодательства
в сфере адаптации и интеграции мигрантов 10

Этноконфликтология

Большаков А.Г.

- Управление социальной напряженностью
в процессе адаптации иностранных студентов
в регионах России (на примере Республики Татарстан) 22

Абаев А.Л., Вельская Г.Г.

- Профилактика межнациональных
и межконфессиональных конфликтов в молодежной среде 30

Политическая лингвистика

Барсукова Н.Е., Мальцева А.А.

- Русский язык на пространстве СНГ: современное состояние
научных коммуникаций и подготовка кадров
высшей квалификации 45

Борисова Н.В., Сулимов К.А.

- Вариативность языковой преференциальной политики
в сфере образования в республиках России:
ресурсные ограничения и агентские стимулы 62

Истомин К.В.

- Языковая ситуация среди оленеводов-кочевников
и полупоседлого населения севера европейской России
и Западной Сибири: сферы бытования, ситуации использования,
языковые компетенции 75

Международная этнополитика

Гаева А.С.

- Основные направления политики интеграции детей-иммигрантов
из третьих стран в сфере школьного образования:
инструменты и практики стран ЕС 113

Этнополитика и цифровой мир

В.Е. Васильев, Ю.И. Еременкова, А.Н. Ермохина,

А.А. Никифоров, И.В. Солдатенков

- Роль цифровых технологий в адаптации трудовых мигрантов
из Средней Азии в современной России 122

Чернышова Е.Н.

- Проблема адаптации детей-мигрантов и цифровая
образовательная среда Российской Федерации 145

Contents

Migration Policy

Ledeneva V.Yu.

- Improvement of migration legislation in the sphere of adaptation and integration of migrants 10

Ethnoconflictology

Bolshakov A.G.

- Management of social tension in the process of adaptation of foreign students in the regions of Russia (on the example of the Republic of Tatarstan) 22

Abaev A.L., Velskaya G.G.

- Prevention of interethnic and interfaith conflicts in the youth environment 30

Political Linguistics

Barsukova N.E., Maltseva A.A.

- Russian language in the CIS: the current state of scientific communications and training of highly qualified personnel 45

Borisova N.V., Sulimov K.A.

- Variability of language preferential policy in the sphere of education in Republics of Russia: resource constraints and Agency incentives 62

Istomin K.V.

- Language situation among reindeer herders-nomads and semi-settled population of the North of European Russia and Western Siberia: spheres of existence, situations of use, language competence 75

International Ethnopolitics

Gaeva A.S.

- The main directions of the policy of integration of immigrant children from third countries in the field of school education: tools and practices of the EU countries 113

Ethnopolitics and the Digital World

Vadim E. Vasilev, Julia I. Eremenkova, Alina N. Ermokhina, Alexander A. Nikiforov, Ivan V. Soldatenkov

- Role of digital technologies in adaptation of labor migrants from Central Asia in modern Russia 122

Chernyshova E.N.

- The problem of adaptation of migrant children and the digital educational environment of the Russian Federation ... 145

Совершенствование миграционного законодательства в сфере адаптации и интеграции мигрантов

В.Ю. Леденева

*Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия, Vy.ledeneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы миграционного законодательства в сфере социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Социальная адаптация и интеграция мигрантов – одна из важнейших задач в государственной политике миграционных процессов. Однако до сих пор не разработаны механизмы и инструменты регулирования этих процессов. Автор, анализируя актуальные миграционные проблемы, в том числе проблемы нелегальной миграции, формирования этнических анклавов, отмечает, что, несмотря на наличие определенных законодательных актов, так или иначе касающихся вопросов адаптации, в целом миграционное законодательство не сформировано, в первую очередь, это связано с отсутствием основного закона об адаптации иностранных граждан. Среди проблем автор также называет отсутствие необходимой инфраструктуры, позволяющей мигрантам адаптироваться и интегрироваться в российское общество. В статье анализируется деятельность основного федерального исполнительного органа власти, уполномоченного реализовывать деятельность по адаптации и интеграции иностранных граждан – Федерального агентства по делам национальностей; задачи, которые реализует Агентство в настоящее время и которые еще предстоит выполнить. Показаны лучшие региональные практики в сфере адаптации и интеграции мигрантов. Даны рекомендации и предложения по совершенствованию миграционного законодательства в сфере адаптации и интеграции мигрантов.

Ключевые слова: мигрант; миграционная политика, миграционное законодательство, государственное регулирование; нелегальная миграция, социальная адаптация и интеграция, Федеральное агентство по делам национальностей

Для цитирования: Леденева В.Ю. Совершенствование миграционного законодательства в сфере адаптации и интеграции мигрантов // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 10–21. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-10-21

Improving migration laws in the area of adaptation and integration of migrants

Viktorii Yu. Ledeneva

*Federal state institution of science Institute
of socio-political research Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, Vy.ledeneva@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the problems of migration legislation in the sphere of social cultural adaptation and integration of migrants.

Social adaptation and integration of migrants is one of the most important tasks in the development of migration processes. However, mechanisms and tools for regulating these processes have not yet been developed. The author, analyzing the current migration problems, including the problems of illegal migration, the formation of ethnic enclaves, notes that, despite the presence of certain legislative acts, one way or another relating to the issues of adaptation, in General, migration legislation is not formed, first of all, this is due to the absence of the basic law on the adaptation of foreign citizens. Among the problems, the author also calls the lack of the necessary infrastructure that allows migrants to adapt and integrate into Russian society. The article analyzes the activities of the main Federal Executive body authorized to implement activities on adaptation and integration of foreign citizens—the Federal Agency for nationalities, the tasks that the Agency is currently implementing, and which have yet to be fulfilled. The best regional practices in the field of adaptation and integration of migrants are shown. Recommendations and proposals for improving migration legislation in the field of adaptation and integration of migrants are given.

Keywords: migrant; migration policy; migration legislation; state regulation; illegal migration; social adaptation and integration, Federal Agency for Nationalities

For citation: Ledeneva, V.Yu. (2019), “Improving migration laws in the area of adaptation and integration of migrants”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 10-21. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-10-21

Постановка проблемы

Проблема социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан на современном этапе связана с совершенно новым качеством трудовых мигрантов, прибывающих в Россию. Сегодня мигранты более религиозны, чем после распада СССР. Отличие культуры, традиций, незнание языка – все это является причиной изоляции и отчужденности мигрантов от общества. В России мигранты сталкиваются с целым комплексом проблем правового, бытового и адаптационного характера. Они легче других

социальных групп попадают под влияние носителей радикальной идеологии, разного рода деструктивных организаций, являются благодатной средой для коррупционных схем. На территориях массового пребывания и проживания неадаптированных мигрантов формируется конфликтогенная среда.

По данным МВД России, на миграционный учет за 9 месяцев 2019 года поставлено более 14,9 миллионов человек (в 2018 г. за 9 месяцев – 13,6 млн чел.). При этом в 2018 г. общий прирост составил более 2 млн по сравнению с 2017 г. (17 млн 764 тыс. и 15 млн 719 тыс., из них с целью туризма – 0,5 млн человек)¹.

На рынке труда с участием иностранной рабочей силы сформировалась ситуация, когда значительная доля иностранных трудовых мигрантов имеет неурегулированный статус и работает без должного оформления трудовых отношений. Сложившиеся устойчивые бесконтрольные схемы привлечения на рынок труда мигрантов без оформления ими патентов на право трудовой деятельности или ухода в теневую занятость тех, кто своевременно не продлил срок действия патента. Наличие в стране трудовых мигрантов с неурегулированным статусом повлекло создание возможностей по неуплате налогов потенциальными налогоплательщиками, выплате им неучтенных наличных денег, что в совокупности создало питательную среду для коррупционных проявлений и возможности формирования замкнутых этнических групп. Интенсивность и недостаточная контролируемость миграционных потоков начинают оказывать серьезное влияние на изменение этнического состава населения в ряде регионов России. При этом зачастую наплыв иммигрантов в конкретную местность негативно воспринимается местными жителями, а отсутствие адекватных государственных мер реагирования не способствует снятию общественного напряжения.

В России не создано необходимой инфраструктуры, позволяющей мигрантам адаптироваться и интегрироваться в российское общество, а влияние конфессионального фактора способствует разобщению между мигрантами и местным населением, формированию негативных стереотипов по отношению к приезжим, росту бытовой ксенофобии, конфликтам на межнациональной почве.

Адаптация и интеграция мигрантов являются одной из важнейших задач государственной миграционной политики. Сегодня эти вопросы обсуждаются не только на площадках заседаний органов власти. Практически ни одно мероприятие, посвященное проблемам миграции, не обходится без обсуждения вопроса адаптации и интеграции мигрантов.

Помимо компенсации демографических потерь и восполнения дефицита рабочей силы, миграция в Россию несет значительные риски, связанные с:

---

¹ Статистические данные МВД// https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm

- расширением возможностей для вовлечения иностранных граждан в различные радикальные религиозные организации;
- значительной концентрацией мигрантов и их анклавизацией.

В условиях отсутствия внятной официальной государственной политики в сфере миграционного регулирования повышается роль неформальных интеграционных практик иностранцев посредством социальных сетей, этнических анклавов и пространственной сегрегации.

Несмотря на то что в целом для Российской Федерации проблемы возникновения мусульманских анклавов пока не актуальны, так как во многих регионах при доминировании титульной (русской) нации проживают и другие многочисленные национальные меньшинства, тем не менее в определенных регионах создаются своеобразные этнические гетто, в которых проживают мигранты, как правило, нелегальные (Московский регион, Тульская область, Красноярский край, Иркутская область и другие). Ответственность за данную ситуацию, по мнению представителей отдельных регионов, в первую очередь необходимо возложить на предпринимателей, которые в нарушение законодательства Российской Федерации не легализуют граждан, приезжающих к ним на работу.

Основные проблемы в сфере адаптации и интеграции мигрантов.

1. Государству намного сложнее обеспечить соблюдение прав неадаптированных мигрантов и обеспечить их безопасность, чем это можно сделать по отношению к адаптированным мигрантам.

2. Условия пребывания / проживания большинства неадаптированных мигрантов не соответствуют санитарным нормам страны приема. Антисанитария – питательная среда для распространения опасных инфекционных заболеваний.

3. Неурегулированность правового статуса многих трудовых мигрантов. Успешная социально-культурная адаптация возможна только для тех мигрантов, правовой статус которых урегулирован (легален). Это особенно важно учитывать в условиях, когда в отдельных регионах Российской Федерации неурегулированные трудовые мигранты составляют 30–50% (по оценкам некоторых экспертов и более) от общего числа трудовых мигрантов. Поэтому актуальной задачей является уменьшение теневой (неурегулированной) части трудовых мигрантов и проведение работы по ограничению влияния теневого рынка труда на трудовых мигрантов с урегулированным статусом и созданию условий для легального пребывания и работы вновь приезжающих в Россию трудовых мигрантов.

4. Проблемы институализации государственной политики. Несмотря на то что в 2017 г. Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН) были переданы полномочия в реализации государственной политики в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан, ФАДН не имеет ресурсов для полноценной деятельности, это связано с отсутствием территориальных подразделений ведомства.

5. Проблемы правового характера. В России с особой остротой обозначился законодательный пробел. До настоящего времени не введен в действие закон о социально-культурной адаптации и интеграции. Проект этого федерального закона был внесен в Правительство Российской Федерации еще в феврале 2018 г., однако его принятие все время откладывается, что во многом дезориентирует деятельность субъектов этих процессов. Региональные государственные органы, органы местного самоуправления, общественники по-разному понимают объем своих задач и функций в данной сфере. Их регулятивные воздействия часто носят несогласованный, хаотичный и в большей степени ситуативный характер, что тоже негативно сказывается на качестве процессов адаптации и интеграции мигрантов.

До настоящего времени не определены основные термины, что затрудняет формирование единых подходов.

Анализ миграционного законодательства в сфере адаптации и интеграции мигрантов

Государственные органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные институты по-разному понимают объем своих задач и функций в данной сфере. Их регулятивное воздействие порой носит несогласованный и в значительной мере ситуативный характер.

Существуют проблемы с выделением средств на создание и организацию деятельности, необходимой инфраструктуры для реализации мероприятий по адаптации иностранных граждан.

Возникают существенные сложности с финансированием НКО, осуществляющих данную деятельность (в основном это происходит за счет президентских грантов, носит разовый характер, что не позволяет организовать системную работу с мигрантами).

В условиях отсутствия правового закрепления понятий «адаптация» и «интеграция» упор в работе диаспор и НКО с мигрантами зачастую делается на оказание коммерческих услуг, не уделяется необходимое внимание работе по адаптации.

В целом социальная адаптация и интеграция иностранных граждан – это задача не только государства. Ее решение требует совместных системных, комплексных и непрерывных усилий органов власти, культурных и научных организаций, средств массовой информации, религиозных деятелей, общественности, легитимных организаций мигрантов и их неформальных лидеров.

К основным принципам деятельности по социальной адаптации иностранных граждан, относятся:

- принцип комплексности – взаимодействие различных государственных и общественных институтов;
- принцип социализации – создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции в принимающее сообщество;

- принцип адресности – учет разнообразных индивидуальных характеристик иностранных граждан (возраст, гендерная принадлежность, социальный статус, конфессиональная и этническая принадлежность).

Таким образом, миграционное законодательство почти не содержит мер, способствующих социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. На федеральном уровне вопросам социальной и культурной адаптации иностранных граждан посвящен ряд нормативно-правовых актов, среди которых:

- Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях»;
- Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
- Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
- На региональном уровне вопросам социальной и культурной адаптации иностранных граждан также посвящен ряд нормативно-правовых актов.

Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, которая предусматривает решение вопросов социальной адаптации иностранных граждан, в том числе посредством совершенствования нормативно-правового регулирования. При этом Концепция предполагает изменение подходов к сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан. Планом мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы предусмотрено проведение анализа и выработка предложений по созданию комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации с учетом многообразия укладов жизни населения Российской Федерации и обеспечения соблюдения национальных интересов Российской Федерации.

В соответствии с Планом мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденным Распоряжением Правительства РФ, одним из таких мероприятий является «создание условий для адаптации иностранных граждан к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации» и включает:

- Проведение анализа и выработка предложений по созданию комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации с учетом многообразия укладов жизни населения Российской Федерации

и обеспечения соблюдения национальных интересов Российской Федерации.

- Проведение мониторинга и анализа конфликтных ситуаций с участием иностранных граждан на почве межнациональных или межрелигиозных отношений и подготовка предложений по мерам, направленным на их предупреждение.
- Проведение мероприятий по социальной и культурной адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в целях обеспечения на территории Российской Федерации межнационального и межрелигиозного мира и согласия. ФАДН осуществляет работу по обеспечению основ социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество в рамках реализации Концепции и в соответствии с утвержденным Планом.

Также, согласно Плану мероприятий, задачами ФАДН являются:

1. совершенствование законодательства в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан (основные направления – недопущение социальной и территориальной изоляции иностранных граждан в Российской Федерации, устранение способствующих этому условий; разработка, внедрение и реализация государственными органами и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества и работодателями программ адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество);

2. анализ миграционной ситуации в субъектах Российской Федерации в целях выявления факторов, способных оказать негативное влияние на общественно-политическую обстановку (основное направление – недопущение социальной и территориальной изоляции иностранных граждан в Российской Федерации, устранение способствующих этому условий);

3. разработка методического пособия для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (основные направления – недопущение социальной и территориальной изоляции иностранных граждан в Российской Федерации, устранение способствующих этому условий; разработка, внедрение и реализация государственными органами и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества и работодателями программ адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество; повышение роли институтов гражданского общества в социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации, содействие участию институтов гражданского общества в деятельности многофункциональных центров, а также организаций, предоставляющих иностранным гражданам юридические, социальные, образовательные и иные услуги).

В настоящее время Агентством:

- разработан проект методических рекомендаций для органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросам противодействия социальной исключенности мигрантов в Российской Федерации, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов;
- утверждена новая редакция Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по актуальным вопросам реализации государственной национальной политики, формированию в местном сообществе позитивных межнациональных отношений, по выявлению и предупреждению межнациональных конфликтов;
- организован сбор и анализ информации о деятельности национально-культурных общественных объединений и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан, с обобщением лучших региональных практик в указанной сфере.

Лучшие региональные практики в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан

Среди лучших практик и приоритетных направлений деятельности по актуальным вопросам адаптации мигрантов можно выделить следующие: информирование трудовых мигрантов начинается с баннеров в месте ожидания оформления документов иностранными гражданами, где созданы интерактивные зоны для прибывающих: на плакатах, баннерах, на экраны транслируется полезная информация, способствующая адаптации и интеграции иностранных граждан: Республика Адыгея, г. Санкт-Петербург, Хабаровский край. В Мурманской области создан электронный информационный ресурс – интерактивная карта (краткие историко-культурологические справки о достопримечательностях, фото-, аудио-, видеоматериалы, 3D-экскурсии).

С целью интеграции и адаптации трудовых мигрантов на базе национальных воскресных школ проводится работа с детьми, организация досуга, курсов по изучению национальных языков: Республика Башкортостан, Удмуртская Республика.

Осуществление взаимодействия с лидерами национальных общин и конфессий регионов, привлечение их к участию в работе консультативных органов (общественных советов) при территориальных органах федеральных органов исполнительной власти, главах администраций муниципальных районов и городских округов.

В некоторых субъектах Российской Федерации утверждены государственные программы, в планы которых включены мероприятия, направленные на культурную адаптацию мигрантов; на реализацию

проектов и мероприятий по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации для некоммерческих организаций в бюджетах следующих субъектов Российской Федерации предусмотрены субсидии (гранты для реализации социально-культурных проектов и программ).

Таким образом, на наш взгляд, можно обозначить несколько основных проблем государственного регулирования адаптации и интеграции мигрантов.

1. Отсутствие закона о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, который устанавливал бы правовые, организационные и экономические основы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество.

2. В связи с этим отсутствие системы взаимодействия органов власти разного уровня и отсутствие у ФАДН своих территориальных подразделений, уполномоченных реализовывать деятельность по адаптации и интеграции мигрантов.

3. Отсутствие финансирования сектора НКО, осуществляющих данную деятельность. В основном НКО финансируются за счет президентских грантов, но это разовые акции и не позволяют проводить системную работу с мигрантами.

4. Слабая работа диаспор и НКО по работе с мигрантами. В основном лидеры национальных организаций оказывают коммерческие услуги мигрантам, зарабатывают на мигрантах, но практически не проводят работу по адаптации.

5. Отсутствие понятийного аппарата адаптации и интеграции.

По мнению экспертов, чтобы добиться позитивных сдвигов в сфере государственного регулирования миграционных потоков, следует обеспечить контроль за исполнением федерального законодательства на местах и расходованием финансовых средств, выделяемых в интересах решения задач в миграционной сфере, исключить коррупциогенные факторы путем обеспечения доступности и анонимности доведения информации иностранным гражданином или его работодателем до заинтересованных ведомств, принять действенные меры, направленные на усиление контролирурующих процедур за въездом мигрантов.

Основными мероприятиями по адаптации и интеграции на разных уровнях власти должны стать:

- совершенствование системы взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в сфере миграции, в том числе путем создания совместных рабочих органов (комиссий, советов и т. п.);
- формирование государственной миграционной политики Российской Федерации для различных типов регионов с учетом складывающейся миграционной ситуации;

- создание при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления экспертных советов по вопросам гармонизации межнациональных (межэтнических) и этноконфессиональных отношений с участием представителей науки, образования, экспертных учреждений, национальных объединений и религиозных организаций;
- участие представителей региона от органов исполнительной власти и общественности в мероприятиях, организованных федеральным органом исполнительной власти, создание необходимой инфраструктуры, в том числе на основе государственно-общественного партнерства («центры миграции», консультативные центры, в том числе и передвижные, осуществляющие информационную и правовую поддержку как мигрантов, так и всех заинтересованных сторон, организующие курсы по изучению традиций и культуры коренного населения региона);
- создание домов дружбы, методическое сопровождение их деятельности с целью широкого вовлечения граждан и общественных организаций, мигрантов в мероприятия по реализации задач государственной национальной политики Российской Федерации;
- организация «горячих линий» по вопросам разъяснения действующего законодательства, трудоустройства на территории субъекта Российской Федерации;
- поддержка проектов некоммерческих организаций, привлечение лидеров национально-культурных автономий и диаспор, отдельных иностранных граждан к проведению мероприятий, направленных на обучение мигрантов русскому языку, их правовое просвещение и информирование о культурных традициях и нормах поведения;
- направление сотрудников, задействованных в сфере реализации государственной миграционной политики, для участия в обучении, организованном федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере реализации государственной национальной политики;
- проведение региональных конференций, семинаров, круглых столов по вопросам укрепления межнациональных (межэтнических) и этноконфессиональных отношений и профилактики экстремизма;
- разработка совместно с научно-экспертным и педагогическим сообществом дополнительных программ профессионального обучения для представителей различных институтов гражданского общества (курсы, лектории, семинары и иные формы обучения).

Для повышения эффективности работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по социально-культурной адаптации предлагается:

- рассмотреть вопрос о создании в субъектах Российской Федерации центров межкультурной коммуникации мигрантов, при

которых открывать курсы по изучению традиций и культуры коренного населения региона с целью повышения уровня социально-культурной адаптации мигрантов;

- продолжить работу над проектом закона о социальной адаптации и интеграции иностранных граждан;
- принятие закона об обязательном прохождении обучения на курсах русского языка, истории и законодательства (в субъектах добавить региональные аспекты) иностранных граждан, претендующих на статус долгосрочных мигрантов и подающих документы на РВП, ВНЖ и гражданство;
- провести работу по унификации миграционного законодательства Российской Федерации.

Литература

План мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утверждена Правительством Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 625-р.

Федеральный закон от 12.01.1996. № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях».

Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622, утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.

Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.».

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

References

Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 02.08.2019) 'Ob obshhikh principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii'.

Federal'nyj zakon ot 12.01.1996 No 7-FZ (red. ot 29.07.2018) "O nekommercheskikh organizacijah".

Plan meroprijatij po realizacii v 2019–2021 godah Konceptii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody, utverzhdena Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii ot 22 fevralja 2019 g. № 625-r.

Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018) «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda».

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 oktjabrja 2018 g. № 622 utverzhdena Konceptija gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody.

Информация об авторе

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, Федеральное государственное учреждение науки Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), Москва, Россия; 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1, Vy.ledeneva@yandex.ru

Information about the author

Ledeneva Victoria Yurievna, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, Federal state institution of science Institute of socio-political research Russian Academy of Sciences (ISPR RAS), Moscow, Russia; bldg.1, bld. 6, Fotieva Str., Moscow, Russia, Vy.ledeneva@yandex.ru

Управление социальной напряженностью
в процессе адаптации иностранных студентов
в регионах России
(на примере Республики Татарстан)

А.Г. Большаков

*Казанский федеральный университет,
Казань, Россия, bolshakov_andrei@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается такой фактор социальной напряженности в российском регионе, как увеличение миграционных потоков. Миграция изучается на примере получения высшего образования иностранными студентами в Татарстане. Анализируется современная образовательная миграция, перспективы по адаптации иностранных специалистов для жизни в России, угрозы возникновения экстремистского поведения со стороны приезжих и местного населения.

Ключевые слова: социальная напряженность, миграционный поток, миграция, приезжие, иностранные студенты, старожильческое население, профилактика экстремизма

Для цитирования: Большаков А.Г. Управление социальной напряженностью в процессе адаптации иностранных студентов в регионах России (на примере Республики Татарстан) // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 22–29. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-22-29

Management of social tensions in the process
of adaptation of foreign students
in the regions of Russia
(on the example of the Republic of Tatarstan)

Andrey G. Bolshakov

Kazan Federal University, bolshakov_andrei@mail.ru

Abstract. The text of the article provides a systematic analysis of educational migration in one of the dynamically developing regions of Russia – the Republic of Tatarstan. As a subject, the general trends of educational migration in the region

and the policies of its higher education institutions, which seek to become one of the best universities in the world, are studied. The article studies the main regions of the world from where educational migration to universities of the Republic of Tatarstan is carried out. The idea is being put forward of a consortium of global universities in Kazan that train a significant number of foreign specialists, some of whom remain to live and work in Russia.

The possible destructive consequences of the penetration into the territory of the region of radical religious ideas and movements from abroad are examined. Particular attention is paid to studying the reaction of the local population to the emergence of large groups of migrants with higher education or studying at the universities of Tatarstan. Ideas and recommendations on the prevention of destructive conflict and extremism among foreign students and local residents are expressed.

Keywords: Social tension, migration flow, migration, a migratory attractive region, visitors, foreign students, local population, prevention of extremism

For citation: Bolsakov A.G. (2019), "Management of social tensions in the process of adaptation of foreign students in the regions of Russia (on the example of the Republic of Tatarstan)", *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 22-29, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-22-29

Социальная напряженность характеризуется, как правило, негативным эмоциональным состоянием в регионе в целом или в крупных социальных группах, проявляясь и при отсутствии осознаваемого противостояния. Задача органов государственного управления состоит в минимизации уровня социальной напряженности общества на безопасном уровне. Воздействие на факторы конфликтности позволяет управлять уровнем социальной напряженности в регионе.

Среди факторов социальной напряженности в Республике Татарстан лидируют социальные проблемы разного уровня: рост цен, увеличение платежей за жилищно-коммунальную сферу, небольшой размер большинства зарплат и пособий, некачественные дороги во внутренних районах республики, неэффективность здравоохранения.

Факторы этнической и религиозной конфликтности практически не заметны для общественного мнения в 2019 г., поскольку такие ситуации носят исключительно локальный характер и крайне редки. Даже «языковая проблема», связанная с преподаванием русского и татарского языка в средних школах, о которой много говорилось и писалось в 2017–2018 гг., отошла в разряд второстепенных и волнует лишь часть этнических татар, преимущественно пожилого возраста, проживающих на селе и в малых городах республики. Языковая проблема, которая не переросла в открытый конфликт, на сегодня уже мало тревожит нетатарское население республики, постепенно падает интенсивность напряжения и у этнических татар, многие из которых согласились с принципом «добровольности» изучения

татарского языка через год–два после пика конфликта. Такие выводы содержатся в исследовании межэтнических отношений в Республике Татарстан в 2019 г., проведенного группой московских социологов под руководством Л.М. Дробижевой (ежегодный замер, n = 2000 респондентов).

Татарстан традиционно является регионом стабильных межэтнических и религиозных отношений. Значительная часть населения терпимо относится к приезжим мигрантам. Уровень лояльности к приезжим обычно превышает показатели других регионов. Однако, несмотря на это, в упоминаемом выше исследовании Л.М. Дробижевой 25% этнических русских и 25% этнических татар однозначно высказались против пребывания мигрантов на территории республики, считая, что мигранты могут занять их рабочие места или составить существенную конкуренцию на рынке труда. При этом образовательная миграция, в отличие от трудовой, пока не воспринимается старожильческим населением в негативном ключе.

В последние годы для Республики Татарстан характерно постоянное увеличение миграционных потоков. Наиболее стабильным из них является образовательная миграция, которая в целом контролируется российскими государственными органами власти и управления. Фактор наличия контингента иностранных студентов стал сегодня важнейшим показателем эффективности работы любого вуза РФ. Наличие этого показателя мы видим в большинстве важнейших зарубежных (ARWU, THE, QS) и российских (Интерфакс, Эксперт РА, «Три миссии университета») рейтингах [Николаенко 2017, с. 97–110; Садовничий 2019, с. 8–9]. Имиджевый и содержательный эффект от обучения иностранных студентов очевиден, поскольку осуществляется обмен знаниями и опытом, различными традициями преподавания и научной деятельности, происходит взаимное культурное обогащение россиян и иностранцев. Безусловным лидером в республике по привлечению иностранных студентов является Казанский федеральный университет, который ставит задачу доведения их до 10 тысяч человек. При этом в настоящее время уже в стенах вуза осуществляется обучение порядка 7 тысяч зарубежных студентов.

В 2015 г. в Татарстане принята «Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.»¹. Согласно тексту «Стратегии...»: «Республике Татарстан будет необходимо удерживать позиции миграционно привлекательного региона, успешно конкурируя за население, как с соседями, так и с основными российскими центрами притяжения населения, поскольку в будущем роль миграции может возрасти вследствие неблагоприятной демографической динамики». Данные за последние годы подтверждают

---

¹ Закон Республики Татарстан 2015 – Закон Республики Татарстан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года». Принят Государственным Советом РТ 10 июня 2015 г.

эту тенденцию, несмотря на кратковременный рост рождаемости в 2009–2011 гг., в среднем по РФ за последние 10 лет она только уменьшилась [Хвыля-Олинтер 2015].

Обучение иностранных студентов и их последующее трудоустройство и закрепление в Республике Татарстан важно, поскольку современные мигранты не имеют, как правило, высшего и даже среднего образования. Стратегия Татарстана в разделе «Магнит для лучших» включает в себя организованное привлечение мигрантов в рамках соглашений, что дает увеличение миграционного прироста населения региона до 10–15 тыс. в год к 2020 г., до 20–25 тыс. – к 2025 г. Такая постановка вопроса продвигает идею о создании консорциума глобальных вузов на территории Республики Татарстан, в который могут войти: Казанский федеральный университет, Казанский национально-исследовательский технический университет (бывший КАИ), Казанский национально-исследовательский технологический университет (бывший КХТИ), университет «Иннополис» (татарстанский аналог проекта «Сколково»).

Статистические данные о современных иностранных студентах в Республике Татарстан разнятся. Не существует на настоящий момент и четкого учета обучающихся в вузах республики. Тем не менее определенные тенденции заметны достаточно четко. Так, среди современных иностранных студентов в Татарстане преобладают выходцы из Центральной Азии, есть студенты из региона Южного Кавказа (но их немного), африканских и арабских стран, Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Индия, Китай и др.). Интересно, что, по нашим данным, примерно половина студентов из стран СНГ – это этнические русские и татары, представители других старожильческих народов России. В целом мы наблюдаем стабильный рост притока студентов из-за рубежа в регион. Так, с 2013 по 2019 г. доля иностранных обучающихся в казанских вузах должна вырасти с 2,3% до 6,9% от общего числа студентов в Республике Татарстан [Учебная миграция в Республике Татарстан 2015, с. 56].

Общее количество иностранных студентов в Татарстане на апрель 2018 г. составило 10,4 тыс. из 15 стран ближнего и 98 стран дальнего зарубежья. Больше всего – из Узбекистана, Туркменистана, Казахстана и Таджикистана. Несколько отстает от своих соседей по Центральной Азии только Киргизия, но она не обладает таким значимым людским потенциалом, как, например, Узбекистан, население которого уже достигло 33 миллионов человек, а диаспора в Татарстане составляет 85 тысяч человек. Диаспора этнических узбеков является самой большой в республике и включает 3800 студентов, обучающихся в высших учебных заведениях².

---

² Выступление Генерального консула Республики Узбекистан в г. Казань Насриева Фариддина Бадриддиновича в Казанском федеральном университете перед студентами 21 ноября 2019 г. на круглом столе, посвященном выборам в парламент Республики Узбекистан 22 декабря 2019 г.

Среди стран дальнего зарубежья лидируют Индия, Китай, Ирак, Иран. Самыми популярными вузами у иностранцев являются следующие университеты Казани: КФУ, КНИТУ (КАИ), КНИТУ (КХТИ) и КГМУ. Однако уровень успеваемости большинства иностранных студентов оставляет желать лучшего. По статистике, отчисляются 35% иностранцев, а 15% прекращают учебу уже в первый год. После отчисления из вуза бывшие студенты почти не уезжают домой, а многие из них становятся нелегальными мигрантами. Кроме того, с точки зрения безопасности важно, что существуют ограничения по количеству принимаемых студентов из некоторых стран. Тенденция притока «опасных» студентов (связанных с радикальными религиозными организациями) сохраняется, их даже становится больше.

По данным социологических опросов, Республика Татарстан является тем субъектом, который рассматривается как конечная точка миграционного транзита, что свидетельствует об экономическом потенциале региона и благоприятной социальной ситуации. В Татарстане люди привыкли к тому, что рядом с ними находятся «другие» граждане, которые внешне, по поведению или культуре отличаются от них. Республика Татарстан привлекательна для мигрантов, условия труда вполне устраивают большинство приезжих, успешная адаптация способствует включению в образовательный процесс, помогает повысить качество подготовки студентов.

Среди иностранных студентов есть лица, приезжающие в РФ для осуществления террористической деятельности, именно они представляют наибольшую угрозу. Выявить всех экстремистов при въезде практически невозможно. В Республике Татарстан наиболее активными являются такие террористические организации, как «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (все они запрещены в Российской Федерации). К сожалению, их целевой аудиторией выступают именно трудовые мигранты и студенты из Центральной Азии и Кавказа. Эти люди часто находятся в кризисных ситуациях, связанных с адаптацией, для части из них характерны фрустрация, озлобление, когда их ожидания не реализуются на территории принимающей страны – России.

В среде иностранных студентов существуют деструктивные конфликты, в том числе на основе этнической и религиозной ненависти, хотя собственно экстремизм – не частое явление (превалируют предубеждения, скандалы, драки). Примерами являются ссоры корейцев и китайцев, драки таджиков и узбеков из одного кампуса. По своей сути – это бытовые или иногда криминальные конфликты. Первые решаются в административном порядке за счет расселения конфликтующих, вторые регулируются правоохранительными органами.

В целом пока мы наблюдаем спокойную реакцию старожильческого населения по отношению к мигрантам, она преимущественно позитивная, общественное мнение воспринимает их как приехавших на «определенное время», «платящих валюту государству». Экстремизма и деструктивных действий относительно немного, но они уже,

к сожалению, есть, в большинстве случаев – это конфликты на бытовой почве, но есть и столкновения с расовой подоплекой. Положение может измениться в худшую сторону, после того как значительная часть студентов будет оседать в поисках работы не только в российских столичных городах, но и регионах. Данный процесс уже начался. Положительное отношение старожильческого населения к иностранным студентам не отменяет наличие экстремистских групп, для которых преобладающим настроением является ксенофобия и даже физическое устранение приезжих.

Так, 16 февраля 2017 г. в Казани произошло убийство студента Махджуба Тиджани Хасана из Чада. Власти республики действовали в этой ситуации оперативно и жестко. По делу об убийстве было задержано 9 человек, все они имеют отношение к ультраправым группировкам города. Четверо из них предстали перед судом. Судебный процесс закончился в 2019 г. вынесением убийцам студента приговоров в 24,5 года и 24 года лишения свободы соответственно, два других фигуранта дела получили 3 и 4 года. По версии следствия, всего было шесть нападений на иностранных студентов, но без летального исхода, с тяжкими телесными повреждениями, все преступления были совершены на почве националистической (расовой) ненависти («превосходство людей с белым цветом кожи над остальными»). Два убийцы студента из Чада и их поделщики нигде не работали, состояли в одной преступной группировке, привлекались к уголовной ответственности, входили в сообщество футбольных фанатов.

С 2014 г. в Татарстане на первый план вышли различные экстремистские группы правой направленности, их активность достаточно велика, особенно в сети Интернет. В виртуальном пространстве идет, по сути, информационная война, обычно связанная с таким концептом, как «Стоп мигрант!». Если на территории РФ происходит инцидент, связанный с мигрантами (убийство, теракт и пр.), то в интернет-пространстве пропагандируется межнациональная рознь. Это группы, где есть нацизм, а также такие, где нацизм не афишируется. В Республике Татарстан есть мигрантские группы, которые ввязываются в виртуальные конфликты и начинают формировать негативное общественное мнение, такие же группы есть и среди студентов г. Казани. По данным АТК Республики Татарстан, наблюдается ежегодный прирост около 15% молодежной аудитории к группам и сообществам праворадикальной направленности в социальных сетях [Гришанов 2019, с. 111].

Современная миграция представляет собой разнонаправленное явление, которое имеет позитивные и негативные характеристики. Ее разновидность – образовательная миграция – изначально может быть рассмотрена как исключительно положительный феномен, когда речь идет о получении образования на территории другой страны и возвращении к себе на родину с целью приумножения национального достояния и улучшения качества услуг. Однако подобный

вариант подходит далеко не всем современным мигрантам. Наиболее важной процедурой интеграции мигрантов в принимающее сообщество является предоставление гражданства иностранцам, так как в дальнейшем эти люди будут пользоваться теми же правами, что и старожильческое население [Волох 2016, с. 160].

Позитивным результатом натурализации иностранцев является увеличение уровня жизни, решение демографических проблем. Однако «баланс интересов старожильческого населения и мигрантов, получивших гражданство, не всегда соблюдается»... «Новые граждане» могут посредством «государства и системы права навязывать старожильческому населению свои традиции, стереотипы и культуру, а также требовать большего к себе внимания со стороны государственных структур» [Волох 2016, с. 160]. Именно в таких ситуациях и возникает большинство конфликтов местного населения и мигрантов, значительная часть которых носит деструктивный характер и способствует росту экстремистских деяний.

Для того чтобы держать ситуацию со студенческой миграцией под контролем и улучшить качество обучения иностранных студентов в Татарстане и других российских регионах, необходимо: открывать центры подготовки абитуриентов на территории ряда стран СНГ; проводить обучение учителей стран СНГ на базе татарстанских вузов; создавать дома дружбы для иностранных студентов (для осуществления программ адаптации, обучения русскому языку, основам права, истории России). Осуществлять мониторинг различных Интернет-ресурсов (мигрантские сообщества, право-радикальные группы, религиозно-радикальные группы и др.); проводить систематическую разъяснительную работу среди студенчества (старожильческого и мигрантского).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31001» «The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-310001.

Литература

- Волох 2016 – *Волох В.А.* Вынужденная миграция в Европе: состояние, проблемы, пути оптимизации управления и миграционного законодательства в России // *Власть.* 2016. № 1. С. 158–163.
- Гришанов 2019 – *Гришанов К.С.* Образовательная миграция в национальных республиках ПФО: цифры и факты. Уфа: Медуза, 2019. 188 с.
- Николаенко, Федорова 2017 – *Николаенко Г.А., Федорова А.А.* Российские университеты в мировых рейтингах: успехи, провалы, перспективы // *Социология науки и технологий.* 2017. Т. 8. № 1. С. 96–112.

- Садовничий 2019 – *Садовничий В.А.* Московский международный рейтинг «Три миссии университета» как инструмент оценки качества высшего образования // Высшее образование сегодня. 2019. № 4. С. 2–9.
- Учебная миграция в Республике Татарстан 2015 – Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация иностранных студентов из государств БРИКС и Центральной Азии: сборник научных очерков. Казань-Бугульма: ООО «Премиум», 2014. 151 с.
- Хвьяля-Олинтер 2015 – *Хвьяля-Олинтер Н.А.* Демографическое состояние современной России // Социум и власть. 2015. № 4 (54). С. 15–23.

References

- Grihanov, K.S. (2019), “*Obrazovatel'nyya migraciya v national'nykh respublikah PFO: cifry i fakti*” [Educational migration in the national republics of the PFI: figures and facts], Ufa: Meduza, 188 p.
- Hvilya-Olinter, N.A. (2015), “Demograficheskoe sostoianie sovremennoy` Rossii”, [The demographic state of modern Russia], *Socium i vlast`*, no. 4 (54), pp. 15–23.
- Nikolaenko, G.A., Fedorova, A.A. (2017), “Rossiyskiye universiteti v mirovnykh reitingakh: uspehi, provali, perspektivi” [Russian universities in the world rankings: successes, failures, prospects], *Sociologiya nauki i tekhnologii*, vol. 8, no. 1, pp. 96–112.
- Sadovnichii, V.A. (2019), “Moskovskii megdunarodnii reiting ‘Tri missii universiteta’ kak instrument ocenki kachestva vishego obrazovaniya” [Moscow International Rating «Three Missions of the University» as a tool for assessing the quality of higher education], *Vishee obrazovanie segodnya*, no. 4, pp. 2–9.
- Uchebnyya migraciya v Respublike Tatarstan: adaptaciya inostrannykh studentov iz gosudarstv BRIKS i Central'noi Azii: sbornik nauchnykh oherkov* [Educational migration in the Republic of Tatarstan: adaptation of international students from BRICS and Central Asia] (2014), ООО “Premerium”, Kazan`, Bugul'ma, 151 p.
- Voloh, V.A. (2016), *Vinugdannaya migraciya v Evrope: sostoyanie, problemi, puti optimizacii upravleniya i migracionnogo zakonodatel'stva v Rosii, Vlast`* [Forced migration in Europe: the state, problems, ways to optimize governance and migration legislation in Russia], no. 1, pp. 158–163.

Информация об авторе

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, Кремлевская ул., д. 18, bolshakov_andrei@mail.ru

Information about the author

Andrey G. Bolshakov, Dr of Sci. (Politics), associate professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlevskaya Str., Kazan, Russia, 420008, bolshakov_andrei@mail.ru

Профилактика межнациональных и межконфессиональных конфликтов в молодежной среде

А.Л. Абаев, Г.Г. Вельская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abaeval@rggu.ru, velskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается профилактика межнациональных и межконфессиональных конфликтов в молодежной среде с помощью привлечения студентов к созданию социальной рекламы на данную тему. Этот способ апробирован в Российском государственном гуманитарном университете педагогами и студентами кафедры маркетинга и рекламы факультета рекламы и связей с общественностью на лекционных, семинарских и практических занятиях, в частности по дисциплине «Технология социальной рекламы».

Ключевые слова: межнациональные и межконфессиональные конфликты, толерантность, студенческая среда, социальная реклама

Для цитирования: Абаев А.Л., Вельская Г.Г. Культура миграционных отношений как фактор обеспечения стабильности в обществе // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 30–44. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-30-44

Prevention of inter-ethnic and inter-confessional conflicts among young people

Alan L. Abaev, Galina G. Velskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
abaeval@rggu.ru, velskaya@gmail.com*

Abstract. The article deals with the prevention of interethnic and inter-confessional conflicts in the youth environment by attracting students to the creation of social advertising on this topic. This method was tested in the Russian State University for the Humanities by teachers and students of the Department of Marketing and Advertising of the Faculty of Advertising and Public Relations at lectures, seminars and workshops, in particular in the discipline “Technology of social advertising”.

Keywords: interethnic and interconfessional conflicts, tolerance, student environment, social advertising

For citation: Abaev, A.L. and Velskaya, G.G. (2019), "Prevention of inter-ethnic and inter-confessional conflicts among young people", *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 30-44, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-30-44

В России в последние годы приобрели новое звучание проблемы межнациональных и межконфессиональных конфликтов и связанные с ними проявления экстремизма. По некоторым оценкам, наблюдаются тенденции радикализации общества, создающие благоприятную почву для негативных проявлений.

Россия – многонациональное, многоконфессиональное государство, поэтому необходимо самым тщательным образом исследовать существующие проблемы в межнациональных, межэтнических и межрелигиозных отношениях. Для успешной профилактики подобных конфликтов в молодежной среде необходимо не только владеть знаниями, умениями и навыками в сфере их регулирования, но и разработать комплексные решения в сфере их (конфликтов) предупреждения. Это позволит обеспечить стабильность и правопорядок не только в местах концентрации молодых людей (например, в вузах), но и в целом в обществе.

Очевидно, что на сегодня есть ряд факторов, которые влияют на зарождение межнациональных и межконфессиональных конфликтов:

- отсутствие объединяющей идеологии.

До конца 80-х гг. государством активно пропагандировалась идея «Дружбы братских народов». Этому посвящались фильмы, фестивали, различного рода культурные события и плакаты. Сегодня такого рода проявления государственной политики минимальны;

- смена ценностных оснований развития общества.

От того, каким образом сформируются определенная жизненная позиция молодого человека, его ценностные ориентации, цели, собственные взгляды на окружающую действительность, зависит его будущее.

Современная массовая культура является основным источником ценностей современной молодежи. Отсутствие нацеленности социальных институтов на нравственное воспитание дает свои результаты – духовную пустоту человека. Нравственная дезориентация формирует человека, открытого злу. Такого человека можно повернуть в любом направлении, в том числе и на преступления против жизни [Челомбицкая, Лавинский 2011];

- снижение общего культурного уровня населения. Культура и искусство приобретают черты дегуманизации и демонизации.

Нарушается исторический процесс культурной преемственности. Конфликт поколений трансформируется в их разобщенность и утрату национальных традиций. Молодежь ежедневно сталкивается с огромным потоком массовой пропаганды, впитывая далеко не гуманную информацию. По большей части эта негативная информация зомбирует личность, вырабатывает конкретные отрицательные установки, не развивает у нее позитивного мышления, что впоследствии влияет на ее действия и поступки [Челомбицкая, Лавинский 2011].

Это приводит к тому, что молодые люди во главу угла ставят карьеру, достижение высокого статуса. Сегодня у молодежи в России появились возможности получать работу, для которой не требуется высокий уровень образования, которая при этом дает возможность заработать большие деньги. Конечно, финансовое самоутверждение личности – серьезная мотивация. Но на поверку оказывается, что такой путь не дает ощущения настоящего успеха, а наоборот, усиливает формирование духовной пустоты и бессмысленности жизни, временности всего происходящего. Попав в эту нравственную «ловушку», молодежь начинает искать способы самоидентификации и самоутверждения. И тут как нельзя лучше подходит путь вхождения в различные закрытые сообщества, в которых легко получить желаемый статус и почувствовать свою успешность. Опасность закрытых сообществ состоит в том, что для сохранения закрытости необходимо объявить всех остальных врагами. И, в случае объединения людей по этническому или религиозному признаку, это может привести к конфликтам.

Межнациональные конфликты как социальное явление есть столкновение интересов разного уровня и содержания, которое представляет собой проявление сложных глубинных процессов в отношениях между отдельными этническими общностями, группами людей, протекающих под влиянием множества социально-экономических, политических, исторических, психологических, территориальных, сепаратистских, языково-культурных, религиозных и иных факторов.

Одним из современных инструментов разжигания этнической розни являются цифровые технологии, в частности Интернет. Экстремисты создают и выкладывают в сеть Интернет видеоролики нападения на представителей других национальностей, где это выглядит как некая героическая деятельность.

Понимание особенностей межэтнических и межконфессиональных отношений в обществе необходимо для эффективной работы по раннему предупреждению возникновения любых межнациональных и межконфессиональных конфликтов и проявлений экстремизма. Экстремизм несет в себе глобальную угрозу мирной жизни сообществ, ставит преграды на пути развития государства, подрывает устои внутренней и международной стабильности, поэтому во всем мире заметно вырос интерес к профилактике

экстремизма, в первую очередь, в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений.

Особенно остро проблема таких конфликтов проявляется в молодежной среде. Совершенствование форм и методов работы по пропаганде многообразия этнических культур и распространению идей толерантности среди молодежи, как наиболее активной социальной группы, призванной в дальнейшем устанавливать диалогические связи между разными народами и культурами, приобретает огромное значение. Вузы должны понимать меру своей ответственности за воспитание молодых людей в духе взаимного уважения и национальной терпимости, стремления к постижению истории, культуры и национальных особенностей народов. Высшей школе необходимо работать над формированием толерантных межнациональных отношений.

Существуют различные механизмы профилактики межэтнических и межрелигиозных конфликтов, из которых можно выделить следующие:

- формирование и распространение идей духовного единства, межнационального согласия народов, населяющих Россию, культивирование чувства российского патриотизма;
- сохранение исторического наследия и развитие традиций национального взаимодействия славянских, тюркских, кавказских, финно-угорских, монгольских и других народов России в рамках единого культурного пространства, создание в обществе атмосферы уважения к культурным ценностям людей разных национальностей;
- укрепление и совершенствование национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения и развития культуры и языка каждого народа наряду с воспитанием уважения к культуре, истории, языку других народов России, мировым культурным ценностям.

В данной статье рассматривается один из способов формирования и распространения идей духовного единства: привлечение студенческой молодежи к созданию социальной рекламы по национальной толерантности.

Социальная реклама может привлечь внимание к актуальным проблемам общества, его ценностным установкам и тем самым содействовать изменению модели поведения граждан. Современная социальная реклама использует спектр носителей, она разнообразна, как технически, так и творчески. Отчасти это связано с прогрессом в технических возможностях, отчасти с тем, что ее созданием занимается широкий спектр субъектов: государство, бизнесмены, политики, «третий сектор».

Роль и значение социальной рекламы в России все больше осознается не только на государственном уровне, но и представителями российского бизнеса, профессионального рекламного сообщества.

Согласно исследованию Purpose2020¹, за последние 12 лет стоимость брендов с активной социальной позицией выросла на 175%. Kantar Consulting опросил 20 тыс. потребителей и 100 представителей компаний (среди них – Coca Cola, Facebook, Samsung и многие другие) для того, чтобы выяснить, как социальная позиция бренда влияет на его стоимость и на отношение с клиентами.

Большинство опрошенных рассказали, что им нравятся бренды, у которых есть социальная позиция. Их называют брендами с целью (*purposeful brands*). Их предпочитает 61% поколения Z и столько же миллениалов, 53% людей среднего возраста и 47% потребителей старшего возраста.

Данные показали, что бренды с четкой социальной позицией подорожали на 175% за последние 12 лет – бренды, где позиция менее выражена, стали стоить на 86% больше, а те, где она не выражена совсем – на 70%.

В высшей школе также давно осознали важность и творческую привлекательность социальной рекламы. Среди дисциплин, входящих в учебный план по подготовке специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью, есть, например, «Технология социальной рекламы». Цель изучения данной дисциплины – подготовка специалистов, обладающих знаниями о механизмах создания продуктов социальной рекламы и о современных методах и методиках исследования общественных явлений и процессов; имеющих навыки и умения применять эти знания на практике; способных осуществлять свою профессиональную деятельность с учетом социального контекста. Кроме того, данная дисциплина, как и многие другие, выполняет одну из важнейших функций высшей школы – воспитательную, которая, среди других задач, состоит в *корректировке нежелательных доминант*. Академик А.А. Ухтомский установил, что деятельность человека во многом определяется *доминантой*, т. е. устойчивым очагом повышенной возбудимости в коре и (или) подкорке головного мозга [Ухтомский 2002]. Можно предположить, что посредством рекламного воздействия возможны как корректировка в сознании человека прежних доминант (доминантных очагов), так и создание новых.

Существует четыре способа корректировки прежних доминант, если они стали нежелательными [Викентьев 2001]. Рассмотрим технологии их использования в рекламе:

Первый способ: ослабление доминанты. Резкое ослабление доминанты в связи с ее естественным разрешением. Существует множество примеров, когда чья-то гибель от передозировки наркотиков или алкогольного отравления приводила их близких друзей к отказу от такого образа жизни. Использовать этот способ в рекламе невозможно.

---

¹ Available at: <https://kantar.no/globalassets/ekspertiseomrader/merkevarebygging/purpose-2020/p2020-frokostseminar-250418.pdf> (Accessed 30 Nov 2019).

Погибший человек должен быть по-настоящему близок и дорог, чтобы это могло возыметь какое-то действие.

Второй способ: запрещение доминанты. Попытка запрета доминанты, выражаемая в основном приказами и распоряжениями типа «нельзя». Этот способ крайне неэффективен в рекламе, и к нему лучше не прибегать.

Третий способ: торможение доминанты. Торможение прежней доминанты новой. Для рекламной практики могут пригодиться выводы психологов по поводу того, что новые доминанты формируются под воздействием трех групп факторов – информационных, физиологических, эмоциональных. При этом информационное воздействие является самым слабым. Сколько бы ни предупреждал Минздрав, что курение опасно для здоровья, курильщики от этого меньше не становится (даже среди самих медиков). Для достижения сколько-нибудь заметного эффекта рекламной кампании необходимо сбалансированное применение всех трех групп факторов.

Так, рекламная кампания по пропаганде здорового образа жизни, сообщающая, что бегать полезно, будет более эффективной, если люди увидят, как положительно это сказалось на других, попробуют этот способ и увидят реальные результаты, т. е. в дополнение к полученной информации оценят его достоинства на физиологическом и эмоциональном уровнях. И тогда многие быстрее примут решение использовать бег для поддержания здоровья. В результате прежняя доминанта негативного отношения к бегу как способу поддержания здоровья может быть преодолена новой доминантой – положительной.

Четвертый способ: автоматизация новой доминанты. Перевод нужных действий в автоматизм. В обычной рекламной практике он, очевидно, может быть сведен к привитию покупателям автоматической привычки пользоваться новым рекламируемым товаром. В социальной рекламе ситуация намного сложнее. Ясно, что одних рекламных посылов для этого недостаточно. Важно, чтобы социальные установки при этом соответствовали мировоззрению и предпочтениям адресата социальной рекламы. Иначе возникновение отрицательных стереотипов неизбежно.

Таким образом, восприятие человеком социальной рекламы зависит не только и не столько от информационного воздействия на него, сколько от имеющейся у него доминанты или стереотипов. Хорошая реклама может подавить нежелательную доминанту посредством создания новой доминанты, для чего наряду с информированием она должна обеспечить и соответствующее физиологическое и эмоциональное воздействие. Только совместное действие этих трех факторов может обеспечить успех рекламной кампании.

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что эффективная социальная реклама для молодежи при создании образов должна опираться на позитивные ценности, присущие этому возрасту,

развивая из них ресурсные доминанты путем торможения нежелательных доминант и автоматизации новых.

Данный подход можно рассмотреть на примере работы студентов над социальной рекламой в рамках подготовки проектов по дисциплине «Технология социальной рекламы» и для участия в студенческих рекламных конкурсах.

Студенты кафедры маркетинга и рекламы факультета рекламы и связей федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» в течение 10 лет активно участвуют в деятельности по проведению исследований в области социальной сферы и продвижению социальных проектов с ее помощью. Специфика подхода к получению соответствующих компетенций в том, что учащиеся получают задание по созданию социальной рекламы для реально существующих социальных проектов, направленных на решение конкретных социальных проблем. Работа ведется в формате подготовки к конкурсам и фестивалям социальной рекламы. Иногда для получения лучших результатов создаются объединенные команды студентов из разных вузов.

Так, среди осуществленных социальных проектов одним из наиболее успешных был проект «Мы есть», посвященный теме социализации людей с инвалидностью. Для этого проекта студентами объединенных команд РГГУ, ГИТР, РАНХиГС и НИУ ВШЭ было создано более 20 видеороликов социальной направленности. Для проекта «Федеральный социально-образовательный портал “Стоп-инсульт”» было создано 11 роликов и организован флешмоб. За некоторые из этих видеороликов студенты получили дипломы «За лучшую социальную рекламу» на XI международном конгрессе «Нейрореабилитация». На фестивале социальной рекламы «Остров МИР» были отмечены различными наградами проекты по популяризации донорства, распространению медицинских знаний и поддержке детей-сирот. Одна из важнейших тем, к которой преподаватели и студенты кафедры маркетинга и рекламы РГГУ неоднократно обращались в процессе подготовки к конкурсам и фестивалям, а также в ходе занятий по дисциплине «Технология социальной рекламы» – тема толерантности. В процессе работы над этой темой совместно со студентами были разработаны соответствующие творческие задания (брифы). Работа над брифом включает в себя анализ текущей ситуации и «погружение» в проблему. Осознание и понимание проблемы выступало мотивационной компонентой для поиска путей ее решения, что существенно повлияло на формирование толерантности у самих участников процесса и позволило им творчески подойти к созданию плакатов и видеороликов на эту тему (табл. 1).

Таблица 1

Пример брифа (проект «Толерантность»)

Заказчик	Фестиваль социальной рекламы «Остров МИР»
1	2
Тема	Толерантность
Рекламный носитель/ Каналы коммуникации	Видео, плакат
Проблема	Межнациональная нетерпимость.
Текущая ситуация	<p>Распад многонациональных государств стал причиной агрессивного национализма и межэтнических войн, которые во многом опровергли гуманистическую иллюзию о планетарном сознании и едином человеке. Поэтому в настоящее время проблема межэтнических отношений стала особенно актуальной.</p> <p>Почему-то людям разных национальностей трудно жить на одной планете без попыток доказать превосходство своей национальности над другими. Периодически появляются все новые и новые горячие точки со всеми вытекающими отсюда последствиями – жертвами, как среди военных, так и среди мирного населения, потоками мигрантов, беженцами и в целом искалеченными человеческими судьбами. В последнее время межнациональные конфликты обострились не только на государственном уровне, но и на бытовом, в том числе и среди молодежи. Напряженность в межнациональных отношениях в России – одна из характерных черт кризисно-катастрофического состояния общества.</p>
Описание стереотипов поведения	Этнические (или национальные) стереотипы представляют собой эмоциональное, субъективное, во многом иррациональное и почти всегда искаженное отражение действительности. Осознание национальных различий приводит к тому, что возникает предубеждение, а затем и предрассудок. Предубеждения вызывают агрессию, провоцируют людей на негатив и обострение конфликтов.
ЦА (Целевая аудитория) Демографические Географические Психологические характеристики	Молодые люди 18–25 лет. Проживают в больших городах России. Не замужем/не женаты. Студенты, возможно подрабатывают, следят за модными трендами. Активные пользователи интернета. Работа/подработка и/или учеба отнимают большую часть времени. На внутреннее развитие времени практически не остается. Увлекаются современной музыкой, много времени проводят в интернете. Предвзято относятся к другим национальностям, для них характерно стереотипное мышление/равнодушие. Они остро чувствуют одиночество, считают, что мир относится к ним враждебно. Хотят, чтобы их понимали и любили.

Окончание табл. 1

1	2
Инсайт/барьер	Желание, чтобы тебя понимали и любили.
Каких изменений хотим добиться	Мы хотим, чтобы люди поняли, что если относиться к другому с любовью, то и к ним тоже отнесутся с любовью.
Основное сообщение	Не навешивай на людей ярлыки, а постарайся их (людей) разглядеть. Подари другому свою любовь и тепло – и мир вокруг тебя станет гораздо добрее.

Основным подходом, который используется в ходе создания социальной рекламы со студентами, является ее интерактивность, ведь создатели данной рекламы почти всегда одновременно являются ее адресатом. Когда молодым людям предлагается, с одной стороны свобода творчества, а с другой – возможность взаимодействия в работе над социальным проектом, это позволяет отлично «закрепить» образ основного сообщения в памяти аудитории, привлечь внимание, побудить рассказать о новых знаниях и впечатлениях своим друзьям и знакомым.

«Интерактивный проект, как правило, предполагает обратную связь, он может осуществляться онлайн, офлайн или использовать и то, и другое. Такие проекты предполагают взаимодействие с ЦА в интернете и дальнейшее продолжение контакта уже за пределами сети. Механики взаимодействия обычно нестандартны, благодаря чему ЦА приобретает новый опыт, оставляющий впечатление технологичности и новизны. Такое взаимодействие существенно повышает запоминаемость основного сообщения и увеличивает процент лояльности ЦА» [Реклама социальных проектов 2019, с. 4]. Интерактивность, как один из принципов продвижения социальных проектов, особенно эффективна в работе с молодежью.

Создание социальной рекламы фактически является созданием социального проекта. Очевидно, что привлечение молодежи к созданию социальных проектов дает возможность воспитывать социально зрелую личность, обладающую высоким уровнем гражданской и социальной активности; личность, способную к эффективной адаптации и жизнедеятельности в условиях динамично меняющегося социума.

Социальное проектирование как специфический вид деятельности представляет собой социальную технологию, состоящую из нескольких этапов:

1. осознание необходимости решения возникшей социальной проблемы;
2. получение точных данных о проблеме, процессе или явлении, описание их состояний;
3. определение цели проекта;

4. разработка конкретных мероприятий по реализации материальных и духовных потребностей людей, разрешению противоречий, поиска компромисса (этапы достижения цели);

5. реализация проекта;

6. анализ успешности проекта.

Выступая сложным, системным образованием, социальное проектирование включает в себя *социальную пробу, социальный опыт и социальный проект*. Все эти элементы содержательно, логически и структурно связаны друг с другом. В ходе социальной пробы происходит познание социальной действительности – получение и присвоение информации о социальных объектах и явлениях, в результате осознается опыт социального взаимодействия. В процессе социального опыта актуализируется проблематизация того, что было познано на этапе пробы. В ходе проектной деятельности происходит преобразование социального объекта, явления, ситуации. Таким образом, достигается торможение нежелательной доминанты, активизация и автоматизация ресурсной (позитивной) доминанты [Селигман 2006]. Это происходит за счет совместной деятельности, собственной активности, а также получения и осознания опыта социально значимой деятельности – через удовлетворение от достижения мы формируем значимость достигнутого.

Еще одной важной составляющей успеха социальной рекламы является ее «нативность» или скрытость. Сегодня среда, в которой размещается реклама, очень изменилась – многократно увеличилась насыщенность информационного пространства, изменились и предпочтения ЦА по использованию различных платформ. Стали актуальны новые методы работы с контентом. Сейчас на первое место выходит персонализация контента, стремление «нарезать» аудиторию максимально мелкими сегментами и адресовать каждому контент, наиболее актуальный именно для него. Желание сделать социальную рекламу максимально соответствующей окружающему ее контексту, то есть «нативной», проявляется в разных форматах. Один из них – совмещение основного сообщения рекламы с окружающим контекстом без использования моралистических призывов и мотивирующих слоганов. При этом такая реклама стремится не столько информировать, сколько развлечь и увлечь читателя или зрителя. А это лучше всего сделать, рассказывая интересную, захватывающую во всех смыслах историю. Такой метод называется «сторителлинг». Для создания социальной рекламы такого рода лучше всего подойдет формат музыкального клипа, что и было использовано при создании видеороликов для проекта «Толерантность». В качестве музыкального материала были взяты, с их согласия, песни популярных музыкальных коллективов: групп «Чайф» и «Конец фильма».

Отдельно нужно сказать о *создании образов* для данного проекта. Результаты проекта «Толерантность» стали способом донесения до ЦА таких важных для молодежи эмоций, как любовь и принятие

общества. От их получения зависит эмоциональное самочувствие, умение справляться с собственными эмоциями, сложными ситуациями; интеллектуальное самочувствие, способность человека узнавать и использовать новую информацию для оптимальных действий в новых обстоятельствах; духовное самочувствие – способность устанавливать значимые, конструктивные жизненные цели и стремиться к ним, оптимизм. Наш «*потребитель*» – это активный молодой человек, ему важно мнение сверстников, он любит развлечения и веселье, стремится к удовлетворению своих желаний. Для видеоролика был выбран образ «Своей компании», который так важен для молодых людей. Этот образ очень активно используется в рекламе и обычных товаров, но в основном ориентированных на молодежную аудиторию.

Для плакатов по данному проекту были выбраны образы вкусных фруктов и овощей, которые способны доставить удовольствие. В теории архетипических символов фрукты занимают особое место. Они с древности использовались в сказках, легендах и мифах. Использование фруктов в рекламе уже давно стало обычной практикой. Одним из условий, при котором данный «образ» действительно будет работать на мотивацию целевой аудитории, является создание такого изображения, которое будет абсолютно живым, достоверным и привлекающим внимание своей красотой. Именно такие образы были предложены для плакатов по проекту в формате «Реклама на нестандартных носителях», которые подготовили студенты кафедры маркетинга и рекламы РГГУ. В результате студентами были созданы две серии плакатов и два музыкальных клипа на тему толерантности.

Цель проекта:

Показать, что стереотипы мышления, которые выражаются в навешивании ярлыков, создают неоправданное негативное отношение к людям другой национальности.

Задачи:

- создать привлекательные образы, которые сложно рассмотреть из-за закрывающего их ярлыка;
- использовать для их размещения поверхности, которые люди невольно будут рассматривать;
- использовать легкий тон обращения к ЦА, без лишнего давления.

Целевая аудитория, на которую рассчитан проект:

Целевая аудитория – это семейные люди, в основном женщины, проживающие в крупных городах России. Они ходят за покупками в супермаркеты, привыкли экономить, поэтому внимательно изучают все ценники. Они являются драйверами общественного мнения, поскольку обо всем необычном немедленно рассказывают своим друзьям, подругам.

Основная идея и концепция:

На примере фруктов донести мысль о том, что человека нужно оценивать по его качествам, а не по национальной или религиозной принадлежности. Ведь выбирая фрукты в магазине, мы в первую очередь руководствуемся их качеством, а не происхождением.

Стратегия и механизмы реализации кампании:

С помощью яркой формы создать позитивное настроение, ведь фрукты красивы и полезны, все едят фрукты, поэтому в этой форме сложная тема межнациональных конфликтов не будет нести в себе негатива.

Примеры разработанных плакатов для рекламной кампании по теме «Межнациональные и межконфессиональные отношения» (рис. 1).

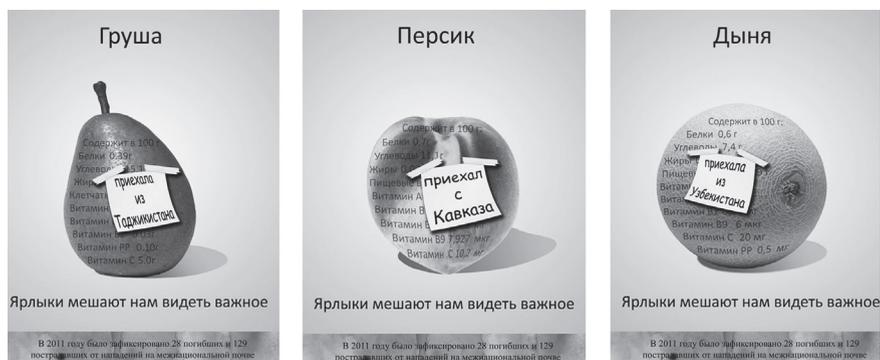

Рис. 1. Примеры плакатов (горизонтально)

Примеры размещения плакатов:

- таблички-ценники во фруктово-овощных отделах супермаркетов. Плакаты, размещенные на том месте, где обычно располагается цена на товар, точно привлекут внимание покупателей. Предполагается, что фрукт на плакате будет соответствовать фрукту на прилавке (рис. 2);
- изображения на лентах транспортеров кассовых боксов в супермаркетах. Размещенные таким образом плакаты привлекут внимание покупателей, которые ожидают своей очереди и выкладывают товары на транспортер для оплаты (рис. 3);
- изображения в вагонах метро. Размещенные таким образом плакаты привлекут внимание пассажиров, потому что они будут похожи на рекламу акций фруктового магазина (рис. 4).

Рис. 2. Пример размещения плаката

Рис. 3. Пример размещения плаката

Рис. 4. Пример размещения плаката

Одна из серий плакатов и оба клипа получили награды профессионального жюри фестиваля «Остров МИР». Клип на музыкальную композицию группы «Чайф» («Дом вверх дном») уже имеет (на 01.12.2019) 6 856 просмотров на канале Youtube и 61 680 просмотров в группе Вконтакте. Общее количество просмотров – 68 536. Особенно ценным является большое количество просмотров именно во Вконтакте². Ведь это основная социальная сеть именно для молодежной аудитории. Можно сравнить эти данные с числом просмотров роликов российской социальной рекламы, сделанных профессиональными агентствами для конкурса «Лучший рекламный проект года», проходившего на портале SOSTAV в 2018 г., где общее количество людей, просмотревших социальные рекламные ролики (всего их было 15), составило 67 646 человек. Таким образом, клип, созданный студентами, просмотрело больше людей, чем социальную рекламу профессионалов.

Это позволяет сделать вывод об эффективности данного метода работы с молодежью.

Литература

- Викентьев 2001 – *Викентьев И.Л.* Принцип доминанты А.А. Ухтомского и коммуникации // Психология и психоанализ рекламы: Личностно-ориентированный подход: учеб. пособие / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: ИД БАХРАХ-М, 2001.
- Реклама социальных проектов 2019 – Реклама социальных проектов: Методическое пособие // А.Л. Абаев, Г.Г. Вельская, А.Г. Жилиев и др. / Под общ. ред. Г.Г. Вельской. М.: ИТК «Дашков и К°», 2019. 94 с.
- Селигман 2006 – *Селигман М.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни // М.: ООО Изд-во «София», 2006.
- Ухтомский 2002 – *Ухтомский А.А.* Доминанта: Статьи разных лет: 1887–1939. СПб.: Питер, 2002.
- Челомбицкая, Лавинский 2011 – *Челомбицкая М.П., Лавинский Н.Г.* Ценностные ориентиры современного общества // Молодой ученый. 2011. Т. 1. № 12. С. 198–201.

References

- Abayev, A.L., Velskaya, G.G., Zhilyaev, A.G., et al. (2019), *Reklama sotsial'nykh projektov* [Advertising of the social projects: Methodical manual], Dashkov and K°, Moscow, 94 p.
- Chelombitskaya, M.P. and Lavinsky, N.G., (2011), "Tsennostnyye orientiry sovremennogo obshchestva" [Values reference points of modern society], *Molodoi uchenyi*, 2011, vol. 1, no 12, pp. 198-201.

---

² Available at: https://vk.com/chaifru?z=video-186047_456239632 (Accessed 30 Nov 2019).

- Seligman, M. (2006), *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyi vzglyad na schast'e i smysl zhizni* [New Positive Psychology: A Scientific View of Happiness and Meaning of Life], Sofia Publishing House LLC, Moscow.
- Ukhtomsky, A.A. (2002), *Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887-1939* [Dominant. Articles of different years. 1887-1939], Peter, St. Petersburg.
- Vikentiev, I.L. (2001), "Principle of Dominant of A.A. Ukhtomsky and Communication", Raygorodsky, D.Ya., ed., Psychology and psychoanalysis of recles. Personally-oriented approach: Textbook, ВАИРАН-М, Samara.

Информация об авторе

Абаев Алан Лазаревич, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abaeval@rggu.ru

Вельская Галина Георгиевна, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; velskaya@gmail.com

Information about the authors:

Alan L. Abaev, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; abaeval@rggu.ru

Galina G. Velskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; velskaya@gmail.com

Русский язык на пространстве СНГ: современное состояние научных коммуникаций и подготовка кадров высшей квалификации

Н.Е. Барсукова, А.А. Мальцева

*Тверской государственный университет, Тверь, Россия,
starey1951@yandex.ru, 80179@list.ru*

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы сохранения русского языка в странах бывшего Советского Союза, которые стали участниками СНГ, в научно-образовательной сфере. Авторы указывают на снижение сферы влияния русского языка в сопредельных государствах ввиду тенденций глобализации и расширения англоязычной научно-образовательной среды. При этом в силу традиций и наличия устойчивых связей между представителями университетской среды русский язык продолжает играть значимую роль в системе научных коммуникаций отдельных стран СНГ и в ряде из них используется как базовый. Особое внимание в работе уделено подготовке кадров высшей квалификации на русском языке в странах СНГ и представлению работ на соискание степеней кандидатов и докторов наук, а также вопросам обучения в аспирантуре и докторантуре и защите диссертаций в российских университетах представителями научно-образовательного сообщества стран СНГ. В работе использованы результаты опроса, проведенного среди научно-педагогических кадров стран СНГ, по вопросам степени присутствия русского языка в научно-образовательной сфере. В работе дана оценка степени присутствия русского языка в научных коммуникациях на пространстве СНГ в следующих направлениях: публикация научных статей, организация и проведение научно-технических мероприятий, выполнение НИОКР. Результаты исследования показали наличие заинтересованности в расширении научных коллабораций в различных сферах с российскими университетами, что является одним из направлений продвижения русского языка на пространстве СНГ.

Ключевые слова: страны СНГ, русский язык, научные коммуникации, подготовка кадров высшей квалификации, научно-образовательное сообщество

Для цитирования: Барсукова Н.Е., Мальцева А.А. Русский язык на пространстве СНГ: современное состояние научных коммуникаций и подготовка кадров высшей квалификации // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 45–61. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-45-61

Russian language in the CIS countries: current state of scientific communications and training of highly qualified personnel

Natalya E. Barsukova, Anna A. Maltseva

*Tver State University,
starey1951@yandex.ru, 80179@list.ru*

Abstract. In the article the urgency of preservation of the Russian language in the former Soviet Union who became members of the CIS, the scientific and educational sphere. The authors point to the decrease in the sphere of influence of the Russian language in neighboring countries due to the trends of globalization and expansion of the English-speaking scientific and educational environment. At the same time, due to traditions and the presence of stable ties between representatives of the University environment, the Russian language continues to play a significant role in the system of scientific communications of certain CIS countries and in some of them is used as a basic language. Special attention is paid to the training of highly qualified personnel in the Russian language in the CIS and submissions for the degree of candidates and doctors of Sciences as well as issues of training in postgraduate study and doctoral studies and thesis in Russian universities, representatives of scientific and educational community of the CIS countries. The paper presents the results of a survey conducted among the teaching staff of the CIS countries on the issues of the degree of presence of the Russian language in scientific-educational sphere. The paper assesses the degree of presence of the Russian language in scientific communications in the CIS in the following areas: publication of scientific articles, organization and conduct of scientific and technical activities, R&D. Results of survey showed the existence of an interest in expanding scientific collaborations in various areas with Russian universities, which is one of the areas of promotion of the Russian language in the CIS.

Keywords: CIS countries, Russian language, scientific communications, training of highly qualified personnel, scientific and educational community

For citation: Barsukova N.E. and Maltseva A.A. (2019), "Russian language in the CIS countries: current state of scientific communications and training of highly qualified personnel", *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 45-61, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-45-61

На пространстве СНГ русскому языку принадлежит особая роль: он остается носителем или, как минимум, транслятором тех смыслов, которые взаимопонятны для всех, кто принадлежит к пространству бывшего Советского Союза [Золян 2013].

При этом в отдельных публикациях отмечается, что сегодня в странах СНГ в ущерб позициям русского языка продолжается и процесс закрепления преобладающих позиций титульных языков [Зубов 2018].

До распада Советского Союза на русском как государственном языке разговаривали 286 млн человек (из 293 млн в 1993 г.). В настоящее время в соответствии с данными, приведенными в публикации А. Арефьева, из более чем 140 млн человек населения союзных республик 63,6 млн человек активно владеют русским языком (постоянно используют на работе, в процессе обучения, в быту); 39,5 млн человек пассивно владеют русским языком (понимают его, но не используют как средство коммуникации); 38 млн человек – им не владеют [Арефьев 2007].

Роль русского языка, позиции в мире, особенности его восприятия и представления о нем как одном из компонентов образа страны составили предмет социологического исследования, проведенного Алтайским государственным университетом в 2016 г. среди жителей стран СНГ¹.

Ответы на вопрос о том, что является наиболее важными характеристиками русского языка, визуализированы на рис. 1.

Рис. 1. Наиболее важные характеристики русского языка по результатам социологического опроса жителей стран СНГ

Таким образом, в представлениях жителей стран СНГ русский язык ассоциируется прежде всего с культурными достижениями России, ее наследием, а также с интегративными функциями, позволяющими русскому языку объединять многонациональное население России. Примечательно, что для жителей стран СНГ последняя

¹ Опрос проводился АлтГУ в 2016 г. в онлайн режиме на базе платформы LimeSurvey среди девяти стран СНГ: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Белоруссия, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан, Украина (n=1220).

характеристика, наряду с государственным статусом языка, имеет гораздо меньшее значение, нежели возможности русского языка как средства для получения образования, которые выделяются чаще. К сожалению, русский язык не связывается с развитием науки и техники, что, несомненно, является отражением состояния и отсутствием близких перспектив завоевания глобального рынка технологий и инноваций.

В условиях современной языковой ситуации для всех стран СНГ актуальным является вопрос о статусе русского языка на пространстве СНГ, который напрямую связан с тем, какие функции он выполняет, для каких целей и в каких сферах используется, какие коммуникативные потребности пользователей удовлетворяет, во вторую очередь – вопрос о связи русского языка и образования [Васильева 2013].

Республика Беларусь придала русскому языку статус государственного. В Кыргызской Республике и Республике Казахстан он является официальным языком, а в Республике Молдова и Республике Таджикистан – языком межнационального общения. В других странах СНГ русский язык фактически является иностранным языком.

Фактические позиции русского языка позволяют разделить страны СНГ на три категории [Новикова 2014]:

- страны, в которых на русском языке говорит более 50% населения (Республика Беларусь, Республики Казахстан и Украина);
- страны, в которых при доминировании титульного языка около 25% населения считают русский родным (Кыргызская Республика, Республика Молдова);
- страны, где русским владеют менее трети населения (Республика Армения, Азербайджанская Республика, Туркменистан и Республика Таджикистан).

В большинстве стран СНГ процесс закрепления доминирующих позиций титульных языков происходит в ущерб позициям русского языка, что приводит к ущемлению прав русскоговорящего населения.

Что касается преподавания русского языка в школах стран СНГ, то здесь присутствует несколько вариантов: русский как один из иностранных языков, национальные школы с углубленным изучением русского языка, классы с русским языком обучения, русские школы. При этом следует отметить, что количество школ и гимназий продолжает сокращаться, но в последние годы темпы замедлились.

На русский язык в образовательных заведениях СНГ приходится в 20 раз меньше часов, чем на иностранные языки. Уменьшилось количество профессиональных учебных заведений, колледжей с обучением на русском языке, сократилось число студентов СПО, а также количество вузов.

Вопросы мотивации изучения русского языка остаются в центре внимания педагогов всех стран СНГ. Нынешнее поколение значительно уступает старшему как в вопросах грамматики, так

и в сформированности навыков речевой коммуникации. Повышению мотивации изучения русского языка способствует прежде всего возможность трудоустроиться или продолжить обучение в российских вузах.

Языковая ситуация в целом на пространстве СНГ в значительной степени зависит не только от влияния русской культуры, но и западной цивилизации. Следствие данного факта – появившаяся конкуренция русского и английского языков, что должно стимулировать Россию к более эффективному присутствию в странах СНГ, что в итоге позволит сохранить русский язык и расширить культурное пространство. При этом продвижение русского языка в странах СНГ должно проходить без какого бы то ни было администрирования, важно сохранять разумный баланс национального и инофобного обучения.

С момента создания СНГ вопросы формирования общего образовательного пространства (ООП) являются предметом обсуждения, представляют собой одно из приоритетных направлений политики государств–участников Содружества ввиду стремления к интеграции стран СНГ в различных сферах [Комлева 2016].

Общее образовательное пространство по сути своей – это не только согласованность образовательной политики и форм, главное – это доступность образования и общие критерии оценки качества образования, общие целевые достижения социализирующей роли образования, идеологические установки.

ООП СНГ пока еще недостаточно совершенно: имеют место трудности признания документов об образовании, сложности при поступлении, трудности получения информации о программах обучения, особенности визовых режимов, отсутствие свободной и организованной системы академической мобильности в СНГ и других государствах [Комлева 2016].

Среди способов обеспечения доступности образования в ООП такие как:

- механизм квот;
- свободная академическая мобильность студентов, преподавателей, ученых, персонала образовательных учреждений;
- разработка совместных образовательных программ;
- создание совместных вузов.

Однако перечисленных мер недостаточно – необходимо расширение обучения студентов из стран СНГ в российских вузах и достижение политического консенсуса о статусе языка с руководством постсоветских республик. Помимо расширения обучения студентов из стран СНГ в российских вузах и достижения политического консенсуса о статусе языка с руководством постсоветских республик главные мотивы к сохранению русского языка будут по-прежнему связаны с потребностями поддержания экономических связей и привлекательности российской культуры и коммуникационного пространства [Новикова 2014].

Для ускорения процессов интеграции реализуются программы поддержки изучения русского языка и культуры в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. Этим занимаются Совет глав правительств СНГ, Библиотечная Ассамблея Евразии, фонд «Русский мир», фонд «Евразийское содружество», Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина и др.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина с 2013 г. по решению Совета глав правительств Содружества Независимых Государств является базовой организацией Содружества Независимых Государств по преподаванию русского языка, а с 2014 г. выполняет функцию научно-методического и информационно-аналитического центра масштабной правительственной Программы по продвижению русского языка и образования на русском языке, инициированной Советом по русскому языку при Правительстве Российской Федерации.

Создание и совершенствование условий для укрепления и расширения русского языкового, российского культурного и образовательного пространства в государствах–участниках Содружества Независимых Государств является одним из направлений Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг.

В последние годы больше внимания преподаванию и преподавателям русского языка в СНГ стали уделять вузы. С 2008 г. работает проект «Сетевой университет СНГ», инициированный Российским университетом дружбы народов и поддерживаемый славянскими университетами стран СНГ и рядом российских вузов. Основная цель проекта – повышение качества и привлекательности высшего образования, укрепление сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования на территории государств–участников СНГ. Проект направлен на организацию и реализацию высококачественных совместных магистерских программ, укрепление международного сотрудничества в области подготовки специалистов высшей квалификации и содействие обмену аспирантами, проведение совместных научных исследований с целью подготовки кандидатской диссертации.

Важно отметить, что Сетевой университет стал уникальным механизмом академической мобильности на пространстве государств–участников СНГ и является аналогом программы «Эразмус Мундус» в рамках единого (общего) образовательного пространства Содружества.

Продвижение российского образования за рубежом, в том числе в странах бывшего Советского Союза, – важнейшая государственная задача. Ежегодно Россотрудничество реализует проекты и программы, направленные на экспорт российского образования, содействие развитию международного научного сотрудничества, привлечение иностранных граждан на обучение в России, а также взаимодей-

ствие с выпускниками российских (советских) вузов. Представительства Россотрудничества – российские центры науки и культуры за рубежом – являются площадками для проведения мероприятий в области образования, установления контактов между российскими учеными и их зарубежными коллегами (в том числе из стран Содружества), молодежного сотрудничества, а также мероприятий по отбору выпускников иностранных школ на обучение в российских вузах в рамках квот, выделенных Правительством Российской Федерации.

В рамках реализации своих полномочий Россотрудничество содействует развитию взаимодействия между российским и зарубежными научными сообществами как по линии государственных программ, так и по линии сотрудничества научных и образовательных организаций.

Если экономическое и политическое сотрудничество государств СНГ основывается большей частью на институциональном взаимодействии, то образовательная и научная интеграция базируются, в первую очередь, на личных коммуникациях [Скаковская и др. 2018]. Именно личные профессиональные контакты в научно-образовательном сообществе чаще всего переходят в институциональные каналы межгосударственного сотрудничества, в рамках которого проводятся совместные научные исследования, реализуются образовательные программы, осуществляется подготовка высококвалифицированных кадров, происходит обмен учеными и научной информацией, обсуждаются перспективные направления развития современной науки и образования [Хопёрская 2016].

Развитие международного сотрудничества стран – участниц СНГ касается не только совместного получения и использования новых научных знаний, но и оценки качества образования [Филиппов 2018] и уровня подготовки высококвалифицированных кадров, вовлекаемых в интеграционные процессы. Поэтому одной из востребованных форм взаимодействия государств является аттестация научных кадров высшей квалификации, реализуемая в следующих аспектах:

- оценка учеными из государств – участников СНГ результатов научных исследований соискателей ученых степеней на национальном уровне, представленных в публикациях. В большинстве стран СНГ правовыми актами, регламентирующими процесс аттестации научных кадров высшей квалификации, предусмотрено опубликование (полное или частичное) в зарубежных научных изданиях результатов диссертационных исследований соискателей ученой степени доктора наук, для кандидатских диссертаций такая норма носит рекомендательный характер. Рекомендуется также представлять результаты диссертационных исследований на международных конференциях и симпозиумах;
- экспертная оценка диссертаций, подготовленных соискателями ученой степени, с привлечением ученых из стран – участниц СНГ в качестве официальных оппонентов, членов диссертационных советов, экспертных советов ВАК;

- выработка единых подходов к признанию документов об ученых степенях и ученых званиях, выданных в других странах СНГ;
- взаимодействие в области совершенствования правовой базы аттестации научных кадров высшей квалификации, решение стратегических вопросов в сфере их подготовки.

Отправной точкой для формирования национальных систем аттестации научных кадров высшей квалификации в странах – участницах СНГ явился успешный опыт работы ВАК СССР, обеспечивавший высокий авторитет советской науки в мире. Однако в меняющихся политических, социальных и экономических условиях возникает необходимость реформирования систем аттестации научных кадров высшей квалификации.

Самой востребованной формой трансфера знаний выступает взаимодействие в области аттестации научных кадров высшей квалификации и создание на территории СНГ диссертационных советов.

Следует отметить, что системы аттестации научных кадров в странах-членах СНГ имеют свои особенности, обусловленные историческими, политическими, социально-экономическими особенностями государства [Мальцева 2019]. На сегодняшний день на территории СНГ распространены две модели системы подготовки и аттестации научных кадров: советская и западная, каждая из которых обладает особенностями подготовки, процедуры аттестации научных кадров и присуждения научных степеней (табл. 1).

Таблица 1

Ученые степени, присуждаемые
в государствах-членах СНГ

Государство	Ученые степени	Законодательный акт
Азербайджанская Республика	доктор философии (PhD) (с указанием отраслей науки) доктор наук (с указанием отраслей науки)	Закон Азербайджанской Республики от 19 июня 2009 года № 833-IIIQ «Об образовании»
Республика Армения	кандидат наук доктор наук	Закон Республики Армения от 26 декабря 2000 года № ЗР-119 «О научной и научно-технической деятельности»
Республика Беларусь	кандидат наук/доктор философии (PhD) доктор наук	Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-XIII «О научной деятельности»
Республика Казахстан	магистр по специальности доктор философии (PhD) доктор по профилю	Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III «Об образовании»

Государство	Ученые степени	Законодательный акт
Кыргызская Республика	кандидат наук доктор наук	Постановление Правительства Кыргызской Республики от 22 августа 2012 года № 578 «Об утверждении нормативных правовых актов, регулирующих деятельность Высшей аттестационной комиссии Кыргызской Республики»
Республика Молдова	доктор наук доктор-хабилитат	Кодекс Республики Молдова о науке и инновациях от 15 июля 2004 года № 259-XV
Республика Таджикистан	доктор философии (PhD)-доктор по специальности кандидат наук доктор наук хабилитированный доктор	Закон Республики Таджикистан от 18 марта 2015 года № 1197 «О научной деятельности и государственной научно-технической политике»
Республика Узбекистан	доктор философии (PhD) (в соответствующей отрасли науки) доктор наук (ScD) (в соответствующей отрасли науки)	Указ Президента Республики Узбекистан от 16.02.2017 № УП-4958 «О дальнейшем совершенствовании системы послевузовского образования»

В системе аттестации научных и научно-педагогических кадров в Кыргызской Республике, Республике Беларусь и Республике Армения, как и в Российской Федерации, на сегодняшний день сохранена советская модель присуждения ученых степеней, которая предполагает присуждение ученой степени кандидата наук в определенной отрасли науки, а после нее – ученой степени доктора наук. Вместе с тем в эпоху глобализации, учитывая интеграционные процессы, происходящие в мире, государства – члены СНГ, являющиеся полноправными членами международных организаций, в том числе в сфере образования и науки, аккумулируют и некоторый зарубежный опыт аттестации научных кадров, что вполне закономерно в условиях усиления трудовой и образовательной миграции.

Известно, что западным аналогом ученой степени кандидата наук выступает академическая степень доктора философии (PhD). Такие степени введены в Азербайджанской Республике, Республике Казахстан, Республике Таджикистан и Республике Узбекистан. В Республике Беларусь иностранным гражданам, которым присуждены ученые степени, выдается эквивалентный национальному диплому кандидата наук национальный диплом доктора философии (PhD). Кроме того, национальный диплом доктора философии может быть

выдан и гражданам Республики Беларусь, если этого требует их профессиональная деятельность.

Следует отметить, что в Республике Таджикистан присуждаются обе степени: кандидат наук и доктор философии.

В Республике Молдова и Республике Таджикистан по аналогии с западными странами (Германия, Швейцария, Австрия и др.) введена ученая степень «доктор хабилитат»² (хабилитированный доктор).

Необходимо отметить, что требование представления текста диссертации на русском языке не сохранилось ни в одном государстве СНГ. В Республике Беларусь, Республике Таджикистан, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике оформление и защита диссертации осуществляется по выбору соискателя на государственном, русском или других иностранных языках, определенных законом. В большей степени это объясняется тем, что в Республике Беларусь русский язык считается официальным государственным языком (законодательно закреплено в статье 17 Конституции Республики Беларусь), в Республике Казахстан с вступлением в силу закона «О языках» от 11 июля 1997 г. и появлением понятия «двуязычие» русский язык во всех официальных сферах приравнивается к государственному, действующий в Кыргызской Республике закон «Об официальном языке Кыргызской Республики» (от 2000 года) придает русскому языку официальный статус и определяет его как «главное средство межнационального общения».

В Азербайджанской Республике, Республике Армения и Республике Молдова текст диссертации представляется только на государственном языке, то же касается и защиты. С согласия специализированных советов, комиссий для оформления и защиты диссертаций могут использоваться иностранные языки, в число которых входит и русский.

Одним из аспектов использования русского языка как средства научной коммуникации на пространстве СНГ является защита диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора наук гражданами стран – членов СНГ в российских диссертационных советах. Русский язык используется как средство этой научной коммуникации.

По информационно-аналитическим материалам по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2015–2017 гг. исследованы данные о количестве аспирантов из стран – членов СНГ, обучающихся в 509 государственных вузах России. Анализ показал, что количество аспирантов из СНГ неуклонно растет: в 2015 г. –

---

² Хабилитация – в некоторых европейских и азиатских странах процедура получения высшей академической квалификации, следующей после ученой степени доктора философии.

1822 чел., в 2016 г. – 3218 чел., в 2017 г. – 3508 чел.³ За 2 года рост составил более 90%.

В 2015 г. аспиранты (адъюнкты, интерны, ординаторы) из стран СНГ обучались в 223 вузах России, в 2016 г. – в 271 вузе, в 2017 г. – в 287 вузах.

В рассматриваемый период степень доктора и кандидата наук была присвоена 63 296 чел., из них иностранных граждан – 4053 чел. (6,4%), в том числе граждан стран – членов СНГ – 1755 чел. (2,8%).

Следует отметить, что на фоне снижения общего количества защитившихся в диссертационных советах России, доля соискателей ученых степеней из стран – членов СНГ изменялась незначительно (не более 0,6%) как в меньшую, так и в большую сторону.

Что касается доли соискателей из СНГ в общем количестве соискателей-иностранцев, то она выросла с 44,5% в 2014 г. до 46,1% в 2018 г.

Наиболее высокие показатели количества защитившихся в российских диссертационных советах наблюдаются в Республике Таджикистан – 56,0% защит за весь рассматриваемый период. Это связано с тем, что в Республике Таджикистан аттестацию на присуждение степеней кандидата и доктора наук проводит ВАК Минобрнауки России. Несмотря на то что по некоторым областям наук ученую степень присуждают диссертационные советы вузов Республики Таджикистан, ученые степени присуждает исключительно ВАК Минобрнауки РФ и только после того, как ознакомится с содержанием диссертации. Соискатели после защиты диссертаций получают российские дипломы о присуждении ученых степеней кандидата и доктора наук.

В целях разработки рекомендаций по развитию научных коммуникаций на русском языке и расширению русскоязычной научно-образовательной среды на территории стран СНГ в рамках реализации проекта «Русский язык как фактор развития научного пространства СНГ: анализ, проблемы и перспективы»⁴ по Государственной программе РФ «Развитие образования» (ранее – ФЦП «Русский язык») было проведено анкетирование представителей научно-исследовательских организаций и вузов стран – членов СНГ (за исключением России).

---

³ Для расчета использованы следующие показатели мониторинга: Общая численность аспирантов (адъюнктов), интернов, ординаторов, ассистентов-стажеров; удельный вес численности иностранных граждан из стран СНГ из числа аспирантов (адъюнктов), ординаторов, интернов, ассистентов-стажеров образовательной организации в общей численности аспирантов (адъюнктов), ординаторов, интернов, ассистентов-стажеров.

⁴ Соглашение от 27 ноября 2018 г. № 073-15-2018-200 в рамках госпрограммы Российской Федерации «Развитие образования»: проект «Русский язык как фактор развития научного пространства СНГ: анализ, проблемы, перспективы».

Анкета включала 10 вопросов, касающихся развития научных коммуникаций на русском языке с партнерами из стран СНГ и расширения русскоязычной научной среды на их территории. В опросе участвовало 286 респондентов [Скаковская 2018].

В среднем по выборке большинство респондентов указывают на высокий уровень владения русским языком (знаю в совершенстве – 58%), около трети владеют на бытовом уровне (29%). Лица, не владеющие русским языком, в опросе не участвовали. Для большинства респондентов русский язык не является родным (54% респондентов).

Респондентам также был задан вопрос об использовании русского языка для общения с коллегами в своей стране. Большинство ответивших используют русский язык наряду с национальным (57%), общаются исключительно на русском языке – 34%, исключительно на национальном – 9%.

Среди *направлений использования русского языка как средства научной коммуникации* самым популярным ответом оказался ответ «неформальное общение с русскоговорящими коллегами». На втором/третьем месте – «участие в русскоязычных научных мероприятиях», «чтение научных работ и периодики на русском языке». Несколько ниже показатели, характеризующие активность по подготовке публикаций, научно-квалификационных, научно-исследовательских работ на русском языке. Это объясняется в том числе более высокой востребованностью англоязычных публикаций в журналах, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science, наличием собственных систем подготовки кадров высшей квалификации и защит научно-квалификационных работ в странах СНГ, а также недостаточным числом грантов и программ для финансирования НИР на русском языке, в том числе совместных.

Как показывают данные, доля ученых из стран СНГ, публикующих хотя бы раз в год статьи и (или) доклады на русском языке, более 70%, при этом практически треть отметила наличие публикаций 3 раза в год и более.

Самыми активными в части публикаций на русском языке оказались представители Республики Беларусь и Республики Казахстан – 3 раза в год и более. Вариант «не публикую» лидирует у представителей Республики Молдова, Республики Армения, Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики. При этом процент респондентов, который осуществляет публикации, даже в этих странах СНГ довольно высок. Очевидно, что в данном случае не мог быть учтен фактор самой публикационной активности ученых, поскольку в ряде случаев отмечается их низкая мотивация к исследовательской деятельности ввиду отсутствия непосредственных задач и финансирования.

В разрезе отдельных стран СНГ значительное число научных мероприятий на русском языке проводится в Республиках Беларусь и Казахстан. В других странах СНГ респонденты практически не указывают на то, что мероприятия проводятся 5 раз в год и более.

Большинство участников опроса из Азербайджанской Республики и Республики Молдова отметили, что мероприятия на русском языке в их организациях не проводятся. Среди стран СНГ, в которых респонденты отметили в среднем более высокую частоту проведения мероприятий на русском языке, выделяются Республики Армения и Таджикистан, Кыргызская Республика. В целом, даже с учетом определенного процента ответов, указывающих на отсутствие русскоязычных мероприятий, активность в части их проведения на территории стран СНГ может характеризоваться как довольно высокая, при этом существует необходимость дальнейшей популяризации русского языка как средства научной коммуникации и развития системы русскоязычных мероприятий.

Уровень участия самих респондентов в научных мероприятиях на территории Российской Федерации представлен следующими данными: 3 раза в год и более – 12%; 2 раза в год – 20%; 1 раз в год – 36%; не участвую – 32%.

Более половины опрошенных указали на участие в русскоязычных мероприятиях на территории Российской Федерации, что демонстрирует довольно высокую активность и заинтересованность в сотрудничестве с коллегами из России. При этом большинство опрошенных (36%) участвуют в научных мероприятиях в Российской Федерации в среднем 1 раз в год, что в том числе связано с ограниченными возможностями многих вузов и научных организаций стран СНГ по оплате расходов на командировки. Эти же причины во многом обусловили тот факт, что 32% респондентов указали, что в научных мероприятиях на территории России участия не принимали. В условиях развития цифровых технологий и распространенности практики проведения научных мероприятий в режиме онлайн данная проблема существенно снижает свою остроту, при этом целесообразность «живого» общения с коллегами все же остается.

Отмечается низкий уровень участия представителей научно-образовательного сообщества стран СНГ в *совместных научно-исследовательских работах с российскими коллегами* (86,4% опрошенных дали отрицательный ответ), что обусловлено недостаточным количеством конкурсных мероприятий, направленных на отбор и финансирование совместных научно-исследовательских проектов.

Как показывают данные, наибольшее число респондентов, указавших в анкетах положительный ответ, приходится на представителей Республик Беларусь и Казахстан. Среди участников опроса из Республик Молдова и Таджикистан отсутствуют представители, принимавшие участие в совместных с российскими коллегами исследованиях.

За расширение использования *русского языка как средства научной коммуникации* высказались 82,5% принимавших участие в опросе участников.

Отмечается, что в каждой из стран-членов СНГ присутствует доля респондентов, считающих приемлемым уровень развития рус-

ского языка как средства научной коммуникации на их территории. Наиболее высокие показатели отмечаются среди респондентов из Республик Молдова и Таджикистан. В количественном выражении в соответствии с числом участников опроса наибольшее число положительно ответивших на поставленный вопрос анкеты отмечается в Республиках Беларусь и Казахстан.

Дополнительно в рамках исследования были собраны предложения представителей научно-образовательного сообщества стран СНГ, направленные на расширение научных коммуникаций на русском языке на пространстве СНГ. Отмечается, что рекомендации в своих анкетах оставили порядка 30% участников опроса.

Предложения можно условно разделить на тематические блоки [Скаковская 2019].

1. Снижение административных барьеров в сфере науки

- безоговорочное признание дипломов доктора (кандидата) наук (убрать необходимость нострификации);
- устранение существующих барьеров, когда соискатель не может выехать для защиты диссертации в Россию без соответствующего разрешения ВАК (Республика Беларусь).

2. Развитие системы совместных научных исследований

- расширение совместных грантов и программ для проведения исследований по различным отраслям фундаментальной и прикладной науки.

3. Повышение публикационной активности в части совместных публикаций и расширения доступа к базам цитирования

- развитие совместной библиографической и полиграфической деятельности по научным дисциплинам;
- расширение возможности бесплатных публикаций в изданиях, включенных в Перечень ВАК РФ;
- подготовка совместно с российскими коллегами учебно-методической литературы;
- доступность публикуемых научных изданий РИНЦ, повышение статуса РИНЦ и научных журналов, издаваемых на русском языке;
- более широкое использование русского языка в изданиях, входящих в наукометрические базы Web of Science и Scopus;
- регулярные конкурсы на лучшее научное издание на русском языке.

4. Расширение возможностей в части организации совместных образовательных программ, в том числе в сфере дополнительного образования научно-педагогических кадров

- развитие совместных образовательных программ с российскими вузами;
- расширение программы стажировок для преподавателей из стран СНГ в вузах Российской Федерации;
- привлечение для научного руководства докторантов – российских коллег;

- чтение лекций студентам на русском языке ведущими российскими учеными (по приглашению руководства университетов стран СНГ).

5. Развитие системы совместных научно-образовательных мероприятий и программ научного обмена

- организация междисциплинарных семинаров и круглых столов, которые позволили бы исследователям из разных областей науки найти точки соприкосновения, обсудить возможности совместных исследований;
- снижение финансовых барьеров для участия в научных мероприятиях (отмена оргвзноса, поиск источников для финансирования командировочных расходов);
- проведение сколаршипов (научного обмена с командировкой в страну-партнера);
- развитие совместных мероприятий, направленных на популяризацию науки;
- проведение предметных совместных олимпиад; международных движений, например экологических;
- обмен исследовательскими группами студентов в летнее время и во время каникул по изучению культурного наследия по областям.

Приведенные рекомендации охватывают довольно широкий круг вопросов совместной деятельности представителей стран СНГ в научно-образовательной сфере, при этом во многих случаях в центре внимания оказывались не только и не столько вопросы научных коммуникаций на русском языке, сколько вопросы финансирования совместной деятельности. Россия продолжает продвигать русский язык на территории СНГ как средство общения, что является фактором «мягкой силы», влияния на сопредельные государства, что, в том числе, должно обеспечиваться финансовыми вложениями. Система подобных мероприятий реализуется на территории СНГ и в большей степени связана с развитием школ на русском языке, но в меньшей – с вовлечением научного сообщества и представителей высшей школы в развитие русского языка как средства научной коммуникации.

Проведенный анализ русскоязычного научно-образовательного пространства СНГ демонстрирует целесообразность совершенствования существующих форм научно-образовательных коммуникаций на русском языке с партнерами из стран СНГ и расширения русскоязычной научно-образовательной среды на их территории.

Литература

- Арефьев 2007 – *Арефьев А.* Русский язык сегодня [Электронный ресурс] // Народное образование, 9 (1372), 2007. С. 7–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9599985> (дата обращения 02.12.2019).

- Васильева 2013 – *Васильева Т.* Русский язык в системе образования стран СНГ и Балтии // Этнодиалоги (альманах). 2013. № 1 (42). С. 52–60.
- Золян 2013 – *Золян С.* Русский язык и единое пространство высшего образования [Электронный ресурс] // URL: https://www.academia.edu/6901484/РУССКИЙ_ЯЗЫК_И_ЕДИНОЕ_ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ_ПРОСТРАНСТВО_2013 (дата обращения 02.12.2019).
- Зубов 2019 – *Зубов А.* Нужен ли русский язык в СНГ? [Электронный ресурс] // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=2010> (дата обращения 29.11.2019).
- Комлева 2016 – *Комлева В.В.* Характеристики и перспективы развития общего образовательного пространства СНГ // Среднерусский вестник общественных наук. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва). Т. 11. № 6. 2016. С. 72–82.
- Мальцева 2019 – *Мальцева А.А., Барсукова Н.Е.* Подготовка кадров высшей квалификации для стран СНГ в Российской Федерации как направление научно-технического сотрудничества // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1 (январь – февраль), Т. 11. URL: <https://esj.today/PDF/28ECVN119.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
- Новикова 2014 – *Новикова В.* Языковая политика стран СНГ: положение русского языка [Электронный ресурс] // Внешняя политика. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-yazyka/> (дата обращения 28.11.2018).
- Скаковская 2018 – *Скаковская и др.* 2018 – Русский язык как язык научных коммуникаций на пространстве СНГ / Л.Н. Скаковская, А.А. Мальцева, И.А. Монахов, Е.В. Ключникова, Н.Е. Барсукова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018.
- Скаковская 2019 – *Скаковская Л.Н., Мальцева А.А., Титович И.В.* Развитие научных коммуникаций на пространстве СНГ (по материалам опроса ученых стран дружества). Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 3 (62). С. 183–188. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41238806> (дата обращения 02.12.2019).
- Филиппов 2018 – *Филиппов В.М.* Качество образования в государствах–участниках СНГ: правовое обеспечение и эффективная практика [Электронный ресурс] // Диалог. Политика. Право. Экономика. 2017. № 1 (4). URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/9360046/dialogue_1_2017.pdf (дата обращения 23.01.2019).
- Хопёрская 2016 – *Хопёрская Л.Л.* Роль элитных российско-таджикских коммуникаций в реализации евразийского интеграционного проекта [Электронный ресурс] // Журнал «Коммуникология». 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-elitnyh-rossiysko-tadzhikskih-kommunikatsiy-v-realizatsii-evraziyskogo-integratsionnogo-proekta> (дата обращения 23.01.2019).

References

- Arefyev, A. (2007), “*Russkii iazyk segodnia*” [Russian language today]. [Electronic resource], National education, 9 (1372), 7-16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9599985> (Accessed at: 02.12.2019).
- Filippov, V.M. (2017), [Quality of education in the CIS member States: legal support and effective practice], *Dialogue. Policy. Right. Economy*, no. 1 (4). URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/9360046/dialogue_1_2017.pdf (Accessed 23.12.2019).

- Khoperskaya, L.L. (2016), [The Role of elite Russian-Tajik communications in the implementation of the Eurasian integration project], *Communicology*, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-elitnyh-rossiysko-tadzhikskih-kommunikatsiy-v-realizatsii-evraziyskogo-integratsionnogo-proekta> (Accessed at: 23.01.2019).
- Komleva, V.V. (2016), "Harakteristiki i perspektivy` razvitiia obshchego obrazovatel'nogo prostranstva SNG" [Characteristics and prospects of development of the General educational space of the CIS], *Central Russian Bulletin of social Sciences, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation* (Moscow), vol. 11, no. 6, pp. 72-82.
- Maltseva, A.A., Barsukova, N.E. (2019), "Podgotovka kadrov vy'sshei` kvalifikatsii dlia stran SNG v Rossii`skoi` Federatsii kak napravlenie nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva" [Training of highly qualified personnel for the CIS countries in the Russian Federation as a direction of scientific and technical cooperation], *Bulletin of Eurasian science*, no. 1 (January-February), vol.11. URL: <https://esj.today/PDF/28ECVN119.pdf> (Accessed at: 28.11.2018).
- Skakovskaia et all (2018), *Russkii yazyk kak yazyk nauchnykh kommunikatsii na prostranstve SNG* [Russian language as a language of scientific communications in the CIS], Tver, Tver State University, 218 p.
- Skakovskaya, L.N., Maltseva, A.A., Titovich, I.V. (2019), "Razvitie nauchny`kh kommunikatsii` na prostranstve SRG (po materialam oprosa ucheny`kh stran sodruzhestva)" [Development of scientific communications in the space of the SRG (based on the survey of scientists of the Commonwealth countries)], *Bulletin of Tver state University. Series: Philology*, no. 3, pp. 183-188, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41238806> (Accessed at: 02.12.2019).
- Vasilyeva, T. (2013), "Russkii` iazy`k v sisteme obrazovaniia stran SNG i Baltii" [Russian language in the educational system of CIS and Baltic States], *Ethnodiology*, no. 1, pp. 52-60.
- Zolyan, S. (2013), "Russkii` iazy`k i edinoe prostranstvo vy'sshego obrazovaniia" [Russian language and unified space of higher education], URL: https://www.academia.edu/6901484/РУССКИЙ_ЯЗЫК_И_ЕДИНОЕ_ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ_ПРОСТРАНСТВО_2013 (Accessed at: 02.12.2019).
- Zubov, A. (2018), "Nuzhen li russkii` iazy`k v SNG?" [Do you Need Russian in the CIS?], Fund for support and protection of the rights of compatriots living abroad. URL: <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=2010> (Accessed at: 29.11.2018).

Информация об авторах:

Барсукова Наталья Евгеньевна, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170100, Россия, Тверь, Студенческий пер., д. 12 Б; starey1951@yandex.ru

Мальцева Анна Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, Тверской государственный университет, 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 3380179@list.ru

Information about the author:

Natalya E. Barsukova, Tver State University, Tver, Russia; bld. 12 B, Student Lane, Tver, 170100, Russia; starey1951@yandex.ru

Anna A. Maltseva, Cand. of Sci. (Economy), associate professor, Tver State University, Tver, Russia; bld. 33, Zhelyabova St., Tver, Russia, 170100, 3380179@list.ru

УДК: 323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-62-74

Вариативность языковой
преференциальной политики
в сфере образования в республиках России:
ресурсные ограничения и агентские стимулы

Н.В. Борисова, К.А. Сулимов

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, borisova_nv@psu.ru, sulimov_ka@psu.ru*

Аннотация. Принятие решений в сфере обеспечения прав этноязыковых меньшинств в российской системе образования обусловлено как общероссийскими тенденциями, так и региональными особенностями практик защиты языков. Различные конфигурации акторов, их ресурсы и стимулы, обусловленные восприятием своего права на родной язык и возможностей его защиты, влияют на региональную вариативность языковой преференциальной политики в России.

Ключевые слова: языковая преференциальная политика, языковые права, родной язык

Для цитирования: Борисова Н.В., Сулимов К.А. Вариативность языковой преференциальной политики в сфере образования в республиках России: ресурсные ограничения и агентские стимулы // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 62–74. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-62-74

The language preferential policy variability
in the education sector Russian Republics:
resource constraints and agent incentives

Nadezhda V. Borisova, Konstantin A. Sulimov

*Perm State National Research University, Perm, Russia,
borisova_nv@psu.ru, sulimov_ka@psu.ru*

Abstract. Both all-Russian trends and regional characteristics of language protection practices cause a decision-making in the field of ensuring the rights of ethnic minorities in the Russian education sector. Various configurations of actors, their resources and incentives, which is due to the perception of their

---

© Борисова Н.В., Сулимов К.А., 2019

Статья печатается в авторской редакции.

right to mother tongue and the possibilities of its protection, affect the regional variability of the language preferential policy.

Keywords: language preferential policy, language rights, mother language

For citation: Borisova, N.V., Sulimov, K.A. (2019), "The language preferential policy variability in the education sector Russian Republics: resource constraints and agent incentives", *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 62-74, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-62-74

Принятие решений в сфере языковой политики в отношении этноязыковых меньшинств в российской системе образования обусловлено пересечением общероссийских тенденций и региональных особенностей. И здесь возникает вопрос о том, можно ли считать, что федеральная политика, понимаемая как рациональный, политически и идеологически мотивированный курс, является единственным фактором, оказывающим влияние на масштаб и комплексность поддержки миноритарных языков. Такая постановка вопроса дает возможность выделить два объяснения того, как организованы практики принятия решений и реализация языковой политики в современной России на региональном уровне.

Во-первых, это вариант «авторитарной иерархии», когда федеральный центр фактически является единственным центром принятия решений, а все иные участники реализации языковой политики превращаются в исполнителей. При этом, если и возникают сбои в ее реализации и конфликты на их основе, то они носят сугубо технический характер. Иными словами, сбои и, как следствие, конфликты возникают из-за несовершенства системы властной вертикали (chain of command). Конечно, само по себе это несовершенство можно объяснять, не обязательно значимостью автократических практик, а просто недостаточным качеством системы государственного управления. Во-вторых, это условно «плюралистический» вариант, для которого характерно наличие поля свободной конкуренции рациональных субъектов/акторов, где позиции федерального центра противостоят другим позициям, а значит, результат определяется путем борьбы. Площадками этой борьбы выступают публичная сфера, электоральные арены и пр.

Федеральный центр, конечно, не просто один из акторов. Его политический вес и возможности намного превосходят позиции и потенциал всех остальных игроков в сфере языковой политики. Именно федеральный центр располагает широким набором разнообразных ресурсов: нормативными, силовыми и даже символическими. Кроме того, следует отметить, что взаимодействие регионов с федеральным центром, как правило, разворачивается в таких институциональных условиях, которые свободную конкуренцию не допускают. Но и региональные / местные власти, политики, лидеры общественного мнения едва ли являются исключительно просты-

ми исполнителями политического курса центра. Традиционно профессиональное сообщество (учителя, методисты, директора школ), отделы образования в регионах и локалитетах «приватизируют» и рутинно принимают и исполняют решения. В то же время различные заинтересованные группы (политики, этнические НПО и т. д.), будучи внешними агентами принятия решений на местном и региональном уровнях, время от времени политизируют их. И здесь важно подчеркнуть, что языковая политика разных субъектов/акторов формирует языковой режим, который мы понимаем как разновидность социального порядка – набор институционализированных практик использования языка членами сообщества. Такое понимание языкового режима позволяет рассматривать стратегии, интенции и взаимодействия субъектов и агентов языковой политики как обусловленные фреймом понимания своих интересов и возможностей.

Наша основная гипотеза может быть сформулирована следующим образом: различные конфигурации участников и агентов, их восприятие возможных и наличествующих ресурсов, свойственные им стимулы обуславливают региональную вариативность языковой преференциальной политики в России в условиях, когда федеральный центр выступает преимущественно в качестве субъекта, определяющего общие рамки и формат ее реализации.

Для верификации данной гипотезы мы обращаемся к метафоре «коридора» («проторенного пути/колеи»), который субъектами и агентами языковой политики рассматривается как наиболее правильный и, вероятно, единственный/ неоспариваемый. Иными словами, речь идет о постоянном фреймировании ситуации участниками, субъектами, агентами и бенефициарами языковой политики в контексте практик использования языка.

В рамках реализации исследовательского проекта РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» (№ 18-011-00763 А) весной–осенью 2019 г. были проведены научные экспедиции в двух республиках РФ – Удмуртии и Татарстане. В ходе экспедиций были проведены экспертные интервью и антропологические наблюдения: информантами и респондентами выступили представители региональных и местных органов власти, определяющие и реализующие языковую политику, руководители и учителя школ, домов культуры и музеев в территориях с компактным проживанием этнических групп, активисты.

Кроме того, для анализа использовались данные, полученные в ходе формирования базы данных «Языковая политика в полиэтнических регионах РФ». В частности, для формирования седьмой секции базы данных «Государственные программы в сфере политики в отношении языковых меньшинств» были проанализированы отдельные государственные программы (или подпрограммы в других программах) субъектов РФ, направленные на сохранение,

развитие, изучение языков региона, отдельные государственные программы (или подпрограммы в других программах) субъектов РФ в отношении сферы образования и отдельные государственные программы (или подпрограммы в других программах) субъектов РФ в сфере национальной политики. Было рассмотрено 203 нормативно-правовых акта, которые были проанализированы по трем группам параметров. Во-первых, фиксировалось упоминание этнической группы и ее языка в тексте программы/акта в любом из контекстов и в целом в перечне мероприятий, в том числе в части ожидаемых и достигнутых показателей результатов реализации программы, правил финансирования программ и мероприятий. Во-вторых, выделялся исполнительный орган государственной власти субъекта РФ, который отвечает за реализацию языковой политики в регионе. В-третьих, отмечалось наличие/отсутствие упоминания конкретной организации с этнонимом в названии как указание на особое внимание, статус, преференции соответствующей этноязыковой группы.

Татарстан и Удмуртия имеют специальные законы о языке и не только. Так, ст. 14 Конституции Татарстана фиксирует, что республика «оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан» [Конституция Республики Татарстан 1992]. В свою очередь Закон «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» [Закон Республики Татарстан 1992], принятый в том же, что и республиканская конституция 1992 г., закрепила за татарским языком статус государственного. В соответствии с параграфами 2 и 3 ст. 8 Закона Республики Татарстан «Об образовании» [Закон Республики Татарстан 2013] и татарский, и русский языки обладали равными правами в плане преподавания в школах республики, причем на обязательной основе. Анализ содержания республиканских госпрограмм, направленных на сохранение, развитие, изучение языков региона [Указ Президента Республики Татарстан 2008, Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2013а, Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2013б, Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2016, Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2016, Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан 2019] свидетельствует о том, что кроме титульного языка поддержку получают чувашский, удмуртский, мордовский, марийский, украинский и башкирский языки.

В свою очередь, ст. 8 Конституции Республики Удмуртия [Конституция Удмуртской республики 1994] определяет в качестве государственных: русский и удмуртский языки, а языкам иных национальностей гарантировано право на сохранение и развитие. Ст. 5 Закона Удмуртской Республики № 11-ПЗ «О реализации полномочий в сфере образования» [Закон Удмуртской республики 2014]

гласит: «Преподавание и изучение удмуртского языка как государственного языка Удмуртской Республики осуществляются в государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Удмуртской Республики, в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами». Набор программ, поддерживающих этнические языки значительно меньше, чем в Татарстане: Государственная программа Удмуртской Республики «Развитие образования», Государственная программа Удмуртской Республики «Этносоциальное развитие и гармонизация межэтнических отношений в 2013–2020 гг.» [11], внутри которой есть подпрограмма «Сохранение и развитие языков народов Удмуртии». В этих документах удмуртский язык обозначается как государственный и приоритетный с точки зрения поддержки. В частности, одной из задач подпрограммы является «разработка мер по функциональному развитию удмуртского языка как одного из государственных языков Удмуртской Республики» [Постановление Правительства Удмуртской республики 2013].

Федеральный центр ожидаемо задает рамки в логике унификации как посредством реализации политики в сфере образования как таковой, воплощенной во введении ФГОС нового поколения в школьном образовании (начиная с 2011 г.), ужесточении аккредитационных процедур, введением подушевого финансирования образовательных учреждений, введением и организацией проведения ЕГЭ, а с другой стороны – практикой спорадического вмешательства центра в дела регионов. Наиболее ярким примером в последнем случае является выступление Президента РФ на совещании Совета по межнациональным отношениям в 2017 г., в ходе которого он заявил: «...Русский язык ничем заменить нельзя. Он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны... Языки народов России – неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, также не допустимо, как снижать уровень и время преподавания русского языка»¹.

«31 августа Генпрокуратуре РФ совместно с Рособрнадзором было поручено до 30 ноября проверить, как в регионах соблюдают законодательство об обеспечении прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государ-

---

¹ Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям / Официальный сайт «Первого канала». 20.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam (дата обращения: 06.11.2019).

ственных языков республик»². В этом проявились рутинизированность политико-административного регулирования вкупе с политико-символическим по своему характеру вмешательство в логику «вертикали власти». В организации этих проверок и в их конкретных эффектах, собственно, и проявился обозначенный выше тренд на унификацию, прежде всего в формате ограничения количества часов в учебном плане, выделяемых на изучение родного языка. Как были восприняты эти меры? Какие результаты этих действий?

Здесь важным является обсуждение вопроса о позиции региональных властей с точки зрения их финансовых возможностей, конкретных интересов региональных элит и задач этнополитической мобилизации в контексте торга с федеральным центром. Формально проверки прокуратуры в общем-то и не оспаривались. Особенно это характерно для Удмуртии, где публичная позиция региональных и местных властей может быть обозначена как позиция «молчаливого согласия и не роптания...».

Вместе с тем позиция Татарстана была и остается совершенно иной. Президент республики Р. Минниханов сразу же после событий июля 2017 г. публично не высказывался. Его молчание было относительно долгим и продолжалось почти 3 месяца. Одно из возможных, но точно не последних объяснений того, что обусловило это молчание поначалу – контекст непролонгации двустороннего договора, который фактически разбалансировал систему отношений между республикой и федерацией, нарушил поддерживаемый в путинский период status quo. Но 16.10.2017 республиканская прокуратура потребовала исключить предметы «татарский язык» и «литературное чтение на татарском языке» из обязательной части учебного плана средних учебных заведений Казани. В ответ на это требование школы приступили к изменению конфигурации учебных планов. Но важно то, что методические рекомендации к изменению учебных планов были уже подготовлены в Минобрнауки Республики Татарстан: татарский язык был оставлен в учебных планах в разделе «Родной язык» с выделением на него 2–3 учебных часа в неделю вместо 5–6 часов, как это было ранее. И только после этого республиканские власти публично высказались по проблеме. Градус высказываний, на которые Минниханов решился осенью 2017 г., был высок и артикулирован в адрес регионального сообщества: «...Нами принято решение, что ни один учитель татарского языка в период учебного года не будет уволен. Люди должны быть спокойны, в школах должно быть спокойно...». Такое развитие событий свидетельствует о том, что региональные власти не стремились политизировать ситуацию (актуализируя спор с федеральным центром), но при этом и не оставляли без внимания задачу поддержания лояльности и даже поддержки со стороны

---

² Анализ языковой ситуации в Республике Татарстан. URL: <https://posredi.ru/analiz-jazykovojsituacii-v-respublike-tatarstan.html> (дата обращения: 06.11.2019).

регионального сообщества и пронационалистически настроенных групп. 26 октября 2017 г. Минниханов высказался о недопустимости «оказывать давление на директоров школ перед выборами президента России в 2018 году ... и попросил прокуроров “не затрагивать учебный процесс”». Его риторика содержала призыв не допустить раздел сообщества по языковому вопросу. Но 4 ноября последовало заявление прокуратуры о необеспечении добровольности изучения родного языка. И уже 8 ноября на заседании Госсовета РТ Минниханов заявил, что «переговоры с Администрацией Президента РФ и федеральным Минобрнауки “продолжаются” и они идут вокруг 2 учебных часов в неделю обязательного для всех учащихся татарского языка» [13]. В результате в полном объеме было возвращено преподавание русского языка, отменен экзамен по татарскому языку по окончании 9-го класса, а изучение татарского языка (равно как и иного другого этнического языка) в логике ФГОС стало организовано как изучение родного языка (по выбору/заявлению) в объеме 2–3 часов в неделю. Это, конечно, вызвало «проблему “лишних” учителей, прежде всего, татарского языка, их переобучения и спасения от увольнений».

Восприятие эффектов федерального вмешательства на местах было разнообразным: и в Удмуртии, и в Татарстане было сопротивление, конфликты, адаптация и неоспариваемость решений/выбора в логике долженствования. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что, безусловно, отсутствует свобода в определении объема часов, выделяемых на изучение родного языка. Но это совершенно не означает, что нет свободы во всем остальном. Эксперты в своих интервью указывали на то, что на местах очень боялись сокращения объема часов, однако в реальности сокращения не произошло или почти не произошло, особенно в части преподавания нетитульных для республик языков. Особенно это верно для Татарстана. Во-первых, учителя/методисты в реальности нашли способы компенсировать «выпавшие» в результате предписаний прокуратуры часы, и ничего значительного не произошло (в том числе с точки зрения объема часов на изучение родного языка). При этом следует подчеркнуть, что ситуация, конечно, различается в разных местах, в зависимости от условий и контекста. Наши наблюдения, встречи и интервью дают основания утверждать, что победители и проигравшие распределились неравномерно в региональном пространстве России. Например, в одной из территорий Аксубаевского района Татарстана в школе учатся 7 татар, 66 чувашей и 15 русских. До 2017 г. действовала следующая схема: на татарский в учебном плане приходилось 5 часов (3 часа татарского как родного языка и 2 часа татарского как государственного языка). Соответственно, у учеников-чувашей: 3 часа – на чувашский и 2 – на татарский как государственный. В результате последних решений выделено 3 часа на родной язык. Это означает, что ученики-чуваше в общем-то не потеряли ничего в плане права изучать родной язык, но при этом увеличилось количество часов на

русский (6 часов обязательно для всех). А вот ученики-татары теперь изучают свой язык на 2 часа меньше. Или, например, в одной из школ Агрызского района Татарстана, где учатся дети-удмурты. До «реформы» на родной удмуртский язык в учебном плане было выделено 3 часа, а 2 – на татарский как государственный. За счет включения уроков по краеведению и кружковой работы сейчас в расписании учеников-удмуртов на удмуртский язык отводится 4 часа (3 как родной + краеведение/кружки) и 6 – на русский язык. Очевидно, что эти решения оказались наиболее неблагоприятными с точки зрения поддержки в Татарстане татарского как государственного языка, силы его политического статуса.

Во-вторых, если до осени 2017 г. формального согласия родителей о том, какой родной язык их ребенок должен изучать в школе, никто не спрашивал, то сейчас введена соответствующая разрешительная процедура. Однако опять же интервью показывают, что согласие родителей обусловлено тем, что они, как правило, воспринимают введение процедуры как сугубо техническую ситуацию, с одной стороны, а с другой – в логике долженствования: «Так должно, так было и так есть». Иными словами, не возникает в этом случае ситуация оспаривания. И фактическая ситуация не изменилась. Интересно, что, по данным интервью, «решение» о выборе языка принимает мать, т. е. родитель, который обеспечивает «сопровождение» ребенка в школе, а отцы, по-видимому, не в курсе, и в семьях эта ситуация (в большинстве случаев) вообще не обсуждается, что тоже свидетельствует о рутинизированности процесса и его обусловленности восприятием из местной локальной и индивидуальной (семейной) перспективы. Следует понимать, что взаимодействие основных участников языковой политики (агентов, реципиентов, бенефициаров и т. п.) носит преимущественно целерациональный характер, т. е., например, неосведомленность одного из родителей имеет вполне рациональный характер.

Реакция на нормативные требования относительно обеспечения права на изучение родного языка тоже разная. Так, один из информантов отмечает, что «...если запросят изучение узбекского языка, конечно, организуем. Этого же требует закон. Узбекская диаспора у нас в последние годы растет в численном отношении. И у нас в районе даже есть учитель, который является носителем узбекского. Без проблем. Мы ее возьмем на работу. А что делать?». В другом интервью информант отмечала, что в случае возникновения такой ситуации будут обращаться в муфтият... И здесь важным представляется отметить активность в том числе некоммерческих организаций, которые также выступают субъектом фреймирования восприятия статуса языка и решений относительно языковой политики. Эта активность очень дифференцирована и зависит от множества факторов, которые требуют дополнительного изучения.

Интересно то, что ответы относительно решений проблемы выполнения нормативных требований по обеспечению права на род-

ной язык различаются у респондентов из территорий, по-разному дистанцированных от республиканского центра. Так, например, для информантов из Агрыза или Аксубаево (Татарстан), которые значительно удалены от Казани (порядка 350 и 200 км соответственно), такое восприятие ситуации не характерно. Они, скорее, не понимают, как такое возможно, и рассуждают в логике «откуда в нашей деревне это может взяться?». Или, например, обреченно говорят: «Раз родитель захотел, то куда деваться?» При этом есть понимание, что административно-финансовых проблем не должно быть: финансирование будет обеспечено республиканским бюджетом. И здесь мы видим вариативность рефреймирования этой обреченности. Так, например, в Удмуртии информанты и респонденты отмечали, что все эти важные вопросы «кто-то где-то решает», что «от нас ничего не зависит, мы реализуем, что скажут». Но даже в Удмуртии, в частности в Можге, в рамках кружка используют собственный электронный учебник удмуртского. И да, этот учебник, разумеется, без грифа. Но его наличие и использование свидетельствует о том, что, когда возникает профессиональная необходимость (надо вести кружок, нужно сохранить количество часов, иметь зарплату соответствующего уровня), механизмы и возможности находятся.

Наши эмпирические данные показывают, что даже в очевидно более благополучном Татарстане (в Удмуртии с завистью смотрят на соседей) все не так просто. Например, в Аксубаевском районе издается местная газета, есть варианты на русском, чувашском, татарском. Но чувашская и татарская версия создаются посредством перевода с русского. На наш вопрос о том, почему так, а не наоборот, отвечают с недоумением: «А разве может быть иначе?» Наши собеседники часто отмечают, что масс-медиа способствуют русификации: «Мультфильмы “Смешарики”, “Маша и медведь” дети же смотрят на русском...». Или, например, оценка эффектов настройки институтов социализации: «В детский сад приходят чуваша, а выходят русские». Эти и другие примеры позволяют утверждать, что в процессе рационализации (в обсуждении) эксперты соглашались с тем, что русский, особенно в мультязычных территориях, выступает в качестве *lingua franca*.

Конечно, имеет значение дистанция: географическая/территориальная близость к власти. При этом весьма значимым оказываются не только объективные факторы, но и субъективное восприятие возможностей. В одних случаях (и это разница не только между регионами, но даже внутри одного региона) хорошо виден и своего рода замкнутый круг безнадежности: «язык умирает», а рационализация этой позиции идет через апеллирование к тому, что детское ТВ на русском, среда русскоязычная. И профессионалы снимают с себя ответственность: «Ну что мы можем?» Но есть ситуации, когда круг реально размыкается за счет чей-то активности: мобильные приложения на языке, общение в ВК с учениками по разным поводам на родном языке, «этнические» (или как их

назвать?) дискотеки, наконец, давление республиканских властей и пр. И значение стимулов и ресурсов, а главное, их восприятие оказывается намного важнее, нежели то, какой объем средств на поддержку языка заложен в республиканском бюджете. Безусловно, бюджет языковой политики Татарстана в разы больше, чем такой же бюджет в Удмуртии, но подготовка и грифование учебника родного языка для включения в список учебников, соответствующих ФГОС, не требует значительных финансовых ресурсов. При этом именно отсутствие средств эксперты в Удмуртии (и не только) называют в качестве основной проблемы.

Наши данные указывают на то, что есть вариативность в восприятии широты коридора возможностей. И между регионами, и внутри региона (Татарстана, например) есть разница, которая заключается в ширине: этот коридор уже или шире в зависимости от позиции региональных элит и того, как возможности поддерживать свой язык воспринимаются на местах. И значение для восприятия имеет и фактор территориальной удаленности от республиканского центра, то, как заинтересованные субъекты воспринимают свои позиции, ресурсы и интересы.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» № 18- 011-00763 А.

Литература

- Анализ языковой ситуации в Республике Татарстан 2019 – Анализ языковой ситуации в Республике Татарстан (2019). URL: <https://posredi.ru/analiz-jazykovojsituacii-v-respublike-tatarstan.html> (дата обращения: 06.11.2019).
- Владимир Путин в Йошкар-Оле 2017 - Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям 2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Первого канала». 20.07.2017. URL: 1tv.ru/2017-07-20/329185-vladimir-putin-v-yoshkar-ole-provel-zasedanie-soveta-po-mezhnatsionalnym-otnosheniyam (дата обращения: 06.11.2019).
- Закон Республики Татарстан 1992 – Закон Республики Татарстан (1992) № 1560-ХІІ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан».
- Закон Республики Татарстан 2013 – Закон Республики Татарстан № 68-ЗРТ от 22.06.2013 «Об образовании».
- Закон Удмуртской республики 2014 – Закон Удмуртской республики от 21 марта 2014 года №11-РЗ «О реализации полномочий в сфере образования».
- Конституция Республики Татарстан 1992 – Конституция Республики Татарстан.
- Конституция Удмуртской республики 1994 – Конституция Удмуртской республики.

- Минниханов 2017 – *Минниханов Р.Н.* Уроки татарского языка останутся обязательными // Русская служба BBC. 2017. 8 ноября. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41904574> (дата обращения 06.11.2019).
- Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2013а – Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 18 декабря 2013 г. № 1006 «Об утверждении государственной программы “Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2021 гг.”».
- Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2013б – Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 25 октября 2013 г. № 794 «Об утверждении государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2021 гг.».
- Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2016 – Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19 августа 2016 г. № 570 «Об утверждении Концепции национального образования в Республике Татарстан до 2030 года».
- Постановление Правительства Удмуртской республики 2013 – Постановление Правительства Удмуртской республики от 19.08.2013 № 372 «Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики “Этносоциальное развитие и гармонизация межэтнических отношений в 2013–2020 гг.”» (с изменениями на 29.03.2019 г.).
- Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан 2019 – Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 8 мая 2019 г. № 1000-р об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. в Республике Татарстан Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.
- Рустам Минниханов о проверках татарского языка: «Зачем директоров школ терроризировать?» (2019). URL: <https://www.idelreal.org/a/rustam-minnikhanov-tatarskiy-yazik/28816845.html> (дата обращения 06.11.2019).
- Указ Президента Республики Татарстан 2008 – Указ Президента Республики Татарстан 3 июля 2008 г. № УП-312 «Об утверждении концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан».

References

- “*Analiz iazykovoi situatsii v Respublike Tatarstan*” (2019) [Analysis of the language situation in the Republic of Tatarstan 2019], URL: <https://posredi.ru/analiz-azykovoj-situatsii-v-respublike-tatarstan.html> (Accessed at: 21 06.11.2019).
- “*Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 18 dekabria 2013 goda № 1006 ‘Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Realizatsiia gosudarstvennoi natsional’noi` politiki v Respublike Tatarstan na 2014–2021 gody*” [Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of December 18, 2013, no. 1006 “On the approval of the state program “Implementation of the State National Policy in the Republic of Tatarstan for 2014–2021”].
- “*Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 25 oktiabria 2013 goda № 794 ‘Ob utverzhdenii gosudarstvennoi` programmy` ‘Sokhranenie, izuchenie i razvitie gosudarstvenny`kh iazy`kov Respubliki Tatarstan i drugikh iazy`kov v Respublike Tatarstan na 2014–2021 gody*” [Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of October 25, 2013, no. 794 “On the approval of the state program “Conservation, study and development of state languages of

- the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan for 2014–2021 years”].
- “*Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 19 avgusta 2016 g. № 570 ‘Ob utverzhdenii Kontsepcii nacional’nogo obrazovaniia v Respublike Tatarstan do 2030 goda’*” [Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of August 19, 2016, no. 570 “On the Approval of the Concept of National Education in the Republic of Tatarstan until 2030”].
- “*Konstitutsiia Respubliki Tatarstan*” (1992) [Constitution of the Republic of Tatarstan].
- “*Konstitutsiia Udmurtskoi` respubliki*” (1994) [Constitution of the Udmurt Republic].
- “*Ob utverzhdenii kontsepcii gosudarstvennoi` nacional`noi` politiki v Respublike Tatarstan*” (2008) [Decree of the President of the Republic of Tatarstan of July 3, 2008, no. UP-312 “On the approval of the concept of state national policy in the Republic of Tatarstan”].
- Zakon Respubliki Tatarstan №1560-XII ‘O gosudarstvenny`kh iazy`kakh Respubliki Tatarstan i drugikh iazy`kakh v Respublike Tatarstan’* (1992) [Law of the Republic of Tatarstan No. 1560-XII “On state languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan”].
- Zakon Respubliki Tatarstan № 68-ZRT ot 22.06.2013 ‘Ob obrazovanii’* (2013) [Law of the Republic of Tatarstan No. 68-WRT of 22.06.2013 “On Education”].
- Minnihanov, R.N. (2017), “Uroki tatarskogo iazy`ka ostanutsia obiazatel`ny`mi” [Tatar language lessons will remain compulsory], *BBC Russian Service*, 2017, 8 November, URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41904574> (Accessed at: 21.06.11.2019).
- Rasporiazhenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 8 maia 2019 goda № 1000-r ob utverzhdenii Plana meropriatii` po realizacii v 2019–2021 godakh v Respublike Tatarstan Strategii gosudarstvennoi` nacional`noi` politiki Rossii`skoi` Federacii na period do 2025 goda* (2019) [The order of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan on May 8, 2019 No. 1000-r on the approval of the Plan of Measures for implementation in 2019–2021 in the Republic of Tatarstan of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 year].
- Minnihanov, R. (2019), “*Zachem direktorov shkol terrorizirovat`?*” [Why school principals should be terrorized], URL: <https://www.idelreal.org/a/rustam-minnikhanov-tatarskiy-yazik/28816845.html> (Accessed at: 21.06.11.2019).
- Zakon Udmurtskoi` respubliki ot 21 marta 2014 goda №11-RZ ‘O realizacii polnomochii` v sfere obrazovaniia’* (2014) [The Udmurt Republic’s Law of March 21, 2014 No.11-RH “On the exercise of powers in education”].
- “*Postanovlenie Pravitel`stva Udmurtskoi` respubliki ot 19.08.2013 №372 ‘Ob utverzhdenii gosudarstvennoi` programmy` Udmurtskoi` Respubliki ‘E`tnosotsial`noe razvitiie i garmonizatsiia mezhe` tneycheskikh otnoshenii` v 2013–2020 gg.’ (s izmeneniiami na 29.03.2019 g.)’*” (2013) [Decree of the Government of the Udmurt Republic of 19.08.2013, no. 372 “On the approval of the state program of the Udmurt Republic “Ethnosocial Development and Harmonization of Inter-Ethnic Relations in 2013–2020” (with changes to March 29, 2019)].
- “Vladimir Putin v I`oshkar-Ole provel zasedanie Soveta po mezhnatsional`ny`m otnosheniiam” (2017) [Vladimir Putin held a meeting of the Council on International Relations in Yoshkar-Ola], *Ofitsial`ny`i` sai`t ‘Pervogo kanala’*. 20.07.2017, URL: 1tv.ru/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam (Accessed at: 21.06.11.2019).

Информация об авторах

Надежда Владимировна Борисова, кандидат политических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15, *borisova_nv@psu.ru*

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15, *sulimov_ka@psu.ru*

Information about the authors

Nadezhda V. Borisova, Cand. of Sci. (Politics), associate professor, Perm State National Research University, Perm, Russia; bld. 15, Bukireva St., Perm, Russia, 614990, *borisova_nv@psu.ru*

Konstantin A. Sulimov, Cand. of Sci. (Politics), associate professor, Perm State National Research University, Perm, Russia; bld. 15, Bukireva St., Perm, Russia, 614990, *sulimov_ka@psu.ru*

Языковая ситуация среди оленеводов-кочевников
и полуседлого населения
севера европейской России и Западной Сибири:
сферы бытования, ситуации использования,
языковые компетенции

К.В. Истомин

*Институт языка, литературы
и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН»,
Сыктывкар, Россия, kistomin@naver.com*

Аннотация. В работе описывается история языковых компетенций и современная языковая ситуация среди оленеводов-кочевников тундровой зоны европейской России и западной Сибири. Особое внимание обращается на сферы бытования различных языков и изменение языковых компетенций во второй половине XX в. Показывается, что для кочевников-олeneводо-в всегда было характерно многоязычие. В настоящее время на территории тундр, за исключением Ямальского и Гыданского полуостровов, везде чересполосно кочуют представители нескольких оленеводческих народов: саами, коми, ненцы, обские угры. На описанной территории сложились два типа языковой ситуации: для центральной части региона по обеим сторонам полярного Урала характерно многоязычие, при котором различные сферы коммуникации поделены между русским, коми и ненецким языком. При этом оленеводы-ненцы обычно знают три языка (ненецкий, коми и русский), коми-ижемцы – два (коми и русский). Иногда к этим языкам добавляется еще и язык ханты. Для западной (Кольский полуостров) и восточной (Надымская и Пуровская тундры) частей региона характерна ситуация использования русского языка как лингва франка: здесь оленеводы знают в основном два языка – национальный и русский – и используют русский для общения с тундровиками с иным национальным языком. При этом на Кольском полуострове наблюдается значительный языковой сдвиг. Показывается также, что для оленеводов характерна достаточно слабая связь между этничностью и языком. Выдвигается предположение, что это характерно для так называемых «традиционных» народов.

Ключевые слова: многоязычие, полилигвализм, оленеводство, язык и этничность, ненцы, коми, саами, кочевники тундр

Для цитирования: Истомин К.В. Языковая ситуация среди оленеводов-кочевников и полуседлого населения севера европейской России

и Западной Сибири: сферы бытования, ситуации использования, языковые компетенции // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 75–112. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-75-112

Polylingualism among reindeer herding nomads
and semi-nomads of the North
of European Russia and Western Siberia:
spheres and situations of use and language competences

Kirill V. Istomin

*Institute of language, literature and history Komi Science Center,
Ural division of the Russian Academy of Science,
Syktyvkar, Russia, kistomin@naver.com*

Abstract. This paper focuses on the history of language competences and on the modern linguistic situation among nomadic reindeer herders of the European Russian and Western Siberian tundra. Particular attention is paid to the complementary spheres of use of different languages as well as to the transformation of linguistic competences since the late 20th century. The analysis demonstrates that reindeer herding nomads, as it seems, have always been polylingual. Currently the whole territory of the region excluding Yamal and Gydan Peninsulas has mixed nomadic population consisting of several ethnic groups: Saami, Komi, Nenets, Khanty and Mansi. Two types of polylingualism can be observed in the region. In its central part, on the both sides of Polar Urals, different spheres of communication are distributed among three languages: Russian, Komi and Nenets. Here, Nenets herders usually speak all the three languages, while Komi herders usually speak two languages: Komi and Russian. Sometimes, Khanty language is added to the system. In the western (Kola Peninsula) and the Eastern (Gydan and Pur tundra) parts of the Region, Russian is used as Lingua Franca: here reindeer herders usually know only Russian and their ethnic languages and use Russian when communicate with other reindeer herders across ethnic boundaries. This has caused a language shift on the Kola Peninsula. The analysis also demonstrates that the connection between the language and the ethnic identity is quite weak among the reindeer herders. It is suggested that this connection is weak among representatives of all so called “traditional” peoples.

Keywords: Polylingualism, reindeer herding, language and ethnic identity, Nenets, Komi, Saami, Tundra Nomads

For citation: Istomin V.K. (2019), “Institute of language, literature and history Komi Science Center, Ural division of the Russian Academy of Science”, Issues of Ethnopolitics, no. 3, pp. 75-112, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-75-112

Введение

В сборнике статей, посвященных двуязычию в современных России и Финляндии, известный российский этносоциолингвист Николай Борисович Вахтин заметил, что «в современной лингвистике происходит заметная смена фокуса: объектом все большего числа исследований становится двуязычная (многоязычная) коммуникация: ситуации двуязычия, языковые контакты и контактные языковые явления интерференция разного типа и происхождения, различные формы *interlanguage*, *lingua franca*, – и, соответственно, проблематика, связанная с использованием этих смешанных языковых форм» [Вахтин 2011, с. 5]. Сейчас, по прошествии почти десяти лет, можно говорить, что исследования двуязычия (билингвализма) и многоязычия (мультилингвализма) как когнитивного, социального и политического феномена заняли, по сути, центральное место в социо- и психолингвистике. Часто можно встретить утверждение, что подобный интерес к исследованию многоязычия обусловлен грандиозными и беспрецедентными изменениями, происходящими в современном мире, где «в результате изменений в глобальной политической экономике, распространения капитализма, быстрого увеличения транснациональных потоков населения, и постоянно увеличивающейся в масштабе и становящейся все более многообразной по качеству циркуляции материальных и символических ресурсов создаются принципиально новые социальные, культурные и идеологические условия. В социологической и антропологической литературе эти изменения рассматриваются как различные аспекты глобализации и существует общее согласие, что политические, экономические, социальные и культурные условия современности (*late modernity*) кардинально отличаются от более ранних периодов человеческой истории» [Martin-Jones and Martin 2017, p. 6]. Одним из этих условий, по мысли авторов – известных социолингвистов, является глобальное распространение многоязычия и его все более важная политическая, социальная, экономическая и культурная роль в современном мире. Социолингвистам вторят психолингвисты: в одной из своих последних книг Франсуа Грожан пишет, что в современном мире более половины населения говорят более, чем на одном языке, многоязычие стало одним из ключевых условий для успешной карьеры, широкой социализации и доступа к культурным достижениям и поэтому «лишь естественно, что исследования билингвализма занимают все больше места в лингвистике» [Grosjean and Li 2013, p. 7].

При этом, рассуждая конкретно о культурной и политической роли многоязычия, большинство авторов особо указывают на существующее в сознании политиков, широкой публики и многих исследователей убеждение о наличии прямой связи между языком и этнической идентификацией, а также между языковой «стандартизацией» и государственным строительством [Anderson 1991; Heller 1999; Blackledge 2000; Stavans and Hoffmann 2015, pp. 63–72; Costa,

De Korne and Lane 2018]. Это убеждение, восходящее к философскому постулату Гердера о языке какместилище *Volksgeist* (народного духа) [Herder 1955], ставит, с одной стороны, знак равенства между народом и языком («без национального языка нет народа»), а с другой стороны, усматривает в широком распространении единого языка, придании ему официального статуса (статуса «государственного», «официального», «национального» и т. д.) необходимое условие существования нации и государства. Реализация этих убеждений на практике ведет, с одной стороны, к борьбе за сохранение языков национальных меньшинств, за расширение их преподавания и сфер использования в том числе и среди лиц, говорящих на иных языках, как необходимое условие выживания этих меньшинств, а с другой – к широкому распространению стандартизированных форм официальных языков и борьбе за максимизацию сфер их использования [Heller 1999]. Все это ведет не только к дальнейшему распространению многоязычия [Stavans и Hoffmann 2015, pp. 45–47], но и к появлению его новых форм, для которых характерны сложные «политики переключения кодов» (*code switching policies*), используемые для установления, актуализации и подчеркивания идентичностей, включения в социальное взаимодействие и исключения из него отдельных лиц и групп [Lo 1999], поддержания внутригрупповой лояльности, политической мобилизации и даже совершения определенных политических актов [Rampton 1995]. Эти новые формы бытования и использования многоязычия также часто объявляются уникальной чертой нашего времени, чем-то не имеющим прямых аналогов в человеческой истории.

Между тем никто из исследователей многоязычия, пожалуй, не будет спорить, что сам феномен мультилингвализма имеет достаточно долгую историю. Так, Ставанс и Хоффман в своем недавно опубликованном обзоре исследований многоязычия утверждают, что широкое распространение многоязычия началось с образованием древних империй, вводивших на подчиненных им территориях официальные языки и письменные системы, а также с распространением мировых религий [Stavans and Hoffmann 2015, pp. 15–19]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении в настоящий момент этнографические данные гораздо лучше соответствуют несколько другой исторической перспективе. Широко известен факт, что наибольшее разнообразие языков и наиболее сложная сеть взаимодействий между ними наблюдается или наблюдалась до относительно недавнего времени как раз в тех областях земного шара, которые оставались вне сферы влияния крупных государственных образований, их завоевательной и колонизационной политики: в Австралии, Африке южнее Сахары, Амазонии, Юго-восточной Азии, Новой Гвинее [Asher and Moseley 2007]. Более того, именно эти районы характеризуются очень высокой степенью индивидуального многоязычия: комплементарное владение несколькими языками и переключение языкового кода в зависимости от ситуации является в этих местах нормой,

а моноязычие – нонсенсом и экстравагантностью, доступной только привилегированным слоям населения. Например, в западной Африке, в сельской местности значительная часть населения с детства говорит на трех или даже четырех языках, а ситуация дву- или моноязычия характерна для городских, особенно привилегированных классов [Bamgbose 2000]. Точно также в Южной Америке многоязычие – владение и регулярное использование двух, трех и иногда четырех языков – является характерной чертой сельского населения (особенно индейского происхождения), а моноязычие (использование исключительно испанского языка во всех сферах жизни) является уделом привилегированного городского класса, показателем образованности и культурной рафинированности [Stavans and Hoffmann 2015, pp. 59–62]. По сравнению с этими регионами наиболее глобализированные и мультикультурные (в представлении многих) регионы мира, такие как США (где более чем одним языком владеют около 18% населения), Канада (полилингвы составляют 35% населения) или даже Европейский союз (полилингвы составляют 57% населения, при этом большинство из них составляют билингвы с английским в качестве второго языка), выглядят отнюдь не впечатляюще (данные по процентам полилингвов взяты из [Grosjean и Li 2013, p. 6]).

Все это делает уместными следующие вопросы: не является ли мултилингвализм, комплиментарное владение несколькими языками и регулярная смена лингвистических кодов в зависимости от ситуации исторически первичным и естественным для человека или чертой исторического времени, следствием возникновения государственных образований, завоеваний и подъема мировых религий, как это утверждают, в частности, Ставанс и Хоффман? Не является ли, наоборот, широкое распространение монолингвизма относительно недавним феноменом, связанным с появлением империй и национальных государств, сопровождавшимся сокращением количества местных языков и диалектов? Не является ли, таким образом, распространение мултилингвализма последнего времени (происходящее на фоне глобализации, существенная черта которой, кстати, – падение регулирующей роли национального государства) лишь возвращением к некогда существовавшему и, в определенном смысле, естественному состоянию человеческого общества, а не чем-то беспрецедентным в человеческой истории? И наконец, не являются ли представления о неразрывной связи этноса и языка, государства и моноязычия, играющие столь существенную роль в формировании современной политической повестки, порождением именно этого, начавшегося относительно недавно и сейчас уходящего в прошлое исторического этапа, прямым следствием распространения регионального и национального монолингвизма внутри империй и национальных государств? Действительно, в условиях, когда большинство населения владеет несколькими языками и переходит с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения и когда единый

официальный, «государственный» язык отсутствует, жесткая связь этнической идентичности с одним и только одним языком, по крайней мере, не очевидна (см. рассуждение о языке как центральной ценности в [Smolicz 1980; Смолич 2012]). Это объясняло бы быстроту языкового сдвига, часто наблюдаемого у малых народов в зонах многоязычия: в условиях многоязычия «выпадение» одного из языков, пусть даже такого, который использовался для внутрисемейного общения и считался «этническим» для данного народа, – это, по сути, не смена языка, а, скорее, смена политики переключения кодов...

Цель этой работы – описать и проанализировать языковую ситуацию, включая языковые компетенции и стратегии смены кодов, среди тундровиков-оленоводов и рыболовов европейской части России и Западной Сибири, т. е. той обширной территории, которая известна специалистам по традиционному хозяйству как регион бытования кочевого оленеводческого хозяйства западного [Богораз-Тан 1932; 1933] или самоедского [Василевич и Левин 1951] типа. В настоящее время этот регион является крупнейшим оленеводческим регионом мира: в нем выпасается почти половина мирового поголовья северных оленей и проживает больше половины оленеводов. При этом, хотя в западной части региона наблюдается медленное сокращение числа тундровиков, в восточной части региона, в Ямало-Ненецком автономном округе, поголовье оленей и количество оленеводов продолжает расти [Зуев 2016]. Тем не менее, когда речь заходит о языковой ситуации среди тундровиков, в средствах массовой информации и на страницах научных изданий часто звучат алармистские нотки: языки всех пяти основных этнических групп, к которым принадлежат оленеводы региона (саами, коми, ненцы, ханты и манси), включены в перечень языков UNESCO, находящихся под угрозой исчезновения (*endangered languages*), причем для трех из них (ханты, манси и саамский языки) эта угроза определена как «сильная» или «критическая» (*severely endangered, critically endangered*), а для двух – коми и ненецкого – как «определенная» (*defently endangered*) [Moseley и Nicolas 2010, p. 38]. Общее число говорящих на этих языках падает, сфера их применения сокращается, и растет число детей и молодых людей, предпочитающих этим языкам русский, что грозит вымиранием этих языков, а следовательно (следуя логике связи языка и этноса, описанной выше), и использующим их народам скорым исчезновением. Хотя описанное мнение о состоянии языков тундровиков и нельзя назвать неверным, оно, как мы постараемся показать в этой работе, тем не менее далеко не полно: если посмотреть на языковую ситуацию в тундре в исторической перспективе, то оказывается, многоязычие для тундровиков региона было характерно так давно, насколько мы можем проследить по историческим источникам, причем русско-национальная диглоссия не была здесь исторически первой; использование различных языков в различных сферах и ситуациях общения, переход с одного языка на другой, частые смены языков, предназначенных для определенных сфер жизни

(в том числе и сферы внутрисемейного общения), никогда, насколько можно судить по полевым и историческим источникам, не были здесь редкостью; различные группы тундрового населения, включая территориальные, профессиональные и этнические, характеризуются не столько определенным языковым кодом, сколько определенной системой переключения языковых кодов; наконец, подобная языковая гибкость постоянно приводила здесь к появлению групп, язык внутрисемейного общения которых не совпадал с этнической идентификацией, таких как комиязычные ненцы, русскоязычные саами, русскоязычные коми, причем продолжающееся существование таких групп в тундрах региона не вызывает удивления и не представляет проблемы с точки зрения определения их этничности ни для кого, кроме русских этнографов, свято верящих в тезис «нет народа без языка».

Прежде чем перейти к описанию и анализу, автор хотел бы сделать ряд важных оговорок, касающихся методологии и границ настоящего исследования. В его основу легли материалы полевых работ автора, проводившихся с 2003 по 2017 г. в Ямало-Ненецком Автономном Округе (Надымский, Пуровский, Ямальский и Тазовский районы), Ненецком АО, на севере Республики Коми (Ижемский, Интинский, Воркутинский районы) и в Ловозерском районе Мурманской области. Так как автор по специальности является этнографом, а не лингвистом, указанные работы имели прежде всего этнографическую направленность и проводились с помощью стандартных этнографических методов: включенного наблюдения и этнографических интервью. Хотя большая часть собранного материала состоит из нарративов различного рода, методика их сбора по большей части не соответствует критериям лингвистической полевой работы: поскольку автора как этнографа интересовало содержание нарратива больше, чем его языковая форма и код, то автор в процессе интервью часто навязывал информаторам определенный язык и/или диалект, инициировал смену кодов так, чтобы обеспечить себе лучшее понимание рассказа и т. д. Это делает невозможным применение к материалу автора наиболее мощных лингвистических методов изучения прагматики и смешения кодов, таких, например, как интеракционный анализ. Поэтому в своем анализе автор вынужден опираться прежде всего на сделанные им этнографические описания и сообщенные информаторами сведения, а не на собственно анализ записанных текстов с точки зрения их языка. Кроме того, как ясно из географии полевых работ автора, его исследование не охватило весь регион: за пределами его изучения остались такие регионы проживания оленеводов, как Ханты-Мансийский Автономный Округ, западная часть ЯНАО (Приуральский район), а также западная часть Ненецкого Автономного Округа (Канинская и Малоземельская тундры). Соответственно, два из пяти оленеводческих народов региона (ханты и манси), к большому сожалению, оказываются за пределами исследования настоящей работы.

Формирование кочевого и полуседлого населения тундр севера европейской части России и Западной Сибири, языковая ситуация в тундрах к началу XX века

Современная языковая ситуация в регионе не может быть адекватно понята без краткого экскурса в историю формирования современного населения тундр и их хозяйства. Из пяти оленеводческих районов региона (саами, ненцы, коми, ханты и манси) наиболее долгую историю проживания в нем имеют саами: этот народ, говорящий на нескольких языках (по другой версии – диалектах одного языка) финской группы финно-угорской ветви уральской языковой семьи, проживает в северной Скандинавии примерно с начала нашей эры [Aikio 2004]. Происхождение традиционного оленеводческого хозяйства саамов, впрочем, до сих пор вызывает споры. В российской этнографии получила широкое распространение теория, согласно которой существовал лишь один центр приручения северного оленя, располагавшийся в Южной Сибири, в районе Саян [Василевич и Левин 1951; Вайнштейн 1970; 1971], откуда оленеводство распространилось в другие регионы посредством заимствования и миграций населения. В частности, к саамам, согласно варианту этой гипотезы [Помишин 1990], оленеводство попало через контакты с ненцами, которые многими считаются мигрантами с саянского нагорья (о чем чуть ниже). Эта гипотеза подтверждается некоторыми лингвистическими данными (в саамских языках имеется пласт лексики, который можно считать самодийским по происхождению, см. [Хайду 1985]), однако плохо соответствует данным этнографии: традиционное саамское оленеводство имеет ряд черт, например использование однополосной нарты-кережки в виде лодки и доение оленей, чему нет аналогий в оленеводстве ненцев [Богораз-Тан 1932; 1933; Василевич и Левин 1951]. Кроме того, генетические исследования последнего времени указывают на автохтонное происхождение оленей скандинавских саами, отсутствие у них (в отличие от оленей ненцев) генетической связи с Южной Сибирью, что делает вероятным существование отдельного скандинавского центра одомашнивания оленя [Røed и др. 2008]. Однако даже если саамы и не имели в древности контактов с другими оленеводческими народами, они находились в постоянном контакте с оседлым населением Скандинавии – носителями шведского, норвежского, финского и русского языков, с которыми они в большинстве районов делили одну территорию. Это вызвало широкое распространение многоязычия среди саами, по крайней мере с XVII века [Киселев и Киселева 1987], причем характерно было владение более чем двумя языками и использование их в различных сферах. Конфигурация языков зависела от места проживания и экономической модели. Так, саами Кольского полуострова вплоть до конца XIX столетия были в основном рыбаками и в меньшей мере охотниками, в то время как оленеводство имело для них подсобное, транспортное значение. В летний период

кольские саами осваивали рыболовные тони вдоль морского побережья и в нижнем течении рек полуострова, где постоянно сталкивались и поддерживали торговые контакты с русскими промышленниками-поморами, оседлым, в основном русскоязычным, населением прибрежных деревень, а также и с норвежскими рыбаками и торговцами. Контакты с этими группами играли огромную роль для саамов: от них получали продукты питания (например муку) и промышленные товары (например сукно), и т. д., от снабжения которыми саами зависели. В зимнее время саами откочевывали на зимние погосты в центральную и западную части полуострова, где было больше дров и лучше возможности для охоты и подледного лова рыбы. Там саами могли поддерживать контакты с саами современной Финляндии, а также с финнами и карелами [Чарнолуцкий 1930]. Это подтверждается данными генетического анализа оленей [Røed и др. 2008]. Поэтому значительная часть саами в XIX столетии (о более ранних периодах сведений нет) владела и пользовалась помимо диалекта саамского также русским, северо-норвежским и, видимо, соседними диалектами саамского языка; часть, очевидно, знала также финский.

Предки ненцев, народа, «этнический» язык которого относится к самодийской ветви уральской языковой семьи, согласно наиболее широко принятой в отечественной этнографии теории, переселились в тундры востока европейской России с юга, по-видимому, из района Саян¹ [Долгих 1970], т. е. территории, на которой, как было написано выше, многие российские специалисты локализуют центр домостикации северного оленя и, следовательно, родину оленеводства. Согласно этой теории, переселение предков ненцев на север происходило несколькими волнами на протяжении первого тысячелетия нашей эры, причем по крайней мере в части волн переселения принимали участие оленеводы [Долгих 1970], приведшие на север своих оленей [Røed и др. 2008] и положившие, таким образом, начало тундровому оленеводству. На протяжении всего второго тысячелетия нашей эры происходило постепенное увеличение территории кочевания ненцев, и к середине XIX столетия ненецких оленеводов можно было встретить по всей зоне тундр северо-востока Европы и Западной Сибири, от Канинского полуострова на Западе до низовий Енисея на востоке [Хомич 1995]. Созданный ненцами частично на основе принесенных с юга, и частично – на основе выработанных уже в тундре элементов и технологий, «ненецкий оленеводческий комплекс», состоящий из мобильного жилища-чума, нескольких типов оленьих нарт, системы запряжки оленей в нарты «веером» и управления упряжкой

---

¹ Хотя описываемая здесь и далее теория о происхождении ненцев является на данный момент наиболее распространенной, она тем не менее не является единственной. Так, существует теория и о северной родине ненцев (и шире – самодийцев), согласно которой их сложение произошло непосредственно в тундровой зоне региона на базе местного этнического субстрата [Головнев 1995].

с помощью одной вожжи и длинной деревянной палки-хорья, базовых технологических приемов ухода и разведения оленей и, что немаловажно, развернутого терминологического аппарата, применяемого в оленеводческой практике, используется в настоящий момент всеми этническими группами оленеводов региона, что и дает возможность говорить о бытующем в нем едином самоедском (или западном) типе оленеводства. Впрочем, как и в случае саами, оленеводство ненцев вплоть до XVIII – начала XIX столетия оставалось транспортным: немногочисленные домашние олени использовались в основном как средство передвижения и только в случае крайней нужды забивались в пищу и на шкуры, в то время как ведущими отраслями хозяйства ненцев были мобильная охота и рыболовство [Крупник 1976; Крупник 1993].

В отличие от Лапландии, региона обитания саами, в регионе кочевания ненцев вплоть до XX в. было сравнительно мало оседлого населения. Существовавшие там с XVI в. русские поселения – Пустозерск, Обдорск и Мангазея (последнее исчезло в конце XVII столетия), – хотя и имели важное значение как центры торговли и проецирования на тундровое население административной власти, тем не менее оставались малыми островками в море кочевого населения тундр. Несколько более многочисленным стало русское староверческое население нижней Печоры, появившееся там в результате церковного раскола XVII в. и оказавшее большое, хотя и относительно локальное, влияние на кочевников, в том числе в языковом плане. Однако для основной части территории ненцев, с точки зрения языковой ситуации, вплоть до начала XX в. гораздо большее значение имели контакты с нерусским населением. Наиболее древними из них были, видимо, контакты с ныне исчезнувшим коренным, досамодийским населением тундр, говорившим, скорее всего, на палеоазиатских языках [Долгих 1970] и оставшимся в фольклоре ненцев под именем сихиртя. О том, как проходили эти контакты, впрочем, известно мало. В более близкую к нам эпоху интенсивные контакты, часто приводившие к ситуации многоязычия, существовали между ненцами и обско-угорскими народами, особенно хантами, в районе Приобья и в приуральских тундрах, с селькупам в тазовских тундрах, с эвенками и энцами в низовьях Енисея. Эти контакты сохраняются до сих пор, причем, по имеющимся в распоряжении автора настоящей работы полевым данным, собранным в тазовской тундре, по крайней мере в восточной части ненецкого ареала ненецкий язык выступает или выступал до недавнего времени в этих контактах в позиции доминирующего: многие тундровики – селькупы и, даже в большей степени, энцы владеют ненецким языком, в то время как ненцы селькупского и/или энецкого языков практически никогда не знают. При встречах в тундре между ненцами, с одной стороны, и селькупам или энцами, с другой, разговор чаще идет на ненецком языке, русский выступает как язык «второй очереди» – к нему обращаются, если у собеседников не хватает компетенции в ненецком.

Современный языковой контакт между ненцами и обскими уграми, о котором, впрочем, у автора настоящей работы есть лишь косвенные сведения, кажется более сбалансированным. Тем не менее автору гораздо чаще приходилось слышать об оленеводах-хантах, владеющих ненецким языком, чем о ненцах, владеющих языком ханты.

Совсем другой характер и значение исторически имели (и имеют до сих пор) языковые контакты между ненцами и коми, носителями ижемского диалекта коми-зырянского языка. Коми, народ, «этнический» язык которого относится к финно-пермской группе фино-угорской ветви уральской языковой семьи, появились в притундровой полосе северо-востока Европы достаточно поздно, во второй половине XVI столетия [Лашук 1958]. «Исторической родиной» коми-зырян является бассейн рек Вычегды и верховья бассейна Мезени, т. е. средняя и южная тайга, где большая часть коми-зырян проживает до сих пор. Так, коми-зыряне развили специфический хозяйственный комплекс, основанный на сочетании и балансе присваивающих (охота, рыбная ловля) и производящих (земледелие, скотоводство) отраслей [Конаков и Котов 1991]. Начиная с XIV в. коми постепенно расширяли свою территорию обитания в восточном и северном направлении, оказавшись в бассейне Печоры, где на правом берегу реки Ижма в 1576 г. впервые упоминается поселение коми названное по имени этой реки [Лашук 1958]. Это село стало центром формирования наиболее северной группы коми, известной в литературе как коми-ижемцы (или просто ижемцы). Именно к ней и принадлежит коми население тундры. Согласно реконструкции Н.Д. Конакова [Конаков и Котов 1991], переселившись в бассейн Печоры, коми оказались в предельных для существования их хозяйственного комплекса природно-климатических условиях, в которых земледелие, осуществляемое по технологии того времени, не могло уже служить надежным источником необходимых продуктов. Из-за частых неурожаев ощущался заметный недостаток сельскохозяйственной продукции, который ижемцы пытались компенсировать сначала за счет развития товарной охоты на пушных зверей (продажа мехов позволяла импортировать недостающую сельскохозяйственную продукцию), а затем, после падения продуктивности охоты из-за выбивания популяции пушных животных к середине XVII века, за счет развития оленеводства и частичного перехода к кочевому образу жизни. Первое известное автору настоящей работы документальное свидетельство о разведении ижемцами домашних оленей относится к 1721 г. В основу оленеводства коми лег ненецкий оленеводческий комплекс, заимствованный ижемцами у ненцев вместе со всей соответствующей оленеводческой терминологией [Старцев 1926]. Однако у ижемцев оленеводство пришло на смену товарной охоте и поэтому с самого начала приняло не транспортную, а товарную направленность, т. е. направленность на производство продукции на продажу [Крупник 1976]. Интересно, что становление оленеводства у ижемцев практически совпало по времени с переходом от транс-

портного к производящему оленеводству у ненцев, датируемому Крупником XVIII – началом XIX столетия [Крупник 1976]. Автор настоящей работы привел аргументы в пользу взаимосвязи между этими процессами [Истомин 2004], однако их итог был различен: если у коми сложилось высокотоварное оленеводческое хозяйство ориентированное на рынок, то у ненцев – производящая домашняя экономика на основе оленеводства.

Товарный характер ижемского оленеводства, связь ижемцев с рыночными центрами позволили коми занять ключевые позиции в тундровой торговле и добиться сначала экономического (к середине XIX столетия), а затем и численного доминирования в Большеземельской тундре, т. е. на участке тундр между устьем Печоры и Уральскими горами [Керцелли 1911] и со второй половины XIX в. начать расширение своего ареала кочевания на запад и восток. При этом, расселяясь, ижемцы приносили на новые территории свой хозяйственный комплекс, включающий как кочевое оленеводческое хозяйство, так и стационарные поселки, служащие центрами промыслов, переработки оленеводческой продукции (засолки оленьего мяса, переработки оленьих шкур в замшу для последующей продажи, изготовления меховых изделий) и торговли ею. Первый ижемский поселок в Зауралье – деревня Саранпауль – появился уже в 1840-х гг., а начиная с 1860-х гг. в переселение ижемцев в Уральскую и Байдаракскую тундры (Полярный Урал и участок тундры к востоку от него до устья р. Оби) стало массовым [Повод 2006]. В последнее десятилетие XIX века ижемцы проникают в Надымскую тундру к востоку от Оби, где появляются ижемские поселки Ныда и Нори [Повод 2006]. Оттуда коми начинают осваивать тундры полуострова Тазовский (Малый Ямал). Наконец в 1930-е гг., уже при советской власти (и не без ее участия), ижемцы проникают еще дальше на восток, в бассейн реки Пур (пос. Самбург), и оказываются на границе расселения тундровых ненцев, лесных ненцев и селькупов [Истомин, Лискевич и Шарапов 2016]. Расселение ижемцев в восточном направлении позволило им сначала заселить Малоземельскую и Тиманскую тундры, а в 1882 г., стремясь спастись от свирепствующей в тундрах северо-востока Европы эпизоотии сибирской язвы, группа богатых ижемских оленеводов в сопровождении нескольких семей «колвинских ненцев» (подробнее об этом важном понятии чуть ниже), нанятых в качестве пастухов, и примерно 10 000 оленей совершила перекочевку на Кольский полуостров, положив таким образом начало присутствию коми и ненцев в российской Лапландии. За ними последовали другие переселенцы с востока, в подавляющем большинстве коми, но также и ненцы. Оседлым центром для ижемского оленеводства на новой территории первоначально стал саамский зимний погост Ловозеро, но вскоре к нему прибавились поселения, основанные непосредственно ижемцами: Краснощелье, Ивановка, Каневка [Конаков, Котов и Рочев 1982; Конаков 1986]. Как уже было сказано выше, оленеводство кольских саами к этому

времени так и не преодолело в своем развитии уровень вспомогательной транспортной отрасли. Прибытие в их тундры оленеводов с востока с несметными по местным меркам стадами оленей, составляющими основу товарного производящего оленеводческого хозяйства, полностью трансформировало хозяйство и образ жизни саами. Всего лишь несколько десятилетий понадобилось на то, чтобы их традиционное оленеводство сменилось на производящее хозяйство, основанное на ненецком оленеводческом комплексе [Конаков 1986].

Быстрое расселение ижемцев, их демографическое доминирование в части тундр региона и повсеместное доминирование в тундровой торговле, рыночный, капиталистический характер их оленеводства, в котором уже в середине XIX столетия распространилось использование наемного труда, причем в качестве наемной рабочей силы чаще всего выступали бедняки-ненцы, обеспечили и распространение в тундре ижемского диалекта коми-зырянского языка. При этом в Большеземельской и, в несколько меньшей степени, Байдарацкой и Уральской тундрах этот диалект уже к концу XIX – началу XX столетия занял позиции престижного языка, языка торговли и межэтнического общения, которым подавляющее большинство местных ненцев и ханты владело в качестве второго, а часто и первого языка. Именно здесь возник феномен «колвинских ненцев», который будет проанализирован в следующем параграфе. В лежащем на запад от этих тундр регионе устья Печоры и Малоземельской тундре, где проживало значительное (по тундровым меркам) оседлое русское староверческое население, и располагался административный центр Пустозерск, в качестве языка торговли и лингва франка использовался русский язык, и уровень владения языком коми среди некоренного населения был, судя по всему, относительно низок. Тем не менее многоязычие с участием языками коми (наряду с русским) существовало и здесь. На Канинском полуострове языками межнационального общения были коми и русский. На Кольском полуострове к приходу туда коми и ненцев русский язык уже прочно занял свое место в качестве второго языка среди саами. Поэтому, несмотря на большое экономическое и культурное влияние переселенцев, массового многоязычия с участием языка коми здесь, судя по всему, не возникло, а ижемцы и саами говорили между собой на русском языке. Однако ненцы и ижемцы говорили между собой на коми, и язык коми становился доминирующим в межэтнических семьях. Наконец, слабее всего позиции языка коми, судя по всему, были в крайне восточных регионах, в Надымской и Пуровской тундрах. Здесь влияние ненецкого языка всегда было очень сильно, влияние русского, наоборот, слабо, и языковой контакт между коми и ненцами был более или менее паритетным: обе стороны в какой-то мере знали язык друг друга.

Таким образом, этнический состав населения тундр севера европейской части России и Западной Сибири в первой половине прошлого века был крайне сложен. На большей части территории этого

региона бок о бок кочевали представители двух или даже трех оленеводческих народов: саами, коми и ненцы – на Кольском полуострове, коми и ненцы – в тундрах северо-востока европейской части России, коми, ненцы и ханты – в тундрах Урала и нижней Оби, коми и ненцы – в тундрах низовья Пура, ненцы и селькупы – в Тазовской тундре, ненцы и энцы – в тундрах нижнего Енисея. Сложность этнического состава вызывала и сложность языковой ситуации: на всей описанной территории люди в каждом новом встреченном путешественником кочевом лагере могли говорить между собой на языке, отличающемся от языка предыдущего встреченного лагеря. Картина еще более усложнялась присутствием оседлого, в основном русскоязычного населения, особенно в западной части региона (Кольский полуостров и низовья Печоры). В восточной части региона русскоязычного населения было гораздо меньше, но русский язык медленно распространялся и здесь как язык администрации и торговли. Все это приводило к достаточно широкому распространению многоязычия. Несколько особняком в этом отношении стояли (и стоят до сих пор) территории двух больших полуостровов: полуострова Ямал и Гыданского полуострова. Кочевое население этих полуостровов было моноэтническим – состояло только из тундровых ненцев и именно здесь всегда жило (и живет до сих пор) максимальное число ненецких монолингвов. Однако даже на этих полуостровах одноязычие вовсе не было преобладающим. Во-первых, значительная часть кочевников Ямала и Гыдана в зимний период откочевывала на юг, ближе к лесотундровой зоне. Для кочевников Ямала это было побережье Оби, южная часть Обской губы, а иногда и противоположный берег губы, Надымская тундра (часто называемая ямальскими ненцами «Хэнской стороной» из-за расположенного здесь поселка Хэ, имевшего, кстати, крайне смешанный этнический и языковой состав); для кочевников Гыданской тундры – побережье Таза, Тазовская губа и иногда тундры полуострова Малый Ямал. Здесь оленеводы-северяне неизбежно вступали в отношения с оленеводами более южных тундр, в том числе и не ненецкоязычными. Поэтому можно, пожалуй, с уверенностью утверждать, что уровень многоязычия среди кочевого населения тундр был высоким – гораздо выше, чем, например, среди населения центральных областей России в описываемый период. Эволюция этой языковой ситуации во второй половине XX столетия и ее состояние в настоящее время является темой остальной части этой работы.

*Центральная часть региона:
коми-ненецко-русское многоязычие.
Колвинские ненцы (колва яран)*

Основным фактором, определившим изменение языковой ситуации в обсуждаемом регионе начиная с 30-х гг. прошлого века и во многом ее современный вид, стало распространение в тундрах русского

языка. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в некоторых местах, где преобладало русское оседлое население (Кольский полуостров, нижняя Печора), русский язык стал частью языкового репертуара тундровиков гораздо раньше. Более того, многие коми-ижемские оленеводы по всему региону, где в экономике важную роль играла реализация оленеводческой продукции на рынке, в какой-то мере владели русским и пользовались им при контактах с русскими торговцами, на ярмарках и т. д. Тем не менее вплоть до появления системы всеобщего обязательного образования, включившего русский язык, на большей части изучаемого региона (т. е. там, где было мало оседлого русского населения) русский язык в среде тундровиков не использовался.

Судя по имеющимся полевым данным, распространение русского языка породило в изучаемом регионе в целом два типа языковых ситуаций. Там, где многоязычие на основе местных языков было сильно развито уже к началу XX в. и у каждого из этих языков была своя сфера функционирования, – речь идет в основном о центральной части региона по обеим сторонам Уральских гор, от устья Печоры до устья Оби, исключая Ямальский полуостров – русский язык оказался как бы прибавленным к уже существующей системе многоязычия и «ответственным» за те сферы жизни, которые у тундровиков появились относительно недавно: это язык образования, общения с администрацией, с коммерсантами – в общем, это язык поселковой и официальной сферы. В тундре, при общении между собой вне семьи, тундровики, в том числе и разных национальностей, продолжают использовать коми и ненецкий языки, возможно, еще и язык ханты. На Ямальском и Гыданском полуостровах, где многоязычие было распространено в меньшей степени, сложилась немного другая, но в целом сходная ситуация: русский язык там стал языком поселка, оседлой сферы жизни, а ненецкий – языком тундры. С другой стороны, в тех частях региона, где русский язык был распространен еще до первой половины XX в. либо где многоязычие в начале XX в. хоть и распространилось, но было явлением достаточно новым (Надымская тундра, Пурувская тундра), русский язык занял, полностью или частично, позицию тундрового лингва франка и стал использоваться как средство общения тундровиков разных национальностей между собой, оставив национальным языкам лишь сферу внутрисемейного общения. Однако, поскольку при кочевом образе жизни сфера внутрисемейного общения вообще очень узка, а также в результате широкого распространения межнациональных браков, в части из этих регионов произошло дальнейшее полное или почти полное вытеснение национальных языков русским. В этой части работы мы опишем ситуацию первого типа, в следующей части – второго.

В 2001 г. автор настоящей работы, впервые попавший в тундру и оказавшийся в коми-ижемской оленеводческой бригаде, в одном из этнографических интервью заговорил с ижемскими оленеводами о ненцах, которых он на тот момент ни разу еще не видел. На вопрос

автора, считают ли оленеводы-ижемцы ненцев менее культурными, чем они сами (такое отношение к ненцам как к людям менее культурным распространено в поселках коми), один из оленеводов ответил так: «Вы, поселковые, считаете ненцев глупыми, а они ведь знают три языка: свой (т. е. ненецкий), наш (т. е. коми) и русский». На вопрос автора, неужели все ненцы владеют тремя языками, оленевод с полной убежденностью ответил утвердительно. И хотя дальнейший опыт полевых работ показал, что это мнение ижемского оленевода содержало определенное преувеличение, тем не менее для региона Большеземельской тундры оно имело определенный резон. Коммуникация в этой тундре включает три четко различимых стиля. Первый стиль обслуживает коммуникацию в официальной сфере, которая включает школу, администрацию и контору (администрацию оленеводческих предприятий – большинство местных оленеводов до сих пор работает на предприятиях, бывшие совхозы), а также торговые отношения с тундровыми коммерсантами (в основном занимающимися скупкой пантов – молодых оленьих рогов), жителями города Воркуты, закрытых военных поселков, пограничниками и т. п. Иными словами со всем, что лежит за пределами сферы оленеводства и оленеводческого быта. Этот стиль предполагает использование русского языка, который дети оленеводов осваивают обычно в непосредственно дошкольный (родители стремятся подготовить детей к школе, стараясь разговаривать с ними по-русски начиная примерно за год до достижения ими школьного возраста) и школьный период. Второй стиль предназначен для коммуникации в тундре вне семьи, включая тундровые и лесотундровые поселки, где оленеводы покупают продукты, где часто учатся их дети и живут родственники и где часто располагается администрация оленеводческих предприятий. Многие из этих поселков были основаны ижемцами в XIX – начале XX в. в рамках их товарно-оленеводческой технологии либо были образованы в результате объединения нескольких традиционных поселков, и язык коми, наряду с русским, распространен среди их населения, состоящего из коми и ненцев, как основной язык общения вне дома. Не удивительно, что сфера предполагает использование языка коми. Судя по всему, те тундровики-ненцы, кто разговаривает в семье по-ненецки, зачастую осваивают язык коми еще в дошкольном возрасте, хотя часто лишь пассивно: дети в ненецких чумах, когда к ним обращаются на языке коми, обычно отвечают жестами, но вполне адекватно. Активное освоение языка коми происходит обычно в школьном возрасте, во время жизни в поселке в период школьного обучения. Наконец, в случае оленеводов-ненцев третьим стилем является стиль общения внутри семьи и с родственниками. Именно этот стиль часто обслуживается ненецким языком, причем как в тундре, так и в поселках. Впрочем, в Большеземельской тундре существует значительная группа ненцев, пользующихся языком коми также и внутри семьи. У них, как и у оленеводов-ижемцев, третий языковой стиль отсутствует, хотя многие ненцы, говорящие

между собой в кругу семьи на языке коми, сохраняют знание ненецкого языка и могут использовать его при общении с родственниками, особенно живущими за Уралом. Подобное закрепление языковых кодов за сферами общения действительно предполагает в случае ненцев трехязычие, и большеземельские ненцы, говорящие в семье по-ненецки, обычно демонстрируют свободное владение языком коми и хорошее знание русского. Ижемские же оленеводы в подавляющем большинстве ненецким языком на уровне сколько-нибудь свободного понимания и говорения не владеют, хотя обычно знают около сотни ненецких слов и выражений, включая выражения речевого этикета и несложные вопросы (ань торово (здравствуй!), хибяр? (ты кто?), халя таня? (рыба есть/ловится?) сава! (хорошо!) и т. д.). Общение ижемцев с ненцами происходит обычно на языке коми, но с введением в речь этих ненецких выражений, которые, по мнению ижемцев, демонстрируют их дружелюбие и уважение к собеседнику.

Таким образом, многоязычие в Большеземельской тундре асимметрично. Несложно увидеть, что описанное разделение сфер применения языков ставит русский язык на вершину, а ненецкий – на нижнюю ступень в иерархии языковой компетенции, в то время как язык коми оказывается между ними. Соответственно, русскоязычные по первому языку (в основном оседлые) жители региона владеют в основном одним языком, комиязычные – двумя, а ненецкоязычные – тремя. Кроме того, уже с конца XIX – начала XX в. существовала значительная группа большеземельских ненцев, отказавшаяся от активного использования ненецкого языка в семейном общении и перешедшая в этой сфере на язык коми. В литературе эта группа ненцев очень часто смешивается с так называемыми колвинскими ненцами, что создает определенную путаницу в терминологии. Представляется, что имеет смысл разобраться в различиях между этими терминами, а также в различиях в смысле, вкладываемом в понятие «колвинский ненец» (колва яран) учеными-этнографами и фольклористами и современными тундровиками. Это тем более необходимо потому, что подобный разбор может пролить свет на связь между языком и этничностью у оленеводов данного региона.

История понятия «колвинские ненцы» восходит к деятельности так называемой самоедской миссии под руководством архимандрита Вениамина, занимавшейся распространением христианства среди европейских ненцев в первой половине XIX столетия [арх. Вениамин 1850; 1851]. В рамках этой деятельности арх. Вениамином в 1827 г. была построена церковь на р. Колва, близ ее впадения в р. Усу. Рядом с церковью начали селиться новокрещенные ненцы, решившие, по совету миссионеров, отказаться ради спасения своей души от кочевого образа жизни: арх. Вениамин учил, что кочевание плохо сочетается с истинно христианским образом жизни, поскольку делает невозможным регулярное посещение церковных служб и своевременное проведение важных обрядов, включая крещение новорожденных детей, отпевание умерших и венчание [арх. Вениамин 1850;

Istomin 1999]. Образовавшееся село получило название Колвинской волости, а его жители – колвинских ненцев или просто колвинцев. Первоначально все колвинские ненцы вели исключительно оседлый образ жизни, строили деревянные жилища по типу жилищ в соседних поселках коми, занимались скотоводством и, в ограниченной мере, земледелием (в частности, выращивали овес). Видимо, контакты с соседним оседлым и полuosедлым коми-ижемским населением обусловили переход колвинцев на язык коми, который становится основным языком общения в Колве (включая внутрисемейную сферу) уже по крайней мере с последней четверти XIX в. Со второй половины XIX века оленеводство возвращается в хозяйственный комплекс колвинцев, и часть из них вновь начинает вести кочевой образ жизни, однако их возрожденное оленеводство больше напоминает ижемское, чем «классическое» ненецкое: колвинские оленеводы сохраняли устойчивые связи с поселком, где жили их родственники и осуществлялась переработка оленеводческой продукции, ежегодно возвращались на пастбища вокруг него в зимний период, оленеводство имело во многом рыночную направленность [Istomin 1999]. Кроме того, в социальной жизни колвинских ненцев вплоть до коллективизации продолжало играть огромную роль православное христианство, которое вызвало появление у них очень специфических и разительно отличающихся от «классических» ненецких образцов обрядов и обычаев (в частности, свадебного и похоронного обряда), а также социальных институтов (например, церковного оленьего стада) [Istomin 1999]. Все это позволяет считать данную группу тундрового/лесотундрового населения особой этнокультурной этноконтактной группой; именно для обозначения этой группы термин «колвинские ненцы» используется в «классической» этнографической литературе по тундровой зоне северо-востока Европы, в частности в трудах Людмилы Васильевны Хомич и Николая Дмитриевича Конакова. Судьба этой группы в XX столетии оказалась достаточно тяжелой: широкое распространение межнациональных браков с ижемцами (христианская религия являлась препятствием для колвинцев к вступлению в брак с тундровыми ненцами, но не с православными ижемцами, поэтому уже в 1920-х гг. браки с ижемцами составляли 60% всех браков в Колве [Istomin 1999]), коллективизация и борьба с религией первой половины XX в., по-видимому, подорвали основы ее культуры, а приток пришлого населения в связи с началом разработки в конце 1960-х гг. Усинского нефтяного месторождения и строительством в 20 км от Колвы города Усинска вызвал быструю ее ассимиляцию. Если в 1950-е гг. Анатолий Константинович Микушев еще мог собирать здесь фольклорные материалы «ижемо-колвинского эпоса» (о нем чуть ниже), то Л.В. Хомич, посетившая Колву в 1971 г., обнаружила, что все ее жители, кроме одной семьи, считают себя коми, хотя некоторые из них еще говорят о ненецком происхождении своих родителей [Хомич 1972]. Автору настоящей работы, постившему Колву в 2015 г., не удалось

найти ни одного жителя, считавшего себя ненцем или колвинским ненцем и даже сохраняющим память о своих некогда ненецких предках, их обрядах и социальных институтах; более того, хотя старшее поколение жителей поселка еще пользуется языком коми, контакты с соседним Усинском, где работает большинство жителей среднего возраста, вызывало распространение русскоязычия среди среднего и младшего поколения. Все это, видимо, заставляет считать группу колвинских ненцев в классическом смысле этого слова – т. е. локализирующуюся в низовьях Колвы полуоседлую комиязычную этноконтактную группу с важной ролью христианства – ныне исчезнувшей.

Однако есть и другие значения термина. Так, большинству специалистов, а также широкой публике колвинские ненцы известны прежде всего циклом эпических фольклорных произведений на ижемском диалекте языка коми, так называемым «ижмо-колвинским эпосом», собранным в середине прошлого века фольклористами под руководством А.К. Микушева и включенным последним на основе языка исполнения в свод фольклора коми [Микушев 1969]. Этот эпос является наиболее значительным собранием образцов речи и устного народного творчества комиязычных ненцев и, несмотря на явно ненецкие сюжеты и мотивы и большое количество аналогий с ненецким фольклором, составляет сейчас наибольшую часть того, что называется коми народным эпосом [Микушев 1987]. Для нас, однако, интересно то, что, хотя некоторая часть песен «ижмо-колвинского эпоса» действительно была записана в Колве, основная их часть записывалась в других местах, порой весьма удаленных от Колвы (например, с Мужы в Зауралье, с Несь в Канинской тундре и т. д. [Панюков 2012; 2015]), и поверить, что их исполнители имели какое-то отношение к селу Колва и обитавшей там группе полуоседлых ненцев, достаточно сложно. Называя их колвинскими ненцами (а их песни – ижмо-колвинскими), Микушев и члены его группы, скорее, подразумевали под колвинцами либо вообще всех комиязычных ненцев, либо ненцев, для которых язык коми являлся первым, и они пользовались им в быту. Такое понимание представляется оправданным, учитывая специфику их исследования и характер собираемого материала. Интересным, однако, представляется вопрос, насколько такое понимание было распространено в то время среди самих тундровиков. Если, как пишет современный специалист по фольклору коми Анатолий Васильевич Панюков, правда, не давая при этом конкретных ссылок на источник сведений, информаторы-рассказчики 1950–1960-х гг. действительно называли сами себя «колва яран» (от яран – ненец (коми)) или «изьва яран» (т. е. ижемский ненец, изьва – ижемец (коми)) [Панюков 2018, с. 33], то вполне возможно, что понимание термина фольклористами отвечало пониманию его информаторами в то время. Об этом же косвенно говорят и сведения, собранные в НАО финским исследователем Туулой Туиску: несколько ее информаторов-ненцев называли себя «колвинцами», объясняя,

почему они не говорят по-ненецки (личный комментарий). Проблема, однако, в том, что в фольклорной, исторической и даже иногда этнографической литературе эта трактовка термина часто смешивается с «классической» трактовкой объясненной нами ранее, а это создает представление, что все комиязычные ненцы так связаны исторически или генетически с низовьями р. Колва и христианизацией, что никоим образом не соответствует действительности.

Наконец, если уравнивание комиязычных ненцев с колвинцами и существовало в прошлом в сознании тундровиков, то, насколько показывают полевые материалы автора этой статьи, в настоящий момент оно уже не существует. Так, хотя комиязычные ненцы – ненцы, использующие язык коми внутри семьи и либо не говорящие по-ненецки совсем, либо использующие этот язык лишь при общении с родственниками вне семьи, – встречаются достаточно часто как в Большеземельской, так и в Уральской, Байдорацкой, Канинской и Малоземельской тундрах, автору не удалось зафиксировать регулярное использование эпитета «колвинские ненцы» по отношению к ним как к группе. Скорее, этот термин используется современными тундровиками как оценочный и обозначает ненца, отказавшегося от важных элементов своей культуры и подражающего в своей повседневной жизни ижемцам или даже иногда русским. Он часто имеет в устах говорящего отрицательные коннотации или элемент насмешки и поэтому очень редко используется им по отношению к себе. При этом язык далеко не всегда имеет определяющее значение при объявлении кого-то колвинским ненцем. Это видно хотя бы из того, что термином этим часто (возможно, даже в основном) пользуются для обозначения кого-то другого именно комиязычные ненцы, у ненцев, сохранивших приверженность ненецкому языку в быту, он почти не встречается². По крайней мере в европейских тундрах важнее оказывается соблюдение ненецких обычаев (например, традиционных женских запретов), приверженность одежде и верованиям. Так, на вопрос автора к одному из комиязычных ненцев, справедливо ли будет назвать его «колва яран», был получен отрицательный ответ: по словам информатора, хотя в его семье и говорят на языке коми, но колвинцами они не являются, поскольку «у нас есть священная нарта (т. е. они остаются приверженцами традиционных верований), и женщины у нас носят паны (паница, ягушка – женская распашная меховая одежда, отсутствующая у коми)». Другой информатор-ненец обосновывал отнесение одной из соседних семей к колвинцам тем, что у них «женщины ходят через веревки и палочки как ни в чем не бывало» (т. е. не соблюдают женские запреты).

---

² На самом деле автор не уверен, используется ли он вообще при разговоре по-ненецки. Ему доводилось его слышать в разговоре с ненцами, в том числе сохранившими в быту верность ненецкому языку, но только когда разговор шел на языке коми. Поэтому автор затрудняется сказать, как термин «колвинский ненец» может звучать по-ненецки.

Необходимо сказать, впрочем, что по крайней мере среди сибирских ненцев критерием отнесения ненецкой семьи к колвинцам (или «изьва яран» (ижемским ненцам), что, согласно Панюкову [Панюков 2018, с. 33], является сибирским синонимом термина «колва яран») может быть полное незнание (т. е. даже пассивное) членами этой семьи ненецкого языка (в отличие от использования в основном коми языка в быту при сохранении хотя бы пассивного знания ненецкого). Вообще, в Зауралье критерии отнесения к колвинцам, как кажется, гораздо жестче, а отрицательные коннотации, связанные с этим термином, гораздо сильнее, чем в европейских тундрах. Однако важно подчеркнуть следующее: даже если отказ от ненецкого языка и переход на язык коми и может, при определенных обстоятельствах, сделать из ненца «колвинца», он тем не менее не способен сделать из него коми. И как бы ни были сильны отрицательные коннотации, связанные со статусом колвинца, среди, например, зауральских ненцев, они тем не менее без колебаний относят колвинцев к «настоящим людям» («неней хасаво», т. е. ненцам) – статус, которого ижемцы, даже неплохо говорящие по-ненецки (такие, хотя и нечасто, также встречаются), лишены. То же, забегая немного вперед, можно сказать и о ненцах и коми, перешедших в общении на русский язык. Иными словами, в условиях давнего и глубоко укоренившегося многоязычия в сознании у тундровиков отсутствует – или, по крайней мере, присутствует гораздо слабее, чем в сознании европейских наций – связь между языком и этничностью. Следование обычаям, религиозные представления и, пожалуй, главное – происхождение и родственные связи, позволяющие отнести человека к определенному ненецкому роду или ижемскому «дому»-семье, играют не меньшее, а, пожалуй, и большее значение, чем использование в быту и даже просто знание национального языка. Автору настоящей работы представляется, что даже если все тундровики – ненцы и коми перейдут на русский, но сохранят при этом традиционный образ жизни и связанную с ним социальную организацию, то их этническая идентичность вполне сохранится. Поэтому связь между языком и этничностью, так глубоко укоренившаяся в сознании европейских народов, вполне может быть, скорее, идеологическим конструктом, чем отражением объективной реальности. Сразу же следует оговориться, впрочем, что это утверждение вовсе не следует понимать как призыв к отказу от мер по сохранению и развитию национальных языков, наоборот, автор всецело поддерживает такие меры и, более того, считает их объективно недостаточными: по его мнению, необходимо дальнейшее расширение сфер использования национальных языков, особенно в образовании и официальной сфере. Ведь язык сам по себе является огромной ценностью, независимо от своей связи с этничностью, и точно так же, как меры по сохранению находящихся в опасности биологических видов не нуждаются в обосновании ссылками на полезность этих видов для каких-то сфер

деятельности человека, так не нуждаются в обосновании и меры по сохранению находящихся в опасности языков.

В заключение необходимо сказать несколько слов об особенностях русско-коми-ненецкого многоязычия в западном Зауралье, Канинской и Малоземельской тундрах и о современных тенденциях изменения указанной ситуации. Хотя, как уже говорилось, триязычие было распространено в указанных регионах, позиции языка коми здесь были гораздо менее сильны, чем в Большеземельской тундре. По-видимому, это связано с тем, что коми никогда не составляли в этих регионах явного численного большинства. Поэтому триязычие здесь было более сбалансированным в том смысле, что, во-первых, вовсе не все ненцы здесь были триязычны – среди них всегда были как ненецко-русские билингвы, так и ненецкие монолингвы, и, во-вторых, триязычие здесь было распространено также среди коми. Можно сказать, что сфера неофициального общения вне семьи, которая в Большеземельской тундре закреплена за языком коми, в этих регионах обслуживалась как коми, так и ненецким языками, хотя пропорции использования этих языков могли меняться от места к месту и от контекста к контексту. В западном Зауралье ситуация дополнительно осложнялась присутствием относительно крупной группы хантыязычных тундровиков. В местностях, где контакты между хантами и коми были особенно интенсивными, например в Шурышкарском районе ЯНАО, многие коми еще в середине – второй половине прошлого века владели помимо русского и коми также языком ханты. Более того, встречались коми-ханты-русско-ненецкие полилингвы. Впрочем, по имеющимся у автора, правда, достаточно отрывочным, сведениям, положение языка ханты относительно других языков тундровиков всегда было асимметричным: гораздо больше хантов владело ненецким и коми языками, чем ненцев и коми – языком ханты. Данная тема, однако, требует дополнительного исследования. Наконец, следует отметить, что в последние десятилетия – мы говорим о периоде начиная с 90-х гг. в прошлого века – язык коми явно сдает свои позиции по всему региону. На западе, в Тиманской и Малоземельской тундрах, его позиции постепенно отвоевывает русский язык, который уже прочно утвердился здесь в поселках и постепенно проникает в тундру, становясь предпочитаемым языком общения тундровиков вне семьи. На востоке региона, в западном Зауралье, наблюдается экономический подъем ненецкого оленеводства, и ненцы явно становятся как численно, так и экономически доминирующей группой тундровиков. Это, разумеется, ведет к повышению статуса ненецкого языка в тундре. В последние годы в связи с миграцией ненецких оленеводов через Урал в Большеземельскую тундру ненецкие монолингвы – вещь прежде практически неслыханная – появились и там. К сожалению, трудно ожидать, что повышение статуса ненецкого языка приведет к сохранению триязычия, в котором коми и ненецкий язык просто поменяются местами в плане статуса. Гораздо более вероятным кажется

сценарий, при котором триязычие здесь распадется и заменится системой с русским языком в качестве лингва франка, подобно описанной в следующем разделе. Однако точно исход трансформации последнего времени может, конечно, показать лишь будущее.

*Восточная и западная части региона –
русский как лингва франка и языковой сдвиг*

Как уже было сказано в предыдущей части, языковая ситуация с русским языком как лингва франка сложилась в тех тундровых областях, где ситуация контакта между «современными» тундровыми языками сложилась поздно, уже после того как русский язык получил некоторое распространение среди их носителей. В этой ситуации освоение языка партнеров по контакту было излишним: его вполне могло заменить использование русского языка. Таким образом, настрой на освоение языка тундровых соседей отсутствовал, что привело к совершенно иному развитию языковой ситуации по сравнению с центральной частью региона.

То, что роль тут играл именно настрой на освоение языка, видно, например, из анализа языковой ситуации в оленеводческих поселках. Например, население села Ловозеро, наиболее крупного населенного пункта оленеводов Кольского полуострова, с момента прибытия в него первых переселенцев-ижемцев и ненцев в конце XIX столетия постоянно оставалось смешанным. При этом, хотя соотношение саамской и комиязычной групп населения этого села постоянно менялось – то одна, то другая группа на время становилась численно доминирующей, – начиная примерно с 20-х гг. прошлого века ни одна из них не имела в селе абсолютного большинства. Даже сейчас, согласно официальной статистике, в селе проживает примерно равное количество саами и коми. Таким образом, демографическая ситуация в Ловозере не слишком отличается от таковой во многих оленеводческих поселках Большеземельской тундры: Харуте, Каратайке, Хорей-Вере, население которых состоит из ненцев и коми, и ни одна из этих групп не имеет абсолютного численного преимущества. Однако если в Большеземельской тундре в этой ситуации в качестве средства общения внутри поселка широко используется язык коми (притом, что практически все население поселка знает, конечно, и русский язык), то в Ловозере язык ни одной из групп так и не получил широкого распространения среди представителей другой группы. Хотя коми-саамские билингвы (точнее, чаще всего коми-саамско-русские трилингвы), разумеется, существовали, в большинстве своем коми и саамы Ловозера всегда общались, как говорили автору информаторы, между собой по-русски. Поселковая ситуация повторялась и в тундре: в ловозерском совхозе оленеводческие бригады долгое время состояли из представителей одной национальности – существовали саамские, коми и ненецкие бригады, – внутри которых оленеводы

говорили на своих языках. Однако языком межбригадного общения, если речь шла о разноэтнических бригадах, всегда был русский, что также сильно отличало местную ситуацию от тундр северо-востока Европы и западного Зауралья. Поскольку эту разницу сложно объяснить демографическими, экономическими либо политическими факторами, приходится заключить, что основную роль тут сыграли исторические факторы, обусловившие различный настрой на освоение языка. Следует отметить, впрочем, что в оленеводческих поселках к востоку от Ловозера – Краснощелье, Ивановке (ныне не существует), Каневке – ситуация была несколько иной: коми здесь демографически неоспоримо доминировали, и вплоть до недавнего времени язык коми являлся основным языком общения как в поселках, так и среди бригад оленеводческого совхоза им. Ленина (ныне – ПСК «Оленевод»), объединявшего связанных с этими поселками оленеводов. Немногочисленные саами, а часто и представители других национальностей, по разным причинам поселявшиеся в этих поселках или работавшие в бригадах совхоза, до относительно недавнего времени осваивали язык коми и начинали в какой-то мере пользоваться им в общении. Исключение составляла входящая в состав совхоза бригада села Сосновка, состоявшая из русских оленеводов (на Кольском полуострове, как и на нижней Печоре, оленеводством, хотя и в ограниченных масштабах, занимались и местные русские) и говорившая на русском языке. Однако в силу малочисленности саамских оленеводов и абсолютного доминирования (кроме Сосновки) коми ситуацию в этой части Кольского полуострова следует характеризовать, скорее, как коми-русское двуязычие, чем многоязычие по типу Большеземельской тундры.

Описанная ситуация означала, что сфера функционирования саамского языка и языка коми с самого начала была весьма ограниченной и сводилась, по сути, к внутрисемейному общению и общению с родственниками той же национальности. Более того, на протяжении прошлого века эта сфера постоянно сокращалась. Бурное промышленное освоение Кольского севера, сделавшее его ко второй половине прошлого века самым промышленно развитым и густонаселенным полярным регионом мира, означало постоянный приток в него населения из южных областей, говорившего в основном порусски. В 20 км от Ловозера появился русскоязычный шахтерский поселок Ревда, вскоре превывсивший Ловозеро как по количеству населения, так и по экономическому развитию и качеству жизни. В самом Ловозере, в Краснощелье и Каневке получили широкое распространение межнациональные браки между коми и саами, а также с приезжающими русскими. При этом в Ловозере языковая ситуация внутри смешанных семей уже по крайней мере с 70-х гг. прошлого века (о более раннем периоде от информаторов не удалось получить данных) отражала ситуацию в самом поселке: языком общения между супругами в таких семьях неизменно становился русский, и дети вырастали русскими монолингвами. Более того, с этого же

периода начинается все возрастающий отток местного населения из оленеводства и из тундры. Этому способствовало как экономическое развитие поселка, делавшее жизнь в нем все более привлекательной, так и преобразования в самом оленеводстве – строительство промежуточных баз, распространение механизации, свободного выпаса и т. д., – делавшие его все менее «традиционным». Одним из следствий оттока оленеводов стало «смешивание» оленеводческих бригад, в которых теперь должны были жить и работать оленеводы разных национальностей. Языком общения в таких смешанных бригадах также становился русский, и, таким образом, места для национальных языков не оставалось даже на уровне семьи. В настоящее время подавляющее большинство ловозерских оленеводческих бригад является смешанными, и оленеводы в них (многие из которых происходят из смешанных коми-саамских семей) говорят между собой по-русски. Последняя полностью саамская оленеводческая бригада была расформирована в начале нашего века. Бригады, состоящие только из коми, теоретически еще существуют, однако и там русский язык уже стал преобладающим, поскольку современная молодежь коми, выросшая в условиях господства русского языка во всех сферах жизни и регулярно слышащая язык коми лишь от старших родственников, обладает в основном лишь пассивным знанием языка либо вообще им не владеет. Таким образом, ситуация межъязыкового контакта на основе русского как лингва франка привела в Ловозере и Ловозерской тундре к языковому сдвигу и переходу тундровиков и бывших тундровиков на русский язык и превращению их в монолингвов.

В Краснощелье и Каневке языковой сдвиг явно пока не зашел так далеко, как в Ловозере. По воспоминаниям информаторов, язык коми оставался здесь доминирующим до 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. Этому не мешало даже распространение межнациональных браков: в большинстве таких браков один из супругов был коми, и, по воспоминаниям информаторов, второй из супругов, под давлением общей языковой ситуации в поселках, зачастую осваивал язык первого, что делало коми языком внутрисемейного общения и воспитания детей. Однако с конца 80-х – начала 90-х гг. языковая ситуация начала меняться, чему в немалой степени способствовал экономический кризис, трудности в снабжении и быстрое сокращение населения поселков и тундры. Судя по всему, примерно с этого периода жизнь в поселках и занятие оленеводством стали восприниматься местными жителями как лишённые перспектив, и они сознательно начали готовить подрастающее поколение к жизни за пределами своего сообщества, в русскоязычной среде. Это обусловило начало языкового сдвига. Сейчас в п. Краснощелье (к сожалению, автору не удалось посетить Каневку) язык коми остается предпочитаемым языком общения старшего поколения. Среднее поколение жителей поселка в большинстве своем было вполне способно без особенных усилий поддерживать с автором разговор на языке коми, но в обще-

нии между собой, по наблюдениям автора, его представители либо пользуются русским языком, либо говорят с очень частой и, как показалось автору, необоснованной сменой кодов (по крайней мере, автор не смог обнаружить в их речи ту логику, которая обычно обуславливает смену кодов в речи коми северо-востока европейской части России и Западной Сибири). Младшее поколение владеет языком коми в основном пассивно: его представители явно понимают обращенную к ним речь, но отвечают по-русски. Ситуация в тундре является отражением поселковой ситуации: в краснощельинских бригадах на языке коми говорит старшее поколение, причем как между собой, так и с другими членами бригады; среднее поколение обычно говорит на языке коми со старшими, по-русски – с младшими, а между собой – постоянно переключая коды. Младшее поколение говорит почти исключительно по-русски, хотя полностью понимает обращенную к нему речь на коми. Описанная ситуация, как хорошо известно, весьма характерна для языкового сдвига и позволяет предсказать исчезновение в данной местности языка коми в течение двух–трех поколений.

Второй район, где возобладали ситуация с русским как лингва франка, располагается на крайнем востоке обсуждаемого нами региона, в Надымской и Таз-Пуровской тундрах. Интересно, что этот район издавна был зоной языкового контакта: надымская тундра была местом соприкосновения ненцев и ханты, а по междуречью Таза и Пура проходила граница между тундровыми ненцами, значительно отличающимися от них по языку лесными ненцами и северными селькупам. Информаторы из числа тазовских ненцев сообщали автору, что «раньше» (о каком периоде идет речь, правда, непонятно) при встрече ненецких оленеводов с «пяками» (лесными ненцами) и селькупам разговор обычно шел на тундровом диалекте ненецкого языка, который селькупы и лесные ненцы обычно понимали. Сейчас, по тем же сведениям, ненецкий язык распространен у них в меньшей степени (хотя многие его понимают и до сих пор), и на помощь часто приходит русский язык. Следует подчеркнуть, однако, что тундровые ненцы, лесные ненцы, ханты и селькупы занимают в этом регионе хоть и граничащие между собой, но все-таки различные районы, и поэтому, хотя контакты между ними могли быть интенсивными, ситуацию здесь все-таки вряд ли можно было сравнивать с Большеземельской тундрой или западным Зауральем, где оленеводы-носители разных языков издавна кочевали чересполосно по одной и той же территории. Сходство между районами, однако, заметно усилилось, когда в рассматриваемом районе появились комиязычные оленеводы. Хотя появление ижемцев в Надымской тундре относится к последнему десятилетию XIX в., расселение носителей языка коми по району происходит уже после революции, и поэтому коми-ненецкий языковой контакт в этом районе примерно совпадает по времени с распространением среди тундровиков русского языка посредством организации образования. Так, например, появление комиязычных

олeneводоv на нижнем Пуре относится к середине 30-х гг. прошлого века, когда туда из Надымской тундры перевели совхоз «Кутопьюганский». Стадо этого в ту пору самого крупного в Западной Сибири, а возможно, и во всем Заполярье оленеводческого предприятия состояло из оленей, конфискованных у бывших кулаков, не справившихся с так называемым твердым налогом³, а персонал – из самих бывших кулаков, ижемцев и ненцев, вынужденных после конфискации своих стад наниматься выпасать их для государства за трудодни. Подавляющее их большинство происходило из региона полярного Урала, восточной части Большеземельской и Байдорацкой тундр, где в ту пору было наибольшее число крупных оленеводческих хозяйств. Как и полагалось оленеводам этого региона (см. предыдущую часть), между собой они говорили на языке коми, хотя во внутрисемейном общении часть из них могла использовать, постоянно или время от времени, ненецкий язык. Оказавшись на нижнем Пуре, переселенцы прежде всего построили по приказу руководства совхозную базу-фабрику (ныне – село Самбург), ставшую резиденцией руководства совхоза (переименовавшегося после переселения в совхоз «Нижнепуровский»), центром снабжения оленеводов-совхозников и местного населения, а впоследствии крупным населенным пунктом и центром образования и культуры для всего района нижнего Пура. В 60-е гг. прошлого века к совхозу «Нижнепуровский» в ходе укрупнения хозяйств было присоединено несколько совхозов местных ненцев, занимавшихся в основном рыболовством и лишь в меньшей степени оленеводством (подробнее о формировании и современном состоянии пуровской группы носителей языка коми см. [Вокуев 2015; Истомин, Лискевич, и Шарапов 2016]).

По данным полевой работы, проведенной автором в этом районе в 2015 г., кочевое население нижнего Пура до сих пор четко делится на две части: так называемые «северные» бригады оленеводов, кочующие к западу от реки Пур и состоящие в основном из потомков переселенцев с запада (хотя среди них присутствуют и несколько семей местных ненцев), и так называемые «южные» бригады оленеводов и рыбаков на восточном берегу Пура, состоящие из местных потомков ненцев. Северные бригады до сих пор сохраняют характерную для Приуралья языковую ситуацию: в качестве общения между собой члены оленеводческих семей пользуются языком коми, на нем же разговаривают внутри семей ижемцы и часть ненцев, в то время как другая часть ненцев говорит внутри семьи по-ненецки. В эту систему оказались встроены и оказавшиеся в северных бригадах семьи

---

³ Хотя настоящего раскулачивания в тундре, за очень редкими исключениями, не проводилось, его с лихвой заменял так называемый «твердый налог», которым облагались «классово чуждые» оленеводческие хозяйства. Уплатить этот налог, по воспоминаниям информаторов, можно было лишь в очень удачные с точки зрения оленеводства годы, в то время как даже однократная неуплата вела к конфискации всего стада.

местных ненцев, большинство членов которых сейчас трехязычно, т. е. владеет ненецким, коми и русским языками. Напротив, члены южных бригад в основном двуязычны – владеют ненецким и русским языками, и доминирующим является ненецкий язык. Один из зоотехников совхоза, коми-ижемец по происхождению, но долгое время проработавший среди «южных» бригад, сообщил автору, что еще недавно многие члены южных бригад старшего поколения очень плохо говорили по-русски и что ему пришлось для работы с ними научиться говорить «по-ярански и по-пяковски» (т. е. освоить тундровый и лесной диалекты ненецкого языка). О трудностях в общении с местными ненцами упоминали и многие другие информаторы из северных бригад, и это, судя по всему, вызвало распространение по крайней мере среди старшего поколения местных коми-ижемцев пассивного (реже – активного) владения ненецким языком. По уровню и распространенности владения ненецким языком старшее поколение пуровских коми значительно превосходит другие обследованные нами группы коми-ижемского населения. Тем не менее настоящего триязычия, за исключением все-таки очень ограниченного количества ненецкоязычных семей из «северных» бригад, тут не возникло: ни коми, ни ненецкий язык не стали языком межнационального общения всех тундровиков описанного района, уступив уже к середине XX в. эту позицию русскому языку. Этому в немалой степени способствовало и школьное обучение: в школе-интернате дети тундровиков в селе Самбург, по крайней мере начиная со среднего звена, жили и обучались вместе с комиязычными и ненецкоязычными детьми⁴, причем учителя всячески пропагандировали их общение между собой именно на русском языке (предполагалось, что это позволит ученикам лучше оценить достоинства русского языка как средства межнационального общения и лучше его усвоить). Поэтому среднее и младшее поколение тундровиков в основном пользуется именно русским языком как лингва франка и не проявляет особого интереса к изучению соседнего «тундрового» языка. Это особенно хорошо видно в самом поселке Самбург. Сейчас в этом населенном пункте постоянно проживает около 2000 человек, причем среди них преобладают местные ненцы, составляющие около 75% населения. Коми и комиязычные ненцы составляют в поселке около 10% населения, в то время как примерно 15% составляют приезжие с юга. Несмотря на абсолютное численное преобладание ненцев, основным языком общения в поселке является русский: именно его чаще всего можно услышать в публичных местах, спонтанных разговорах многих жителей на улице и между собой.

---

⁴ В «северных» бригадах долгое время существовала своя отдельная начальная школа на одной из факторий. Там дети находились, судя по всему, в основном в комиязычной среде, однако, окончив начальную школу, продолжали обучение в смешанном интернате в Самбурге. Начальная школа на фактории была закрыта в 1970-е гг.

По аналогии с Кольским полуостровом следует, видимо, ожидать, что следующим шагом станет вытеснение «тундровых» языков, по крайней мере в поселке, во внутрисемейную сферу, напрямую ведущее к языковому сдвигу. Однако пока этот шаг не сделан ни в Самбурге, ни в окружающей тундре. В тундре этому мешает сохраняющийся «анклавный» характер бытования языков, а в поселке – высокий процент ненецкоязычного населения (он не дает ненецкому языку окончательно уйти с улиц в семьи) и вызывающая восхищение твердость и решительность комиязычного населения в сохранении своего языка. Несмотря на его немногочисленность, оно остается очень видимым: в поселке существует «зырянский» магазин, хозяйке которого удалось сделать из него что-то вроде клуба для местных коми (магазин посещается в основном представителями комиязычного меньшинства, и общение внутри него идет исключительно на языке коми, на чем настаивает его хозяйка), регулярно проходят встречи местной ячейки Ассоциации коми-ижемцев «Изьватас» (в них участвуют и комиязычные ненцы, о чем чуть ниже), действует фольклорный ансамбль «Самбургские зыряночки», пользующийся популярностью у комиязычной молодежи. Более того, местные коми издают брошюры на языке коми (используемый в них алфавит и правила написания слов значительно отличаются от собственных литературному языку коми). Все это создает чувство очень сильной внутригрупповой солидарности и обеспечивает приверженность даже молодого поколения языку коми.

В заключение следует отметить, что ситуация в описанных районах также ярко демонстрирует достаточно слабую связь между языком и этнической идентичностью. Так, несмотря на очень далеко зашедший языковой сдвиг на Кольском полуострове, местные тундровики не потеряли этнической идентичности: они до сих пор определяют себя как коми, саами и ненцы, не смотря на то что все говорят на русском языке. Для сохранения идентичности им достаточно сохранения приверженности традиционным занятиям и памяти о своем этническом происхождении и принадлежности к той или иной оленеводческой семье. Следовало бы ожидать, что малочисленность и высокая сплоченность именно по принципу языка комиязычного населения в Самбурге заставят членов данной группы считать язык существенной частью своей культурной и этнической идентичности. Однако на самом деле это не совсем так: наиболее активным членом комиязычной общины Самбурга, организатором большинства ее мероприятий и, как ни странно, председателем местной ячейки Ассоциации коми-ижемцев «Изьватас» (которую община использует, например, для организации издания литературы и деятельности ансамбля) является этническая ненка, сохраняющая, несмотря на свое комиязычие, твердую приверженность этой этнической идентичности. Достаточно много комиязычных этнических ненцев и среди участников ансамбля «Самбургские зыряночки». Судя по всему, никакого противоречия между своей провозглашае-

мой этнической идентичностью и такого рода деятельностью никто из них не видит. Иными словами, деятельность комиязычной общины Самбурга – это, скорее, деятельность по сохранению языка, нежели этничности, хотя, разумеется, сохранению ижемской этничности она также способствует.

Заключение

Согласно знаменитой теории центральных ценностей (Core Values Theory) Ежи Смолича, не все элементы культуры одинаково важны для устойчивости этой культуры и группы ее носителей как коллектива [Smolicz 1981]. Некоторые из элементов культуры могут легко модифицироваться, изменяться и даже отбрасываться без какого-либо ущерба для системы культуры в целом. Именно наличие таких элементов делает культуру гибкой и позволяет ее носителям адаптироваться к вечно меняющейся природной и социальной обстановке. Однако есть и элементы центральные, модификация которых изменяет саму сущность культуры, а выпадение – обвал всей конструкции культуры. Именно эти элементы Ежи Смолич называл «центральными ценностями».

Хотя мы привыкли рассматривать язык как одну из центральных ценностей культуры – так сказать, центральную ценность *par excellence*, сам Ежи Смолич, как известно, придерживался взгляда, что определенный язык неодинаково важен для всех культур: есть культуры, не рассматривающие язык как центральную ценность [Smolicz 1980]. Для таких культур добавление в свой репертуар нового языка, переключение с языка на язык в зависимости от ситуации и контекста и даже отбрасывание прежнего языка ради нового является частью процесса адаптации к социальному окружению и ситуации, частью нормального функционирования их культуры. Несложно представить и ситуацию, в которой подобное отношение к языку несет наибольшие адаптивные выгоды: это ситуация интенсивного языкового контакта, в особенности контакта между более чем двумя языками, когда контакт и кооперация через языковые границы становится условием эффективного функционирования этнической общности. В случае контакта представителей двух языковых групп отношения между ними могут сложиться по-разному: они могут быть дружественными или конфликтными, могут включать подчинение одной группы другой либо взаимное игнорирование и сведение контактов к минимуму. Однако при контакте между собой трех и более разноязыковых групп набор возможных типов контакта парадоксальным образом сокращается: взаимодействия и кооперации между группами в данном случае избежать невозможно, поскольку если группа А выберет путь конфликта с группой В, с ее стороны будет разумно как можно быстрее скооперироваться с группами С, D и т. д., пока этого не сделал противник. Иначе можно

остаться в одиночестве и проиграть. Именно тут языковая гибкость становится важнейшим преимуществом.

Ситуации, в которых языковая группа как целое вступает в многосторонний контакт одновременно с двумя и более иноязычными группами, часто представляется чем-то исключительным, хотя, как указывают многие социологи и философы, в современном глобализирующемся мире подобные ситуации будут происходить все чаще. Причинами, как эти социологи и философы не устают повторять, являются стирание межгосударственных границ и увеличение мобильности населения, реальной и виртуальной, что обуславливает резкое увеличение количества контактов. При этом они часто забывают, что государственные границы существовали далеко не всегда, и людям далеко не всегда (и далеко не всем) было свойственно сидеть на одном месте. Оседлое земледелие, не говоря уже о государстве с охраняемыми границами, явления в истории человечества относительно новые, поэтому ситуация, при которой большинство населения земли проводили всю жизнь в моноэтничной деревне, посреди большой моноэтничной территории, окруженной государственными границами, и не слышали в своей жизни ни одного языка, кроме своего и официального языка своей страны (допустим, что он отличался от того, на котором они говорили), является для человека также достаточно новой и, в известном смысле, неестественной. Подобная ситуация – это издержки века сельскохозяйственных империй, определенного периода в развитии человечества (да и то не всего), который стремительно подходит, видимо, к концу.

Наоборот, те ситуации языкового контакта, которые мы рассмотрели в данной статье, являются, по-видимому, гораздо более естественными и характерными как для прошлой истории человечества, так и, как бы это ни было парадоксально, для будущей его истории. Как мы видели, для кочевников-олeneводоv севера европейской России и Западной Сибири был характерен прежде всего очень интенсивный и многосторонний языковой контакт. За исключением отдельных территорий (правда, иногда достаточно обширных, но все-таки изолированных), кочевники всю свою историю, о которой мы имеем более или менее подробные сведения, жили в иноэтническом и иноязыковом окружении. При этом мы имеем в виду вовсе не ту ситуацию, в которой оказывается эмигрант по отношению к «доминирующему» обществу. В случае кочевников мы видим, скорее, крайнюю степень языковой и этнической чересполосицы, порожденной миграциями маленьких групп населения в поисках пастбищных ресурсов, спасения от эпидемий, рынков сбыта и т. д. В конце концов кочевники – на то и кочевники, чтобы кочевать, и они единственная, по сути, группа, способная уйти от своих проблем в самом прямом смысле этого слова. Та ситуация, о которой нас, порой не без страха, предупреждают социологи, была для них реальностью в течение веков, если не тысячелетий. Не логично ли будет предположить, что именно здесь культуры языковой адаптации,

в которых язык не является центральной ценностью, должны бы были возникнуть и расцвести?

Материалы, представленные выше, указывают, что это предположение вполне обоснованно. Они показывают, что кочевники достаточно легко переходят с языка на язык без особого ущерба для своей этнической идентичности. Языковой сдвиг – явление среди них достаточно частое, но оно, как ни странно, очень редко само по себе приводит к сдвигу культурному и появлению новых этнических идентичностей: даже в том случае, когда появление таких идентичностей кажется обязательным исследователям и для них даже придумываются названия, такие как «колвинский ненец». Приведенные материалы также демонстрируют, что многосторонний языковой контакт может привести к различным результатам в зависимости от исторических, культурных и языковых обстоятельств. В изучаемом регионе мы видим два таких результата, в которых нет, пожалуй, ничего особо нового: оба были многократно описаны на примерах других регионов. Одним из них является формирование индивидуального многоязычия, при котором каждому из языков отводится своя сфера функционирования. Вторым – выделение одного из контактирующих языков в качестве лингва франка и использование его во всех ситуациях, предполагающих (или даже только могущих предполагать) участие иноязычного адресата. Мы показали также, что эти два способа решения ситуации контакта задают разные векторы дальнейшего развития: в первом случае возникает динамичная система, в которой роли различных языков могут меняться, то один, то другой язык может набирать или терять популярность, но многоязычие сохраняется. Во втором случае может произойти упрощение языковой ситуации через языковой сдвиг.

Автору хотелось бы еще раз напомнить, что интенсивный многоязычный контакт – это не просто экзотическая ситуация далеких северных широт, а возможно, и наше будущее. Вполне вероятно, что некоторым читателям этой работы, или их потомкам, придется лично столкнуться с указанными двумя путями развития языкового контакта. Поэтому стоит задуматься, какой из них кажется более предпочтительным. Автор оставляет этот вопрос для размышления читателю.

Литература

- Вениамин 1850 – *арх. Вениамин*. Обращение в христианство мезенских самоедов (начало) // Христианское чтение. 1850. № 2. С. 363–384.
- Вениамин 1851 – *арх. Вениамин*. Обращение в христианство мезенских самоедов (окончание) // Христианское чтение. 1851. № 1. С. 64–84.
- Богораз-Тан 1932 – *Богораз-Тан В.Г.* Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // Советская этнография. 1932. № 4. С. 26–62.

- Богораз-Тан 1933 – *Богораз-Тан В.Г.* Оленеводство: Возникновение, развитие и перспективы // Проблемы происхождения домашних животных. Труды лаборатории генетики АН СССР. Ленинград: АН СССР, 1933. С. 219–251.
- Вайнштейн 1970 – *Вайнштейн С.И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии. Саянский очаг одомашнивания оленя // Советская этнография. 1970. № 6. С. 3–14.
- Вайнштейн 1971 – *Вайнштейн С.И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии: Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии // Советская этнография. 1971. № 5. С. 32–52.
- Василевич и Левин 1951 – *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
- Вокуев 2015 – *Вокуев Н.А.* Пастбищный фонд. М.: Сталинград, 2015.
- Головнев 1995 – *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
- Долгих 1970 – *Долгих Б.О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970.
- Зуев 2016 – *Зуев С.М.* Проблемы устойчивого развития оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе // Россия в глобальном мире: Альманах. Вып. 9 (32). СПб.: Изд-во политехнического университета, 2016. С. 174–187.
- Истомин 2004 – *Истомин К.В.* Этнологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2004.
- Истомин, Лискевич и Шарапов 2016 – *Истомин К.В., Лискевич Н.А., Шаранов В.Э.* Самбургская группа коми: история формирования и этнокультурные процессы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 143–154.
- Керцелли 1911 – *Керцелли С.В.* По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Губернская типография, 1911.
- Киселев и Киселева 1987 – *Киселев А.А., Киселева Т.А.* Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1987.
- Конаков 1986 – *Конаков Н.Д.* Становление крупнотабунного оленеводства на Кольском полуострове // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар: Коми филиал УрО АН СССР, 1986. С. 42–56.
- Конаков и Котов 1991 – *Конаков Н.Д., Котов О.В.* Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991.
- Конаков, Котов и Рочев 1982 – *Конаков Н.Д., Котов О.В., Рочев Ю.Г.* Ижемские коми на Кольском полуострове: Научные доклады Коми филиала УрО АН СССР. Вып. 99. Сыктывкар: Коми филиал УрО АН СССР, 1982.
- Крупник 1976 – *Крупник И.И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Советская этнография. 1976. № 2. С. 57–69.
- Лашук 1958 – *Лашук Л.П.* Очерк этнической истории Печорского края: опыт историко-этнографического исследования. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958.
- Микушев 1969 – *Микушев А.К.* Коми эпические песни и баллады. Л.: Наука, 1969.
- Микушев 1987 – *Микушев А.К.* Коми народный эпос // Коми народный эпос / Под ред. А.К. Микушева. М.: Наука, 1987.
- Панюков 2012 – *Панюков А.В.* Синергетика фольклорных контактов: ижмоколвинская фольклорная традиция // Фольклористика коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2012. С. 189–208.

- Панюков 2015 – *Панюков А.В.* Ижмо-колвинский эпос: встреча традиций // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 4 (24). С. 30–41.
- Панюков 2018 – *Панюков А.В.* Ижмо-колвинский эпос: исполнитель – текст – аудитория // Эпосоведение. 2018. № 1 (9). С. 31–41.
- Повод 2006 – *Повод Н.А.* Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006.
- Помишин 1990 – *Помишин С.Б.* Происхождение оленеводства и domestikация северного оленя. М.: Наука, 1990.
- Смолич 2012 – *Смолич Е.* Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур (исследование сохранения и разрушения польского, валлийского и китайского языков в Австралии) // Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия. Т. 1 / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Европейский ун-т, 2012. С. 402–432.
- Старцев 1926 – *Старцев Г.* Влияние самоедов на ижемских зырян (язык и быт) // Коми му. 1926. № 11. С. 31–34.
- Хайду 1985 – *Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.
- Хомич 1972 – *Хомич Л.В.* Об этнической принадлежности колвинцев // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. Т. 1. М.: Наука, 1972. С. 176–183.
- Хомич 1995 – *Хомич Л.В.* Ненцы: очерки традиционной культуры. СПб.: Русский двор, 1995.
- Чарнолуцкий 1930 – *Чарнолуцкий В.В.* Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание Государственного русского географического общества, 1930.
- Языки соседей 2011 – Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации / Под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Европейский ун-т, 2011.
- Aiko 2004 – *Aikio A.* An essay on substrate studies and the origin of Saami // Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen: Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag. Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki 63 / ed. by I. Hyvärinen, P. Kallio and J. Korhonen. Helsinki: Société Néophilologique, 2004. P. 5–34.
- Anderson 1991 – *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1991.
- Asher and Mosley 2007 – *Asher R.E., Moseley Ch.* Atlas of the World's Languages. Abingdon: Routledge, 2007.
- Bamgbose 2000 – *Bamgbose A.* Introduction // International Journal of the Sociology of Language. 2000. Vol. 141, iss. 1. P. 1–8.
- Blackledge 2000 – *Blackledge A.* Monolingual ideologies in multilingual states: Language, hegemony and social justice in Western liberal democracies // Sociolinguistic Studies. 2000. Vol. 1, iss. 2. P. 25–45.
- Costa, De Korne and Lane 2018 – *Costa J., De Korne H., Lane P.* Standardising Minority Languages: Reinventing Peripheral Languages in the 21st Century. // Standardizing Minority Languages: Competing Ideologies and Authenticity in the Global Periphery / ed. by P. Lane, J. Costa and H. De Korne. New-York: Routledge, 2018. P. 1–23.
- Grosjean and Li 2013 – *Grosjean F., Li Ping.* The Psycholinguistics of Bilingualism. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013.
- Heller 1999 – *Heller M.* Linguistic Minorities and Modernity: A Sociolinguistic Ethnography. L.: Longman, 1999.
- Herder 1955 – *Herder J.G.* Kalligone. Weimar: H. Böhlau, 1955.

- Istomin 1999 – *Istomin K.* Kolva Volost and Kolva ethnographic group as an example of transition from nomadic to settled way of life. An attempt of analysis // Pro Ethnologia: Publications of the Estonian National Museum. 1999. No. 8. P. 19–34.
- Krupnik 1993 – *Krupnik I.* Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Dartmouth College: University press of New England, 1993.
- Lo 1999 – *Lo A.* Codeswitching, Speech Community Membership, and the Construction of Ethnic Identity // Journal of Sociolinguistics. 1999. Vol. 3, iss. 4. P. 461–79.
- Martin-Jones and Martin 2017 – *Martin-Jones M., Martin D.* Introduction // Researching Multilingualism: Critical and ethnographic perspectives / ed. by M. Martin-Jones and D. Martin. New-York: Routledge, 2017. P. 1–27.
- Mosley and Nicolas 2010 – *Moseley Ch., Nicolas A.* Atlas of the World's Languages in Danger. Paris: UNESCO, 2010.
- Rampton 1995 – *Rampton B.* Crossing: Language and Ethnicity among Adolescents. Real Language Series. L.: Longman, 1995.
- Røed и др. 2008 – *Røed K.H., Flagstad Ø., Nieminen M., Holand Ø., Dwyer M.J., Røv N., Vilà C.* Genetic analyses reveal independent domestication origins of Eurasian reindeer // Proceedings of the Royal Society, serie B: Biological Sciences. 2008. No. 275 (1645). P. 1849–1855.
- Smolicz 1981 – *Smolicz J.* Core values and cultural identity // Ethnic and racial studies. 1981. Vol. 4, iss. 1. P. 75–90.
- Smolicz 1980 – *Smolicz J.J.* Language as a Core Value of Culture // RELC Journal. 1980. Vol. 11, iss. 1. P. 1–13.
- Stavans and Hoffman 2015 – *Stavans A., Hoffmann Ch.* Multilingualism. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

References

- Aikio, A. (2004), An essay on substrate studies and the origin of Saami, Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen: Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70 Geburtstag, in: Hyvärinen I., Kallio P. and Korhonen J., eds. Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki 63, Helsinki, Société Néophilologique, 2004, pp. 5–34.
- Anderson, B. (1991), Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, Verso.
- Asher, R.E. and Moseley, Ch. (2007). Atlas of the World's Languages. Abingdon: Routledge.
- Bamgbose, A. (2000), Introduction, International Journal of the Sociology of Language, vol. 141, iss. 1, pp. 1–8.
- Blackledge, A. (2000). Monolingual ideologies in multilingual states: Language, hegemony and social justice in Western liberal democracies, Sociolinguistic Studie, vol.1, iss. 2, pp. 25–45.
- Bogoraz-Tan, V.G. (1932), “Severnoe olenevodstvo po dannym hoziaistvennoi perepisi 1926–1927 gg.” [Northern reindeer herding according to the economic census 1926–1927.], Sovetskaia Etnografia, no. 4, pp. 26–62.
- Bogoraz-Tan, V.G. (1933), “Olenevodstvo. Vozniknovenie, razvitie i perspektivy, Problemy proishozhdeniia domashnikh zhivotnykh” [Reindeer herding. Emergence, development and perspective, Problems of the origin of pets], Trudy laboratorii genetiki AN SSSR, Leningrad, AN SSR, pp. 219–251.

- Charnoluskii, V.V. (1930), *Materialy po bytu loparei: opyt opredeleniia kochevogo sostoianiia loparei vostochnoi chasti Kolskogo poluostrova* [Materials on the life of lopares: the experience of determining the nomadic state of the lobares of the eastern part of the Kola Peninsula], Leningrad, Izdanie Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva.
- Costa, J. and De Korne, H., Lane P. (2018), "Standardising Minority Languages: Reinventing Peripheral Languages in the 21st Century", in: Costa, J. and De Korne, H., Lane P., eds. *Standardizing Minority Languages: Competing Ideologies and Authenticity in the Global Periphery*, New-York: Routledge, pp. 1–23.
- Dolgikh, B.O. (1970), *Ocherki po etneycheskoi istorii nentcev i entcev* [Essays on the ethnic history of Nenets and Enians], Moscow, Nauka.
- Golovnev, A.V. (1995), *Govoriashchie kultury: traditcii samodiitcev i ugrov* [Talking cultures: the traditions of samodians and eams], Ekaterinburg, UrO RAN, 1995.
- Grosjean, Fr. and Li Ping (2013), *The Psycholinguistics of Bilingualism*, Chichester, Wiley-Blackwell.
- Haidu P. (1985), *Uralskie iazyki i narody* [Ural languages and peoples], Moscow, Progress.
- Helle, M. (1999), *Minorities and Modernity: A Sociolinguistic Ethnography*. London, Longman.
- Herder, J.G. (1995), Kalligone, Weimar, H. Böhlau.
- Homich, L.V (1972), *Ob etneycheskoi prinadlezhnosti kolvintcev, Itogi polevykh rabot Instituta etnografii v 1971 g.* [On the ethnicity of the Colvinians, the results of field work of the Institute of Ethnography in 1971.], T. 1, Moscow, Nauka, pp. 176–183.
- Homich, L.V. (1995), *Nentcy: ocherki traditsionnoi kultury* [Nenets: essays of traditional culture], Sankt-Peterburg, Russkii dvor.
- Vakhtin, N.B., ed. (2011) *Materialy po bytu loparei: opyt opredeleniia kochevogo sostoianiia loparei vostochnoi chasti Kolskogo poluostrova* [Materials on the life of lopares: the experience of determining the nomadic state of the lobares of the eastern part of the Kola Peninsula], Sankt-Peterburg, Evropeiskii universitet.
- Istomin, K.V (2004), *Etnologicheskaiia karakteristika komi-izhemskego olenevodstva* [Ethnological characterization of Komi-Izhem reindeer herding], Thesis (History), Syktyvkar, KNTC UrO RAN.
- Istomin, K.V., Leeskevich, N.A. and Sharapov, V.E. (2016), *Samburgskaia gruppa komi: istoriia formirovaniia i etnokulturnye protsessy* [Sumburgh Komi Group: History of Formation and Ethnocultural Processes], *Vestneyk arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (35), pp. 143–154.
- Istomin, K. (1999). *Kolva Volost and Kolva ethnographic group as an example of transition from nomadic to settled way of life. An attempt of analysis*, *Pro Ethnologia: Publications of the Estonian National Museum*, no. 8, pp. 19–34.
- Kertcellii, V. (1911), *Po Bolshezemelskoi tundre s kochevnikami* [By The Bolshezemelskaya Tundra with Nomads], Arhangelsk, Gubernskaia tipografiia.
- Kiselev, A.A. and Kiseleva, T.A. (1987), *Sovetskie saamy: istoriia, ekonomika, kultura* [Soviet Saam: History, Economy, Culture], Mooremansk, Mooremanskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Konakov, N.D. (1986), *Stanovlenie krupnotabunnogo olenevodstva na Kolskom poluostrove, Traditcii i sovremennost v kulture selskogo naseleniia Komi ASSR* [The emergence of large-scale reindeer herding on the Kola Peninsula, Tradition and modernity in the culture of the rural population of Komi ACSR], *Syktyvkar, Komi filial UrO AN SSSR*, pp. 42–56.

- Konakov, N.D., Kotov, O.V. (1991), *Etnoarealnye gruppy komi: formirovanie i sovremennoe etnokulturnoe sostoianie* [Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние], Moscow, Nauka.
- Konakov, N.D., Kotov, O.V. and Rochev, Iu.G. (1982), "Izhemskie komi na Kolskom poluostrove" [Izhomsk Komi on the Kola Peninsula], in: *Nauchnye doclady Komi filiala UrO AN SSSR*, vol. 99, Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR.
- Krupnik, I.I. (1976), "Stanovlenie krupnotabunnogo olenevodstva u tundrovyykh nentcev" [Becoming large-scale reindeer herding in tundra Nenets], *Sovetskaiia Etnografia*, no. 2, pp. 57–69.
- Krupnik, I. (1993), *Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia*. Dartmouth College, University press of New England.
- Lashuk, L.P. (1958), *Ocherk etneycheskoi istorii Pechorskogo kraia: opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia* [Essay of ethnic history of the Pechora region: experience of historical and ethnographic research], Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo.
- Lo, A. (1999). Codeswitching, Speech Community Membership, and the Construction of Ethnic Identity, *Journal of Sociolinguistics*, vol. 3, iss. 4, pp. 461–479.
- Martin-Jones, M. and Martin, D., eds. (2017). Introduction, *Researching Multilingualism: Critical and ethnographic perspectives*, New -York, Routledge, pp. 1–27.
- Mikushev, A.K. (1969), *Komi epicheskie pesni i ballady* [Comey's epic songs and ballads], Leningrad, Nauka.
- Mikushev, A.K. (ed.) (1987), *Komi narodnyi epos* [Comey folk epic], Moscow, Nauka.
- Moseley, Ch. and Nicolas, A. (2010), *Atlas of the World's Languages in Danger*, Paris, UNESCO.
- Paniukov, A.V. (2015), "Izhmo-kolvinskii epos: vstrecha traditcii" [Izhmo-Kolvinsky epic: a meeting of traditions], *Izvestiia Komi nauchnogo centra UrO RAN*, no. 4, pp. 30–41.
- Paniukov, A.V. (2012), *Sinergetika folclornyykh kontaktov: izhmo-kolvinskaiia folclornaia traditciia*, *Folcloristika komi: Regionalnye folclornye traditcii Evropeiskogo Severo-Vostoka i Zauralia v mezhkulturnom kontekste* [Synergy of folklore contacts: Izhmo-Kolvin folklore tradition, Folklorist komi: Regional folklore traditions of the European Northeast and Sauralya in an intercultural context], Syktyvkar, KNTC UrO RAN, 2012, pp. 189–208.
- Paniukov, A.V. (2018), "Izhmo-kolvinskii epos: ispolnitel – tekst – auditoria" [Izhmo-Kolvinsky epic: performer (text – audience), Eposovedenie, no. 1, pp. 31–41.
- Pomishin, S.B. (1990), *Proishozhdenie olenevodstva i domestikatsiia severnogo olenia* [The origin of reindeer herding and the domicile of reindeer], Moscow, Nauka.
- Povod, N.A. (2016), *Komi Severnogo Zauralia (19th – pervaiia chetvert 20th v.)* [Komi North Saural (19th – first quarter of the 20th century)], Novosibirsk, Nauka.
- Rampton, B. (1995), *Crossing: Language and Ethnicity among Adolescents*, Real Language Series, London, Longman.
- Røed, K.H., Flagstad, Ø., Nieminen, M., Holand, Ø., Dwyer, M.J., Røv, N., Vilà, C. (2008), Genetic analyses reveal independent domestication origins of Eurasian reindeer, *Proceedings of the Royal Society, serie B: Biological Sciences*, no. 275, pp. 1849–1855.
- Smolich, E. (2012), "Iazyki menshinstv kak centralnye cennosti etneycheskikh kultur (issledovanie sokhraneniia i razrusheniia polskogo, valliiskogo i kitaiskogo iazykov v Avstralii)" [Minority languages as central values of ethnic cultures (research on the preservation and destruction of Polish, Welsh and

- Chinese languages in Australia], in: Vakhtin, N.B. (ed.), *Sotciolingvistika i sotciologiya iazyka, Khrestomatiia*, vol. 1, Sankt-Peterburg, Evropeiskii universitet, pp. 402–432.
- Smolicz, J. (1981). Core values and cultural identity, *Ethnic and racial studies*, vol. 4, iss. 1, pp. 75–90.
- Smolicz, J.J. (1980), Language as a Core Value of Culture, *RELC Journal*, vol. 11, iss. 1, pp. 1–13.
- Startcev, G. (1926), “Vliianie samoedov na izhemsikh zyrian (iazuk i byt)” [The influence of the Sameds on the Izhemians (language and life)], *Komi mu*, no. 11, pp. 31–34.
- Stavans, A. and Hoffmann, Ch. (2015), *Multilingualism*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Vainshtein, I. (1970), “Problema proishozhdeniia olenevodstva v Evrazii. Saianskii ochag odomashnivaniia olenia” [The problem of the origin of reindeer herding in Eurasia. Sayan deer domestication], *Sovetskaia Etnografiia*, no. 6, pp. 3–14.
- Vainshtein, S.I. (1971), “Problema proishozhdeniia olenevodstva v Evrazii. Rol Saianskogo ochaga v rasprostraneniie olenevodstva v Evrazii” [The problem of the origin of reindeer herding in Eurasia. The role of the Sayan hotbed in the spread of reindeer herding in Eurasia], *Sovetskaia Etnografiia*, no. 5, pp. 32–52.
- Vasilevich, G.M. and Levin, M.G. (1951), “Tipy olenevodstva i ikh proishozhdenie” [Types of reindeer herding and their origin], *Sovetskaia Etnografiia*, no. 1, pp. 63–87.
- Veniamin, bish. (1850), “Obrashchenie v khristianstvo mezenskikh samoedov (nachalo)” [Conversion to Christianity of the Mezen Aneitas (beginning)], *Khristianskoe chtenie*, no. 2, pp. 363–38.
- Veniamin, bish. (1851), “Obrashchenie v khristianstvo mezenskikh samoedov (okonchanie)” [Conversion to Christianity of the Mezen Aneitas (end)], *Khristianskoe chtenie*, no. 1, pp. 64–84.
- Vokuev, N.A. (2015), *Pastbishchnyi fond* [Pastoral fund], Moscow, Stalingrad.
- Zuev, M. (2016), “Problemy ustoiчивого razvitiia olenevodstva v Iamalo-Nenetskom avtonomnom okruge”], *Rossia v globalnom mire, Almanakh*, vol. 9, Sankt-Peterburg: Izdatelstvo politekhnicheskogo universiteta, pp. 174–187.

Информация об авторе

Истомин Кирилл Владимирович, кандидат исторических наук, Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН», Сыктывкар, Россия; 167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24, kistomin@naver.com

Information about the author

Kirill V. Istomin, Cand. of Sci. (History), Institute of language, literature and history Komi Science Center, Ural division of the Russian Academy of Science, Syktyvkar, Russia; bld. 24, Communist St., Syktyvkar, Rep. Komi, 167982, Russia; kistomin@naver.com

Основные направления политики интеграции детей-иммигрантов из третьих стран в сфере школьного образования: инструменты и практики стран ЕС

А.С. Гаева

*Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ),
Москва, Россия; tlingell2@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу политики интеграции детей-иммигрантов, прибывших из третьих стран, в систему школьного образования государств Европейского союза. Выявлены центральные проблемы, с которыми сталкиваются дети с миграционным бэкграундом, основные направления политики интеграции в систему школьного образования, а также приведены некоторые инклюзивные образовательные инструменты и практики.

Ключевые слова: иммиграция, интеграция, адаптация, мультикультурализм, дети-иммигранты, политика интеграции иммигрантов, школьное образование

Для цитирования: Гаева А.С. Основные направления политики интеграции детей-иммигрантов из третьих стран в сфере школьного образования: инструменты и практики стран ЕС // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 113–121. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-113-121

Key policies for integrating third-country immigrant children into school: EU tools and practices

Anastasiia S. Gaeva

*Institute of Diaspora and Integration (CIS Institute),
Moscow, Russia; tlingell2@gmail.com*

Abstract. The normative guarantee of the right of immigrant children to education is part of the policy of integration of immigrants in the EU countries. But this does not always mean ensuring free and equal access to adapted school education at the level of nation-states. Immigrant children are faced with specific

problems related both directly to access to the institution of formal school education and those that arise in the learning process. These problems negatively affect the educational results of such students, the process of their inclusion in the new society and pose a potential risk of their marginalization.

In the EU countries education tools are actively used and attempts are being made to adapt the entire school system to the needs of a modern multicultural society. These tools and practices are aimed at overcoming social, linguistic, ethnocultural barriers to obtaining a quality education for children with a migratory background, they can increase the effectiveness of their social integration and improve their socio-economic opportunities in the future.

Keywords: immigration, integration, adaptation, multiculturalism, immigrant children, immigrant integration policy, school education.

For citation: Gaeva, A.S. (2019), “Key policies for integrating third-country immigrant children into school: EU tools and practices”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 113-121, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-113-121

Необходимость обеспечения равного доступа к инклюзивному и качественному образованию детей-иммигрантов неоднократно подчеркивалась на уровне Европейского союза. Среди последних политических инициатив такого характера следует назвать Сообщение о защите детей в условиях миграции 2017 г. [Communication from the Commission to the European Parliament and the Council 2017] и Рекомендацию Совета о продвижении общих ценностей, инклюзивного образования и европейского измерения обучения 2018 г. [Council Recommendation 2018]. Указанные документы называют образование наиболее важным средством интеграции иммигрантов и устанавливают ряд действий по защите детей-иммигрантов, включающих в себя оценку потребностей каждого ребенка по прибытии и гарантии доступа к системе образования принимающей страны вне зависимости от их миграционно-правового статуса.

Однако проработка таких вопросов на наднациональном политическом уровне не всегда означает реальный доступ детей-иммигрантов к адаптированной к мультикультурному обществу системе школьного образования государств – членов ЕС, учитывающей специфические потребности данной категории населения. Низкий уровень владения языком страны приема, социальная и этническая сегрегация, социально-экономические проблемы являются серьезными препятствиями для доступа детей-иммигрантов к качественному образованию. Сегодня ситуация усложняется возросшим давлением на национальные образовательные и административные системы в результате миграционного кризиса, который выявил пробелы и недостатки в системе защиты детей-иммигрантов и беженцев. В зоне риска – дети-иммигранты без сопровождения взрослых, с неурегулированным правовым статусом и в процедуре получения убежища. Как правило, доступ к системе образования для них затруднен.

Вместе с тем, несмотря на наличие ряда проблемных моментов, европейские страны обладают довольно развитыми и прогрессивными инструментами и практиками, направленными на минимизацию риска маргинализации, социального аутсайдерства и повышение шансов детей-иммигрантов на успешное будущее. Во многих странах ЕС эти инструменты и практики являются частью более широкой государственной политики интеграции иммигрантов из третьих стран.

Согласно данным Евростата [Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe 2018, с. 37], практически во всех странах ЕС доля иммигрантов (тех, кто родились за пределами стран проживания) в возрасте до 15 лет не является значительной и составляет менее 10% к коренному населению в этой же возрастной категории; наибольший процент – в Люксембурге (19,9%), что можно связать с масштабной иммиграцией высококвалифицированных специалистов из соседних стран ЕС. Далее следует Ирландия (12%), Швейцария (10%), Кипр 8,8%, Швеция 8,5%, Австрия 8,2%, Исландия (8%), Норвегия (7,7%), в остальных – менее 7%. Вместе с тем, вне зависимости от озвученных цифр, данная категория населения нуждается в специальных мерах включения.

Образовательная успеваемость учащихся-мигрантов ниже, чем у детей, родившихся в принимающей стране, причем это справедливо и для второго поколения [Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe 2018, с. 38], а процент ранних уходов из системы образования выше. Поскольку учащиеся-мигранты часто отстают по важным школьным предметам в младших классах средней школы, многие из них оставляют обучение на этапе неполного среднего образования или раньше. Так, почти во всех странах ЕС доля детей-иммигрантов в возрастной группе 18–24 года, раньше покидающих систему образования, выше, чем аналогичный показатель среди коренного населения [Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe 2018, с. 38–39]. Наиболее высокий процент можно отметить в Испании и Италии – более 30%, Германии – 23% [Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe 2018, с. 39].

Данные качественные показатели указывают на то, что дети-иммигранты сталкиваются со специфическими проблемами в рамках образовательной системы принимающего общества, которые влияют на их аккультурацию и образовательные результаты. Среди них можно выделить проблемы, связанные с:

- непосредственно самими процессами миграции и адаптации к новому обществу (необходимость изучения нового языка, адаптация к новым образовательным стандартам, правилам и процедурам);
- социально-экономическим и политическим контекстом принимающего общества (эффективность интеграционной и антидискриминационной политики);

- участием в образовании (система оценок, которая не всегда учитывает различные аспекты процесса обучения (социальные, психологические факторы), недостаточное лингвистическое обеспечение, не адаптированное к потребностям учеников с иностранным родным языком, отсутствие социальной и эмоциональной поддержки учителей, не прошедших подготовку для работы в мультикультурных и мультилингвистических классах, недостаточное взаимодействие между школой и семьей ученика).

Для преодоления этих проблем во многих странах ЕС реализуется политика интеграции иммигрантов и один из ее аспектов – меры и практики по инклюзии детей-иммигрантов, главным образом, принадлежащих к первому поколению, в систему школьного образования. Можно выделить два основных направления:

- программы языкового и поликультурного обучения детей-иммигрантов (изучение языка страны приема как иностранного плюс изучение родного языка и культуры);
- трансформация и адаптация образовательных систем к мультикультурному обществу с акцентом на равенство и разнообразие.

В рамках первого направления предусмотрены языковые вводные курсы для детей иммигрантов, длящиеся от одного–двух лет [Essomba, Siarove 2014, с. 4]. Например, во Франции «классы инициации» в начальной школе (*classes d'initiation, CLIN*) и «классы приема» (*classes d'accueil, CLA*) в средней школе предназначены для детей только прибывших иммигрантов, нуждающихся в изучении французского языка [Escafré-Dublet 2014, с. 8]. Такие классы, финансируемые Министерством образования, есть в школах, расположенных в районах концентрированного проживания иммигрантов. Аналогичные «классы приема» работают в Дании, где в течение двух лет дети иммигрантов получают дополнительные знания датского языка и других предметов, при этом изучают основную программу для обеспечения плавного перехода в общий класс [Essomba, Siarove 2014, с. 3]. В программе школьного образования в Великобритании для детей иммигрантов предусмотрено индивидуальное обучение английскому языку [Saggar, Somerville 2012, с. 15].

В школах ряда западноевропейских стран для детей-иммигрантов есть возможность получать консультации на языке страны происхождения, изучать язык страны приема как иностранный, а также осваивать родной язык и культуру.

В Швеции ученики-иммигранты имеют право на получение специальной поддержки в виде дополнительного обучения на родном языке [Undervisa nyanlända elever 2019]; кроме того, дошкольное учреждение и школа обязаны организовать курс изучения родного языка («Исследование родного языка» (*modersmålsundervisning*)) для учеников иностранного происхождения, при наличии подходящего учителя с достаточными навыками шведского и иностранного языка и пяти учеников, проявивших желание пройти данный курс [Rätten till att utveckla sitt modersmål 2019]. В качестве факультатива

родной язык иммигрантов (*unverbindliche Übungen*) преподается в австрийских школах при помощи учителя-предметника или инструктора – носителя языка, работающего со всем классом. Для изучения возможно выбрать албанский, сербский, боснийский, турецкий, арабский, венгерский и некоторые другие языки [*Sprachliche Bildung in Österreich 2019*].

Вводный курс обучения на родном языке детей с иммиграционным бэкграундом и поддержка изучения родного языка позволяют достигнуть необходимого языкового уровня для освоения школьной программы и за счет этого повысить успеваемость. Исследование Национального агентства образования Швеции показало, что ученики иностранного происхождения, посещающие занятия по изучению родного языка в дополнение к обычной учебной программе демонстрируют более высокую среднюю оценку успеваемости как по сравнению с учениками, не посещающими данные занятия, так и со школьниками шведского происхождения [*Med annat modersmål – elever i grundskolan och skolans verksamhet 2008*, с. 66].

Однако подобная практика скорее исключение, чем правило: школы не получают достаточной государственной поддержки, необходимой для эффективной организации языкового обучения детей-иммигрантов, существует проблема недостатка знаний и профессиональной компетенции у педагогов. Большинство инициатив по изучению родного языка иммигрантов носит спорадический характер, редко финансируются государством и реализуются в основном неправительственными и иммигрантскими организациями.

В рамках второго направления – адаптации образовательных систем к мультикультурному обществу – относятся найм преподавателей из числа иммигрантов, межкультурная подготовка педагогов [*Severiens 2014*, с. 4] и включение в систему образования разнообразия религиозных культур [*Péripin 2013*].

Исследования показывают, что диверсификация школьного педагогического состава способствует формированию отношений доверия между педагогами и семьями иммигрантов, повышает образовательные результаты учеников с иммиграционным бэкграундом [*Lindahl 2007*], а обучение педагогов с учетом роста разнообразия развивает компетенции взаимодействия с учениками из разных культурных контекстов. Примерами могут служить местная инициатива по привлечению преподавателей из числа иммигрантов «Мигранты в школу!» (*Migranten machen Schule!*), начатая в 2006 г. в Баден-Вюртемберге [*Collet, Petrovic 2014*, с. 21], и четырехгодичная программа образования для преподавателей в урбанизированных классах Роттердамского университета, которая включает в себя курс «разнообразия» (предмет «Методы воспитания детей в разных миграционных группах»), а также общеобразовательные курсы, затрагивающие темы этнической и религиозной идентичности [*Severiens 2014*, с. 5]. В Португалии найм иммигрантов в качестве классных руководителей является составной частью правительственной

программы «Выбор» (Programa Escolhas), которая предусматривает профессиональную подготовку и трудоустройство. Ее основная задача – содействие социальной интеграции детей и молодых людей из уязвимых социально-экономических контекстов [O que é o Programa Escolhas 2019].

Сложным вопросом остается диверсификация школьного религиозного образования, особенно с учетом роста количества приверженцев ислама. Как правило, приоритетом и финансовыми привилегиями пользуются традиционные христианские религии, а главными препятствиями на пути введения ислама в структуру школьного образования является как противодействие общества, так и отсутствие единой организации, охватывающей все многообразие религиозных групп в исламской традиции [Rérin 2013, с. 30]. Организационные и идеологические трудности порождают проблему нехватки квалифицированных специалистов. Но и в данной области можно отметить положительные тенденции.

Наряду с курсами религиозного образования в государственных школах во многих странах Европы есть система конфессиональных частных учебных заведений, субсидируемых государством. Так, в настоящее время в Нидерландах существует сорок три мусульманские начальные школы и одна средняя, финансируемые государством, которые включают от одного до трех часов в неделю исламского образования [Berlund 2015, с. 21]. Кроме того, муниципальные власти по просьбе родителей могут способствовать организации религиозных образовательных курсов в государственной школе: около 7% начальных учебных заведений предоставляют такую возможность [Severiens 2014, с. 31]. В Австрии среди 13 признанных религиозных общин есть мусульманская и алевитская, каждая из которых имеет право преподавать уроки религии в государственных школах [Berlund 2015, с. 13].

Резюмируя, следует отметить, что большая часть вышеперечисленных и аналогичных инициатив по аккомодации культурных различий и преодолению социального исключения детей-иммигрантов с задействованием образовательных инструментов и практик характерны для большинства европейских стран, несмотря на публичные заявления о провале и отходе от политики мультикультурализма.

Интеграционная политика и законодательство ЕС обеспечивают прочную основу для защиты прав ребенка с опытом иммиграции, однако сегодня существуют вызовы и проблемы, обострившиеся в результате миграционного кризиса и в настоящее время требующие интенсификации интеграционных практик и введения новых подходов, которые позволят обеспечить реальный доступ детей-иммигрантов не только к системе формального образования, но и адаптированной к их потребностям.

Литература

- Berlund 2015 – *Berlund J.* Publicly Funded Islamic education in Europe and the United States // Analysis Paper. № 21. 2015, URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/04/islamic-education-berglund/final-web-pdf.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).
- Collet, Petrovic 2014 – *Collet E., Petrovic M.* The Future of Immigrant Integration in Europe. Mainstreaming approaches for inclusion // Migration Policy Institute Europe. 2014, URL: http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Mainstreaming-General-Report-FINALWEB_0.pdf (дата обращения: 17.10.2019).
- Communication from the Commission to the European Parliament and the Council 2017 – Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The protection of children in migration. 2017 // EUR-Lex, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52017DC0211> (дата обращения: 18.10.2019).
- Escafré-Dublet 2014 – *Escafré-Dublet A.* Mainstreaming immigrant integration policy in France. Education, Employment and Social Cohesion Initiatives // Migration Policy Institute Europe. 2014, URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Mainstreaming-France-FINAL.pdf> (дата обращения: 16.10.2019)
- Essomba, Siarove 2014 – *Essomba A., Siarove H.* Language support for youth with a migrant background. Policies that effectively promote inclusion // Sirius Network Policy Brief. Issue № 4. 2014, URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/SIRIUS-Language-Support.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).
- Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe 2018 – Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe. National Policies and Measures. Eurydice Report 2018 // European Commission. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/39c05fd6-2446-11e9-8d04-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-87310649> (дата обращения: 15.10.2019)
- Lindhahl 2007 – *Lindhahl E.* Gender and ethnic interactions among teachers and students – evidence from Sweden // Working Paper. 2007. № 25. URL: <http://www.ifau.se/globalassets/pdf/se/2007/wp07-25.pdf> (дата обращения: 14.10.2019)
- Med annat modersmål – elever i grundskolan och skolans verksamhet 2008 – Med annat modersmål – elever i grundskolan och skolans verksamhet // Rapport Skolverket. 2008. № 321. URL: http://www.skolverket.se/om-skolverket/publikationer/visa-enskild-publikation?_xurl_=http%3A%2F%2Fwww5.skolverket.se%2Fwtpub%2Fws%2Fskolbok%2Fwtpubext%2Ftrycksak%2FBlob%2Fpdf2116.pdf%3Fk%3D2116 (дата обращения: 15.10.2019).
- O que é o Programa Escolhas 2019 – O que é o Programa Escolhas // Escolhas. URL: <http://www.programaescolhas.pt/apresentacao> (дата обращения: 17.10.2019).
- Pépin 2013 – *Pépin L.* Teaching about Religions in European School. Systems Policy Issues and Trends // Network of European Foundations. 2009. URL: http://www.nef-europe.org/wp-content/uploads/2013/03/Teaching-about-religion_NEF-RelDem-RELIGION-EDUCATION-Final.pdf (дата обращения: 18.10.2019).
- Rätten till att utveckla sitt modersmål 2019 – Сайт Национального агентства по образованию Швеции (Skolverket). URL: <http://www.skolverket.se/regelverk/mer-om-skolans-ansvar/ratten-till-att-utveckla-sitt-modersmal-1.239311> (дата обращения: 14.10.2019).

- Saggar, Somerville 2012 – *Saggar S., Somerville W.* Building a British Model of Integration in an Era of Immigration. Policy Lessons for Government. 2012. URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/UK-countrystudy.pdf> (дата обращения: 19.10.2019).
- Severiens 2014 – *Severiens S.* Developing School Capacity for Diversity // Sirius Network Policy Brief. 2014. Issue 3. URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/SIRIUS-School-Capacity.pdf> (дата обращения: 18.10.2019).
- Sprachliche Bildung in Österreich 2019 – Сайт Федерального министерства образования и женщин Австрии (Bundesministerium für Bildung und Frauen). URL: <https://www.bmbwf.gv.at/schulen/unterricht/ba/sprachenpolitik.html> (дата обращения: 28.04.2019).
- Undervisa nyanlända elever 2019 – Сайт Национального агентства по образованию Швеции (Skolverket). URL: <http://www.skolverket.se/skolutveckling/larande/nyanlandas-larande/undervisa-nyanlanda-elever-1.237660> (дата обращения: 19.10.2019).

References

- Berlund, J. (2015), “Publicly Funded Islamic education in Europe and the United States”, *Analysis Paper*, no. 21, URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/04/islamic-education-berglund/final-web-pdf.pdf> (Accessed at: 20.10.2019).
- Collet, E., Petrovic, M. (2014), “The Future of Immigrant Integration in Europe. Mainstreaming approaches for inclusion”, *Migration Policy Institute Europe*, URL: http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Mainstreaming-General-Report-FINALWEB_0.pdf (Accessed at: 17.10.2019). Communication from the Commission to the European Parliament and the Council (2017), *The protection of children in migration, EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52017DC0211> (Accessed at: 18.10.2019).
- Escafré-Dublet, A. (2014), Mainstreaming immigrant integration policy in France. Education, Employment and Social Cohesion Initiatives, *Migration Policy Institute Europe*, URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Mainstreaming-France-FINAL.pdf> (Accessed at: 16.10.2019).
- Essomba, A., Siarove, H. (2014), “Language support for youth with a migrant background. Policies that effectively promote inclusion”, *Sirius Network Policy Brief*, iss. 4, URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/SIRIUS-Language-Support.pdf> (Accessed at: 15.10.2019).
- Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe (2018), *National Policies and Measures. Eurydice Report, European Commission*, URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/39c05fd6-2446-11e9-8d04-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-87310649> (Accessed at: 15.10.2019).
- Lindahl, E. (2007), “Gender and ethnic interactions among teachers and students – evidence from Sweden”, *Working Paper*, no. 25, URL: <http://www.ifau.se/globalassets/pdf/se/2007/wp07-25.pdf> (Accessed at: 14.10.2019).
- “Med annat modersmål – elever i grundskolan och skolans verksamhet” (2008), *Rapport Skolverket*, no. 321, URL: http://www.skolverket.se/om-skolverket/publikationer/visa-enskild-publikation?_xurl_=http%3A%2F%2Fwww5.skolverket.se%2Fwtpub%2Fws%2Fskolbok%2Fwtpubext%2Ftrycksak%2FBlob%2Fpdf2116.pdf%3Fk%3D2116 (Accessed at: 15.10.2019).

- “O que é o Programa Escolhas” (2019), *Escolhas*, URL: <http://www.programaescolhas.pt/apresentacao> (Accessed at: 17.10.2019).
- Pépin, L. (2013), “Teaching about Religions in European School. Systems Policy Issues and Trends”, *Network of European Foundations*, URL: http://www.nef-europe.org/wp-content/uploads/2013/03/Teaching-about-religion_NEF-RelDem-RELIGION-EDUCATION-Final.pdf (Accessed at: 18.10.2019).
- Rätten till att utveckla sitt modersmål (2019), *The website of the Swedish National Education Agency (Skolverket)*, URL: <http://www.skolverket.se/regelverk/merom-skolans-ansvar/ratten-till-att-utveckla-sitt-modersmal-1.239311> (Accessed at: 14.10.2019).
- Saggat, S. and Somerville, W. (2012), *Building a British Model of Integration in an Era of Immigration; Policy Lessons for Government*, URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/UK-countrystudy.pdf> (Accessed at: 19.10.2019).
- Severiens, S. (2014), “Developing School Capacity for Diversity”, *Sirius Network Policy Brief*, iss. 3, URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/SIRIUS-School-Capacity.pdf> (Accessed at: 18.10.2019)
- Sprachliche Bildung in Österreich (2019), *The website of the Austrian Federal Ministry of Education and Women (Bundesministerium für Bildung und Frauen)*, URL: <https://www.bmbf.gv.at/schulen/unterricht/ba/sprachenpolitik.html> (Accessed at: 28.04.2019).
- Undervisa nyanlända elever (2019), *Website of the Swedish National Education Agency (Skolverket)*, URL: <http://www.skolverket.se/skolutveckling/larande/nyanlandas-larande/undervisa-nyanlanda-elever-1.237660> (Accessed at: 19.10.2019).

Информация об авторе

Гаева Анастасия Сергеевна, кандидат политических наук, Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), Москва, Россия; Россия, 119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3, tlingell2@gmail.com

Information about the author

Anastasiia S. Gaeva, Cand. of Sci. (Politics), Institute of Diaspora and Integration (CIS Institute), Moscow, Russia; bldg. 7/10, bld. 3, B. Polyanka Str. Moscow, Russia, 119180; tlingell2@gmail.com

Роль цифровых технологий в адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии в современной России

В.Е. Васильев, Ю.И. Еременкова, А.Н. Ермохина,
А.А. Никифоров, И.В. Солдатенков

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, nikiforov@politpro.ru*

Аннотация. В данной статье исследуется роль цифровых технологий в процессе адаптации трудовых мигрантов. На основе анализа опыта реализации ряда документов стратегического и программного характера Российской Федерации в области миграционной политики было выявлено, что цифровая составляющая данных документов находит свое воплощение на практике в ограниченном объеме и носит по большей части декларативный характер как на федеральном, так и на региональном уровнях. Отмечается, что приоритетом миграционной политики России в контексте применения цифровых технологий является совершенствование мер по контролю миграционных потоков, тогда как проблема адаптации рассматривается вне данного контекста. В целях определения роли цифровых технологий в обеспечении трудовой миграции из стран Средней Азии и адаптации трудовых мигрантов была проведена серия полуструктурированных интервью с трудовыми мигрантами и работниками салонов сотовой связи в Санкт-Петербурге. На основе анализа серии интервью было выявлено, что интернет-коммуникация выполняет ряд важнейших функций в процессе трудовой миграции, а уровень базовых цифровых знаний у мигрантов приобретает более устойчивый характер. При этом формат существующих интернет-ресурсов с информацией для мигрантов не отвечает в достаточной мере их запросам и основным каналам коммуникации. Подчеркивается, что государственные усилия по адаптации мигрантов в этой области должны характеризоваться гибкостью, а ее потенциальный успех напрямую будет зависеть от способности обеспечивать регулярную коммуникацию с мигрантами.

Ключевые слова: цифровые технологии, миграционная политика, адаптация, трудовые мигранты, цифровое поведение, молодежь

Для цитирования: Васильев В.Е., Еременкова Ю.И., Ермохина А.Н., Никифоров А.А., Солдатенков И.В. Роль цифровых технологий в адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии в современной России // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 122–144, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-122-144

Adaptation of labour migrants from Central Asia in contemporary Russia: the role of digital technology

Vadim E. Vasilev, Julia I. Eremenkova, Alina N. Ermokhina,
Alexander A. Nikiforov, Ivan V. Soldatenkov

*St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia; nikiforov@politpro.ru*

Abstract. This article focuses on the role that digital technologies play during the adaptation of labour migrants from Central Asia. Russian federal and regional migration policy at the present period of time have no wide practical implementation of digital policy agenda. Official strategy and regional plans follow the main priority of migration control with a little support of digital sources and approaches for adaptation of labour migrants. Field research was based on semi-structured interviews with labour migrants and sales personnel of mobile stores in Saint-Petersburg and was aimed to define migrant's skill level and usual models of digital behaviour. Results revealed that the internet-communication provides crucial functions for the migration process and present day skills of labour migrants facilitate digitalization. However present channels of digital communication that are purposefully used by government bodies and NGO for informing and adaptation usually fail to meet the actual demands and practical modes of communication. From this perspective we would emphasize that actual governmental programs for adaptation of labour migrants should be flexible and differentiated to meet success that is also based on regular and proper communication.

Keywords: digital technologies, migration policy, adaptation, labour migrants, digital behaviour, youth

For citation: Vasilev, V.E. Eremenkova, J.I. Ermokhina, A.N., Nikiforov, A.A., Soldatenkov, I.V. (2019), "Adaptation of labour migrants from Central Asia in contemporary Russia: the role of digital technology", *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 122-144, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-122-144

Введение

Современные глобальные трансформации предполагают возрастание экономического значения крупных городов, меняя демографические процессы в сторону все больших диспропорций в экономическом потенциале, географии занятости населения, благосостоянии

и качестве жизни¹. Постиндустриальная экономика крупных городов предъявляет новые требования к скорости коммуникаций, гибкости рынка труда, адаптивности под меняющиеся потребности сферы услуг. Все это в полной мере относится к ключевым городским центрам экономического развития в России.

На фоне более чем 81-процентной доли пользователей интернета в России наблюдается значимое снижение цифрового неравенства как за счет постепенного выравнивания цифрового поведения в прежних регионах-аутсайдерах, так и благодаря распространению использования цифровых технологий среди населения в возрасте старше 60 лет². Текущие очевидные трансформации государственного управления демонстрируют все большее проникновение цифровых технологий в части взаимодействия с гражданами через сервисы государственных услуг, открытых данных и пр.

Трудовая миграция остается одним из ключевых компонентов выравнивания отрицательного демографического баланса населения России, который обеспечивает замещение экономических потребностей преимущественно низкоквалифицированной рабочей силой. Вместе с тем за последние 15 лет миграционная политика России сохраняла преимущественно инерционный характер с точки зрения организации взаимодействия. Институциональные и правовые механизмы взаимодействия государственных служб с трудовыми мигрантами в значительной степени отстают от аналогов, соответствующих цифровому взаимодействию с гражданами России. Подобная институциональная асимметрия позволяет по-новому посмотреть на вопрос цифрового неравенства. В конечном счете практикуемый в миграционной политике подход обнаруживает свою ригидность по отношению не только к актуальным тенденциям в трудовой миграции, но и применительно к особенностям второго поколения трудовых мигрантов.

Актуальность использования цифровых технологий основывается в значительной степени на том, что в случае трудовых мигрантов официальное взаимодействие с ними государственных структур является или крайне ограниченным (по времени и форме), либо оценивается приезжими как серьезный риск, которого стоит избегать (риски задержания сотрудниками полиции, коррупционные издержки и пр.)³. Это приводит к тому, что институциональ-

---

¹ 100 Крупнейших городов России по населению 2019 список РФ [Электронный ресурс] // statdata.ru – сайт о странах и городах. 2019. URL: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia (дата обращения: 04.12.2019).

² Просторы интернета: для работы или развлечений? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения: 04.12.2019).

³ Клондайк для коррупции: почему мигрантов доверили полиции? [Электронный ресурс] // Вестник Мигранта. 2018. URL: <https://www.vestnik-migranta.ru/2018/05/avgorovoy.html> (дата обращения: 04.12.2019).

ные каналы взаимодействия оказываются малоэффективными, а их место занимают неофициальные и нередко нелегальные механизмы, обеспечивающие гибкое оказание услуг, посредничество и помощь. Основанные на подобных практиках неформальные сети способствуют легитимации незаконных практик, ограничивая публичные взаимодействия трудовых мигрантов с экономическими агентами и государством, что в конечном итоге ведет к крайне низкому уровню индивидуальной адаптации приезжающих на заработки, сохраняя традиционные коллективные формы найма, проживания и принятия решений.

Современные исследователи рассматривают цифровые трансформации преимущественно через призму социальных и культурных эффектов от миграционных потоков. В рамках концепций транснационализма и транслокальности цифровая среда позволяет не только гибко поддерживать через новые формы вербальной коммуникации и символических репрезентаций собственную идентичность, но при этом и трансформировать ее в новые форматы. Глобальные трансформации, как манифестирует в своих работах Д. Диминеску, сопровождаются появлением новой фигуры мигранта, одновременно «подключенного» к разным коммуникационным контекстам. Использование цифровых технологий демонстрирует существование своеобразной «портативности сетей принадлежности» [Diminescu 2008, с. 573], когда общая готовность мигрантов к территориальной мобильности и медиа-практики создают континуум, в котором они способны сохранять ощущение своего присутствия в разных местах и, что наиболее важно, не ощущать так остро разрывы, традиционно сопровождающие уход из родных мест. Подобные процессы носят сложный и противоречивый характер. Как отмечают К. Лерс и С. Понзанеси, наблюдается взаимосвязанность процессов инкапсуляции и космополитизации, сопровождающих трансграничную трудовую миграцию [Leurs, Ponzanesi 2018]. Происходит формирование «цифровых разрывов» между местным населением и приезжими мигрантами [Leurs 2015], где параметры неравенства, социокультурной дистанции и институциональной неэффективности легальных адаптационных каналов создают основы для модели инкапсуляции мигрантов в сетях доверия/общинах, что в некоторой степени соответствует эффекту маргинализации в классической модели миграции.

Политическая нестабильность и гуманитарные кризисы в настоящее время, на примере Сирии, демонстрируют то, как цифровая коммуникация позволяет обеспечивать адаптацию беженцев к новой для них среде посредством цифровых практик распространения полезной информации, обсуждения проблем, поиска контактов для организации переезда в страны Европы из зоны вооруженного конфликта [Dekker, Engbersen 2018]. Вместе с тем большое количество работ демонстрируют переход иммигрантских сообществ в формат цифровой диаспоры. Разработанная Д. Бринкерхофф,

К. Диамандаки и др. концепция предполагает возможность существования различий при сохранении общинности ее членов благодаря индивидуальным практикам цифрового поведения. В исследованиях цифровых диаспор в Европе и США отмечается влияние информационных технологий, выступающих не только как каналы и инструменты снижения миграционных барьеров [Dekker, Engbersen 2014], но и в случае социальных сетей как средство межкультурной коммуникации между местным населением и мигрантами [Alencar 2018]. Между тем, как отмечают российские исследователи, в России «социальные сети выступают в роли своеобразных драйверов новой этнической социальности и этнического дискурса» [Кужелева-Саган 2016, с. 153], кристаллизующего идентичности в рамках мусульманского, националистического и традиционалистско-советского проектов.

Выступая нередко в качестве инструментов межкультурной адаптации и социального включения, информационные коммуникативные среды демонстрируют данный эффект в большей степени применительно ко второму поколению мигрантов – молодежи, которая охотнее разделяет общие интересы и предпочтения вне зависимости от стран происхождения [Dhoest 2015; Andrade, Doolin 2016]. Вместе с тем роль информационных технологий не столь однозначна, поскольку их использование имеет двустороннюю направленность, когда новые каналы коммуникации используются для расширения мигрантами дискриминационных или виджилантистских практик в отношении соотечественников (например, женщин), что лишь цифровизирует традиционные практики социального доминирования и коллективного контроля [Gabdulhakov 2019].

В вопросе миграционной политики можно говорить о достаточно ограниченном изучении практик использования цифровых сред для взаимодействия представителей принимающих стран с трудовыми мигрантами и обеспечения цифровых адаптационных механизмов и сервисов. Часто речь идет о цифровой составляющей режимов миграционного управления («умные границы») [Троицкая 2017] или о цифровых сервисах помощи мигрантам [Chen, Choi 2011].

В этом отношении данное исследование ставит своей целью определение потенциала использования цифровых технологий при реализации миграционной политики и в процессе адаптации мигрантов из Средней Азии. Однако подобная постановка научной проблемы требует определенной модификации программы исследования в силу необходимости учета практик и опыта использования цифровых технологий трудовыми мигрантами на всем протяжении их трудовой миграции.

В связи с этим настоящее исследование предполагало решение следующих задач.

Во-первых, оценку федеральной и региональной компоненты миграционной политики, связанной с использованием цифровых технологий. Это включало анализ как существующих стратегий

и программ, так и используемых городских практик и региональных социальных сервисов различной направленности.

Во-вторых, определение роли цифровых технологий в обеспечении трудовой миграции из стран Средней Азии в Россию, что предполагало учет опыта использования информационных технологий как трудовыми мигрантами, так и посредническими структурами при взаимодействии с ними.

В-третьих, установление моделей использования цифровых технологий в практиках адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии на новом месте проживания.

В-четвертых, в конечном итоге формулирование для задач региональной миграционной политики как потенциально результативных моделей формирования цифровой коммуникации с трудовыми мигрантами, так и востребованных со стороны мигрантов услуг.

Цифровая компонента федеральной и региональной миграционной политики

В настоящее время основополагающую роль в формировании миграционной политики играет Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. и план мероприятий по ее реализации в 2019–2021 гг. Редакция Концепции 2018 г. определяет следующие основные направления применения цифровых технологий: исследование и прогнозирование изменений миграционной ситуации; оснащение государственной границы РФ техническими средствами, позволяющими своевременно выявлять и пресекать въезд и выезд иностранных граждан, не имеющих правовых оснований пребывания на территории РФ; расширение использования современных биометрических технологий для идентификации личности в целях повышения эффективности государственного контроля (надзора) в сфере миграции; обеспечение общественной безопасности и предоставление государственных услуг в сфере миграции совершенствование административных процедур в сфере миграции, путем внедрения электронных форм взаимодействия, а также создания, поддержания и развития государственных информационных систем⁴.

В целом общая направленность Концепции свидетельствует о том, что незаконная миграция продолжает оставаться одной из приоритетных и актуальных проблем, а значительное число мер касается усиления борьбы с ней. Несмотря на намерения правительства

---

⁴ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/74e338ae02b148ec31de4bc38f486b8b045d3a1e/ (дата обращения: 11.10.2019).

оптимизировать миграционные процессы с помощью использования цифровых технологий, необходимо особо отметить противоречия в реализации этих намерений.

С одной стороны, можно говорить о том, что имеет место несоответствие положений Концепции с планом мероприятий по их реализации. Так, например, в Плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики внедрение современных информационно-цифровых технологий, включая биометрические при идентификации иностранных граждан, не получило своего закрепления. Также не получил закрепления пункт об «оснащении пропуска через госграницу РФ программно-техническим комплексом для получения дактилоскопической информации, биометрической идентификации для сверки данных иностранных граждан с базами данных правоохранительных органов», изначально подразумевающийся в Концепции⁵. С другой стороны, планы правительства по реализации Концепции нацелены на совершенствование уже внедренных ранее информационных технологий и в меньшей степени на разработку и использование новых цифровых средств и методов (например, разработка концепции построения единой информационной платформы с информацией об иностранных гражданах и миграционных потоках). При этом можно отметить доминирование подхода, основанного на централизованном характере решения проблем взаимодействия с трудовыми мигрантами (например, план модернизации информационно-аналитической системы «Общероссийская база вакансий “Работа в России”»).

В целом можно отметить, что цифровая компонента федеральной миграционной политики реализована в крайне ограниченном объеме, а текущим приоритетом является преимущественно совершенствование мер контроля миграции и предотвращение ее незаконного характера, тогда как проблема адаптации рассматривается отдельно от развития цифровых коммуникаций. Вместе с этим значимую роль в первичной адаптации трудовых мигрантов через легализацию своего пребывания играет доступность цифровых сервисов государственных услуг, которые стал предоставлять иностранным гражданам в электронной форме через сеть Интернет Единый портал. В случае трудовых мигрантов речь идет о таких услугах, как разрешение на временное проживание в РФ и вид на жительство. Объективными препятствиями для получения данных услуг становится как исключительно русскоязычный интерфейс сайта, для использования которого владения русским языком на базовом уровне (тбум/A1) недо-

---

⁵ План мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: распоряжение Правительства от 22.02.2019 № 265-р. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318894/ (дата обращения: 11.10.2019).

статочно для многих мигрантов, так и, с другой стороны, проблемы технического плана, связанные с верификацией данных в системе (например, необходимость ввода данных документов идентично с их записью сотрудниками в базу данных при выдаче СНИЛС)⁶.

На основе исследования опыта Самарской области Т. Обушенко и Г. Гагаринская отмечают, что на региональном уровне благодаря использованию информационных технологий:

Произошло внедрение автоматизированных систем в работу территориальных государственных органов миграционного управления: заполняются уведомления, заявления, сведения, листки статистического учета. В частности, Управление по вопросам миграции размещает на сайте сервисы «онлайн запись на прием», «проверка действительности разрешений на работу и патентов», «подача ходатайства высококвалифицированными специалистами» и др. [Обушенко, Гагаринская 2018, с. 525].

В Москве поддержка ряда цифровых сервисов обеспечивается действующим Многофункциональным миграционным центром. В частности, основные разделы сайта центра переведены на наиболее востребованные языки: украинский, таджикский, узбекский, азербайджанский и молдавский. Сервисы позволяют следить за оплатой патента и некоторой другой информацией. Однако разработанное мобильное приложение доступно только на русском языке.

Ряд проектов в настоящий момент только планируются к реализации, отражая при этом новый запрос на дополнительный оперативный контроль миграционных потоков. В конце 2019 г. правительство Санкт-Петербурга и иные органы анонсировали разработку электронной карты мигранта, содержащей персональные данные о гражданине, его фотографию, отпечатки пальцев, место работы, информацию о налоговых платежах и иные сведения⁷, а также сервис миграционного телефона⁸. Из функционирующих проектов можно отметить интернет-ресурс для мигрантов, доступный им

---

⁶ Как иностранцу зарегистрироваться на портале «Госуслуги»? // Вестник мигранта [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vestnikmigranta/kak-inostrancu-zaregistrirovatsia-na-portale-gosuslugi-5c518ece78e16700ac2b9125> (дата обращения: 04.11.2019).

⁷ В Петербурге планируется ввести единую систему электронного учета данных о трудовых мигрантах // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/admin/kirillov-vladimir-vladimirovich/news/171406/> (дата обращения: 04.11.2019).

⁸ *Крайний Я.* Трудоустройство мигрантов возьмут под контроль с помощью цифровой платформы // Санкт-Петербургские ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/financy/trudoustroystvo-migrantov-vozmут-pod-kontrol-s-pomoshchyu-tsifrovoy-platforny/tforny/> (дата обращения: 06.10.2019).

на таджикском и узбекском языках только в формате переведенного справочника 2018 г.⁹

Таким образом, использование цифровых технологий в региональной миграционной политике сталкивается с теми же проблемами, что и на федеральном уровне. Органами государственной и муниципальной власти декларируется заинтересованность в их использовании преимущественно для целей миграционного учета и контроля, существуют планы разработки самих проектов, однако практика реального их применения крайне ограничена. Нередко предпочтение отдается использованию и совершенствованию информационных технологий в сфере миграции, связанных с развитием баз данных и информационно-справочными ресурсами.

Цифровые технологии в обеспечении трудовой миграции

Несмотря на значительный уровень цифрового неравенства между Россией и государствами Средней Азии, новые информационные технологии играют весьма значимую роль в миграционных потоках из этих стран. Интернет-коммуникация в процессе трудовой миграции выполняет несколько функций: оперативное информирование об актуальной ситуации на границе, (очередь, неформальные правила при пересечении и пр.); информирование об услугах и возможностях для мигрантов (реклама фирм-посредников, вакансии и пр.); советы по легализации и трудоустройству (информация по регионам, новости законодательства); поддержание культурной или религиозной идентичности (музыка, наставления из Корана и др.).

Недостаток коммуникации с трудовыми мигрантами через официальные каналы неизбежно ведет к тому, что для них актуальной становится неформальная коммуникация. В этом отношении можно отметить специфику информационного обеспечения миграции интернет-ресурсами дипломатических представительств России.

Среди официальных сайтов российских посольств дипломатическое представительство в Таджикистане в наименьшей степени содержит информацию по трудовой миграции. На нем отсутствует как перевод информации на таджикский, так и сведения, способные помочь мигрантам в целом¹⁰. Сайт посольства России в Узбекистане в разделе «Для граждан Узбекистана» содержит информацию о миг-

---

⁹ Информационный справочник для трудовых мигрантов // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://migrantinfo.kmormp.gov.spb.ru/poleznaya-informaciya-dlya-trudovyh-migrantov/broshyura-dobro-pozhalovat-v-sankt-peterburg/> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁰ Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://dushanbe.mid.ru/home> (дата обращения: 04.11.2019).

рационной политике РФ, таможенную памятку, информацию о миграционной карте, об оформлении патента на трудовую деятельность, однако перевода на узбекский не предусмотрено¹¹. Сайт посольства РФ в Киргизии – наиболее удобный и информативный: доступен перевод на киргизский, можно ознакомиться с контактами консульского отдела, информацией о миграционной карте, пройти по ссылкам на сайты Главного управления по вопросам миграции МВД России и посольства Киргизии в России. На русскоязычной версии в разделе «Консульства для граждан Киргизии» доступна соответствующая памятка¹².

В ряде случаев информирование осуществляется на официальных сайтах национальных органов власти. На сайтах Представительства Министерства труда Таджикистана и посольств Киргизии, Узбекистана и Таджикистана в РФ имеется раздел с памяткой для граждан соответствующей страны с перечнем необходимых действий для въезда и работы в РФ. Сайт Информационно-консультативного центра при Государственной службе миграции Киргизской Республики в разделе «Работа за рубежом – Российская Федерация» имеет только краткую информацию по требованию к соискателям и процедуре трудоустройства в РФ¹³. Узбекский сайт «Единая национальная система труда» предлагает своим гражданам, желающим работать за рубежом, заполнить анкету, после чего с соискателем «может связаться компания для предложения работы за рубежом»¹⁴.

На этом фоне пока единственным в полной мере успешным примером цифрового проекта в сфере адаптации трудовых мигрантов является разработанное государственной структурой МИА «Россия сегодня» мобильное приложение «Россия для всех» для граждан Таджикистана и Узбекистана (более 10 тысяч установок). Приложение представляет собой учебный курс для самостоятельной подготовки к комплексному экзамену по русскому языку, истории России и законодательству РФ.

Современная деятельность коммерческих организаций, НКО и общественных движений в области помощи, представительства

---

¹¹ Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://uzbekistan.mid.ru/ru/> (дата обращения: 04.11.2019).

¹² Посольство Российской Федерации в Киргизской Республике. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kyrgyz.mid.ru/> (дата обращения: 04.11.2019).

¹³ Информационно-консультативный центр при Государственной службе миграции Кыргызской Республики. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://oec.kg/index.php> (дата обращения: 12.10.2019).

¹⁴ Единая национальная система труда. Министерство занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://horijdaish.uz/login-sms> (дата обращения: 12.10.2019).

и защиты прав трудовых мигрантов имеет цифровую компоненту, которая, однако, носит в большей степени информационно-рекламный характер и ориентирована в основном на владеющих русским языком лиц.

В настоящее время значительное число коммерческих организаций публикуют на интернет-сайтах информацию о предоставлении помощи по оформлению гражданства, вида на жительство, разрешения на временное проживание, а также возможность сдачи тестирования по русскому языку. Основные интернет-сайты данных коммерческих организаций не имеют перевода на национальные языки, при этом сотрудники только в отдельных случаях могут поддерживать коммуникацию на языках Средней Азии¹⁵. В ряде случаев подобные организации ведут в социальных сетях группы, где периодически публикуют не только сообщения рекламного характера, но и информацию по насущным проблемам, с которыми сталкиваются мигранты.

Интернет-ресурсы общественных объединений и благотворительных проектов (таких как Федерация мигрантов России, «Я – мигрант», «Мигрант.ру», «Tormigrant», «Мигранты в России», «Вестник мигранта»), направленные на помощь трудовым мигрантам, чаще всего ориентированы в первую очередь на русскоговорящих иностранцев и общее информирование. Основные сообщения публикуются на русском языке и посвящены оформлению необходимых документов, актуальным изменениям в российском законодательстве, проводимым органами государственной власти мерам против нелегальной миграции, условиям работы в РФ.

Число интернет-ресурсов на национальных языках мигрантов республик Средней Азии достаточно ограничено (например, Muhojir.info, Migranthelp.ru). В одном случае на таджикском ресурсе представлена правовая и практическая информация по трудовой миграции и решению типичных проблем. На узбекоязычном ресурсе информация максимально оптимизирована под задачу подготовки к трудовой миграции: описания решений типичных проблем представлены в виде понятных алгоритмов, информационные ролики сняты на национальном языке, подробно описана инструкция по посещению Многофункционального миграционного центра в Москве (маршрут, цены) и пр.

В целом можно отметить небольшую популярность подобных интернет-сайтов и приложений среди целевой аудитории из республик Средней Азии, о чем свидетельствует низкая активность в соответствующих группах в социальных сетях, минимальное число просмотров видео.

С другой стороны, есть отдельные обратные примеры. Канал «Голос мигранта» на видеохостинге YouTube активно действует

---

¹⁵ Отсутствие возможности общения на национальном языке стран Средней Азии было установлено через мессенджеры экспериментально.

и постоянно обновляется за счет информационно-рекомендательных роликов. Все ролики представлены на таджикском языке, хотя иногда в названиях присутствуют русские слова. Аудитория составляет более 168 тысяч подписчиков, а сами видео собирают большое количество комментариев. Типичные комментарии касаются видео об изменениях законов в РФ и зачастую носят негативный характер:

«...Никогда не издает законы в нашу пользу». Сама же деятельность канала получает положительные отзывы: «Лучший блогер для братьев и сестер!» (*из популярных комментариев пользователей YouTube-канала*¹⁶).

В целом данный пример довольно явно свидетельствует как о высоком интересе трудовых мигрантов к актуальной для них информации в сети Интернет, так и о том, что формат действующих интернет-ресурсов далеко не в полной мере релевантен актуальным для мигрантов потребностям в информации.

В настоящее время существует около десятка мобильных приложений, разработанных для информирования прибывающих в Россию иностранных граждан о миграционных вопросах. Большинство из них появилось в 2018–2019 гг. и имеют небольшое число установок (от 1 до 10 тысяч), что говорит о формирующемся запросе со стороны аудитории и поставщиков услуг.

Чаще всего приложения выполняют несколько основных функций: информационно-справочную (правила пребывания и пр.) и сервисную (проверка запрета на въезд, поиск работы, жилья и пр.). Более половины приложений разработано для организаций, оказывающих коммерческие услуги (консультация юристов и подготовка документов). Часто это сгруппированная по смысловым блокам информация о правилах пребывания без перевода на национальные языки (например, «Мигрант онлайн» или «Salam. Патент. Работа. Регистрация») либо интегрированные или доступные через отдельные приложения наиболее востребованные у пользователей функции проверки документов, наличие запрета на въезд в Россию (например, «Мигрант СПб», «Deportni Tekshirish» и др.). Нередко приложения с расширенными или специальными функциями переведены на национальные языки (преимущественно узбекский) и являются самыми популярными (от 50 до 500 тысяч установок), а разработчиками выступают организации из республик Средней Азии. В этом отношении удачным примером является «Справочник мигранта», разработанный при международном сотрудничестве Государственной Миграционной службы при Правительстве Киргизии, позволяющий получить информацию по вопросам трудоустройства и пребывания граждан Киргизии за рубежом, телефоны горячей линии в странах пребывания и пр.

---

¹⁶ Голос мигранта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UChID8qxMVA2KIjbW3DWwgOQ> (дата обращения: 12.10.2019).

Вместе с тем феномен «выпадения» трудовых мигрантов из существующей цифровой среды организованной помощи им связан с рядом других факторов, которые были выявлены в ходе анализа оценки мигрантами из республик Средней Азии роли информационных технологий и опыта их использования в процессе трудовой миграции. Полученные выводы основываются на пилотной серии полуструктурированных интервью, взятых в разных районах Санкт-Петербурга у трудовых мигрантов¹⁷. Особенность методологии и география исследования задают ряд ограничений по интерпретации полученных результатов. С одной стороны, в силу сложности самой коммуникации трудно определить связь выявленных тенденций с социально-демографическими характеристиками трудовых мигрантов, а также с их уровнем владения русским языком. С другой стороны, в силу высокого социально-экономического статуса Санкт-Петербурга ограничением может являться региональная специфика трудовой миграции относительно общероссийской.

При ответе на вопрос об опыте использования сети Интернет для поиска информации по вопросам трудовой миграции (необходимые документы, разрешения, адреса служб и пр.) перед поездкой в Россию интервьюируемые часто отмечали, что неформальные контакты и родственные связи играли ключевую роль в первичном информировании о месте будущего пребывания:

Не, на Родине больше информации узнал от старших братьев. Они еще до меня в Россию ездили (*из интервью с Алимом, гражданин Узбекистана, 27 лет, работник кафе-бистро*).

Аналогичным образом интервьюируемые преимущественно отмечали, что индивидуальный поиск работы не практиковался, при этом нередко объяснялось это в том числе и с отсутствием таких возможностей на родине:

Нет, у меня не было интернета до приезда. Общался с соседями, у них сын уже ездил в Россию (*из интервью с Давроном, гражданин Узбекистана, 25 лет, работник сферы ЖКХ (стилистика ответа сохранена)*).

В других случаях, когда интернет использовался до переезда, основным источником информации выступали рассказы соотечественников на форумах:

Смотрела форумы всякие, где соотечественники обсуждали, а так в основном все брат рассказал, все узнавал (*из интервью с гражданкой Узбекистана, 40 лет, уборщица (стилистика ответа сохранена)*).

---

¹⁷ Пилотная выборка составила 46 интервью в Санкт-Петербурге с трудовыми мигрантами возрастом от 20 до 60 лет (включая 5 женщин) из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии.

Трудовые мигранты с более высоким социальным статусом периодически отмечают, что информации достаточно много:

Даже не знаю. Думаю, что найти можно любую информацию. Главное – желание (*из интервью с гражданином Узбекистана, 21 год, бармен*).

С другой стороны, можно отметить, что нередко трудовые мигранты (преимущественно уже в России) ищут информацию по миграционным вопросам на интернет-ресурсах официальных служб. В этом случае нередко отмечается, что официальные сайты часто малополезны из-за неадаптированности информации:

Искала долго, помогли только непроверенные (неофициальные – *примечание авторов*) сайты. Там объясняется все намного проще (*из интервью с гражданкой Узбекистана, 23 года, менеджер*).

В целом полученные ответы позволяют говорить о том, что, с одной стороны, именно нахождение в России в значимой степени открывает широкие возможности для использования цифровых коммуникаций. С другой стороны, среди прибывающих трудовых мигрантов постепенно усиливается профессиональное и цифровое неравенство, что позволяет более активным и образованным использовать возможности дистанционного поиска работы (специализированные сайты Работа.ру, Superjob.ru и др.) и информации:

Перед поездкой читал рассказы тех, кто работал здесь, советы, что нужно в России, работу нашел на Работа.ру (*из интервью с гражданином Узбекистана, 27 лет, повар*).

Роль цифровых технологий в адаптации трудовых мигрантов в России

Как уже отмечалось, информационные технологии играют в жизни трудовых мигрантов весьма важную роль, что позволяет говорить о сокращающемся цифровом неравенстве относительно жителей России. Использование ими сети Интернет часто носит регулярный характер и чаще всего осуществляется с сотовых телефонов. В этом отношении они достаточно мобильны и слабо привязаны к точкам доступа (локальный Wi-Fi или совместное использование устройств), что позволяет им персонально получать интернет-услуги:

Очень часто пользуюсь интернетом, захожу через телефон. Сам пользуюсь, редко к кому-то обращаюсь, если только телефон не ломается (*из интервью с Эльдором, гражданином Узбекистана, 29 лет, работник сферы ЖКХ*).

Интернет и мобильные приложения в целом рассматриваются как удобный и полезный способ поиска информации, а также способ развлечения. Таким образом, само мобильное устройство является для трудовых мигрантов, как и для россиян, привычным полезным атрибутом в их повседневной жизни:

Не могу назвать каких-то конкретных сайтов. Поисковиками пользуюсь – Google, Yandex. По работе сейчас ничего не ищу, нет нужды. Из соцсетей у меня на телефоне есть WhatsApp, Одноклассники. Еще Яндекс.Транспорт – очень удобно из приложений (*из интервью с Гульчухрой, гражданка Узбекистана, 36 лет, уборщица*).

В раннем исследовании П.А. Глухов и А.П. Окушова отмечают существование виртуальных этнокомьюнити, выделяя такие востребованные функции, как трансляция национальной культуры, анонсирование культурно-национальных мероприятий, национальных и религиозных праздников, оказание помощи и услуг в области культурной адаптации и правовой легализации, трудоустройства, поддержание культурных связей диаспоры с исторической родиной, трансляция национальных новостных поводов [Глухов 2015]. С. Носова обращает внимание на тот факт, что большинство сообществ, найденных с помощью самых простых ключевых слов, оказываются заброшенными: «Такой популярный инструмент онлайн коммуникации, как социальные сети, все еще редко используется для решения проблем интеграции мигрантов в принимающее общество» [Носова 2015, с. 101].

Проведенное нами исследование подтверждает данный вывод, однако представляется, что социальные сети в целом являются не столь востребованным средством коммуникации для трудовых мигрантов, на что накладывается общая тенденция снижения их активного использования в сравнении с мессенджерами, коммуникация в которых более персонализирована, либо фото- и видеосервисами, визуальный формат подачи в которых удобнее. Например, информация исламского содержания востребована мигрантами в большей степени индивидуально (для религиозной практики и повседневной жизни), а не в формате цифрового сообщества. В ходе интервью среди наиболее посещаемых информационных ресурсов и сервисов трудовые мигранты называли мессенджеры (Telegram, IMO, Whatsapp, Viber, Skype), видео- и фотосервисы (Youtube и Instagram), социальные сети (Одноклассники, ВКонтакте), поисковые системы (Yandex, Mail.ru, Google), навигаторы и другие приложения. В целом цифровой портрет современного молодого трудового мигранта нередко приближен к его российскому коллеге:

По работе ничего не ищу, мне это не надо особо, вот только на «Youtube» сижу, и все. Приложения какие использую? Вот в «WhatsApp'e» по делам разговариваю, «Viber» установлен еще. В «Одноклассниках» страничка

есть, во «ВКонтакте» недавно удалил только. Какие плюсы? Можно новости смотреть какие-то, где что произошло (*из интервью с гражданином Таджикистана, 27 лет, продавцу*).

Между тем нами не было замечено взаимосвязи между широким использованием цифровых технологий и принятием современных и более индивидуалистических моделей поведения. Вполне современная цифровая культура трудовых мигрантов сосуществует параллельно с сохранением тесных межродственных и широких личных связей, что накладывает свой отпечаток на процесс адаптации. Исследователи связывают подобное поведение с моделью расширенной семьи, в которой отбывающий на заработки мигрант не теряет связи с родиной в том числе и за счет связей в местных сообществах.

Поведение мигрантов, особенно из сельской местности и небольших городов, как отмечает С. Абашин:

Определяется не столько в результате его единоличного решения, которое он озвучивает как желаемое для себя лично, сколько в результате сложных переговоров внутри сетей, к которым он принадлежит, где на него оказывают влияние и общие нормативные требования, как должно себя вести, и мнения родственников, друзей, близких, общие интересы семьи [Абашин 2016, с. 45].

Это объясняет большую популярность виртуальных территориальных сообществ, выросших в групповых чатах мессенджеров (прежде всего в Telegram), куда нередко пользователи подключаются из списка контактов на телефоне. Применительно к одному Санкт-Петербургу в Telegram действует около 10 групп («Питерда иш кв елонлари», «ПИТЕР-ТАЯНЧ» и др.). Подобная коммуникация в большей степени связана не с формированием новой этнической социальности, а с потребностью оперативно решать возникающие проблемы в среде соотечественников. Подобные чаты имеют территориальную привязку, структуру доски объявлений и крайне высокую активность (в Москве и Санкт-Петербурге в среднем каналы имеют более 15000 подписчиков и обновляются почти ежеминутно). Большинство сообщений написаны на национальных языках и касаются съема жилья, объявлений о подработках или работе (нередко на русском языке), консультации и услуг врача, услуг автотранспорта и «въезда–выезда» из РФ для «обновления» миграционной карты, недорогих товаров (продукты, телефоны) и других услуг (документы для легализации, юристы).

С другой стороны, цифровые технологии сильно повышают мобильность мигрантов и формируют потребность в множественном характере коммуникации, эффектом чего, в свою очередь, частично становится потребность в двуязычии, поскольку русский язык достаточно востребован для общения с коллегами или по рабочим вопросам:

Обычно общаюсь с друзьями, они все узбеки, поэтому на родном обычно, с коллегами с кем по-русски, с кем-то на родном, с родственниками только на родном (*из интервью с гражданином Узбекистана, 29 лет, повар*).

В рамках исследования для оценки цифровых навыков трудовых мигрантов из Средней Азии нами также была проведена серия пилотных интервью с продавцами-консультантами салонов сотовой связи¹⁸. Параллельное интервьюирование также было выбрано с целью обеспечить перекрестную оценку цифровой компоненты трудовой миграции. Материалы данных интервью в целом указывают на средний и удовлетворительный уровень владения трудовыми мигрантами цифровыми технологиями, однако подобные оценки все же ниже, чем те, что давали трудовые мигранты в отношении своих соотечественников. При этом можно отметить наличие явного цифрового неравенства среди мигрантов:

Уровень знакомства с цифровыми технологиями оценил бы по-разному. Есть такие, которые вообще ничего не понимают и не знают, а есть и такие, которые и за новинками следят, и интересуются, и настройку телефона могут сами произвести полностью (*из интервью с Константином, продавец-консультант, салон связи МТС, метро «Озерки»*).

Интервьюируемые продавцы нередко отмечают коллективный характер потребления товаров и услуг трудовыми мигрантами в салонах связи. Выбор товара или услуги преимущественно или делается самостоятельно по рекомендации знакомых, либо мигранты принимают решение коллективно:

Покупатели обычно молодые или в среднем возрасте, решение о покупке принимают по 2–3 человека, редко самостоятельно. Бывает, что решение принимает тот, кто говорит со мной, а не тот, кому, видимо, покупают (*из интервью с Олегом, продавец-консультант, салон связи МТС, метро «Комендантский проспект»*).

Подобное поведение может быть продиктовано следствием распространности практик коллективного передвижения по городу с целью безопасности (например, взаимопомощь в случае проверки органами правопорядка), низким уровнем образования, знания языка и, в конечном счете, практикой подчинения родственной иерархии или другим неформальным сетям отношений в сообществе или коллективе в целом. Важность салонов сотовой связи объясняется также тем, что они являются необходимой инфраструктурой

---

¹⁸ Пилотная выборка включила 45 интервью с работниками (мужчинами) салонов сотовой связи разных операторов в Санкт-Петербурге возрастом от 20 до 40 лет.

цифровых коммуникаций, о чем говорит частая высокая оценка продавцами-консультантами посещаемости:

Очень часто к нам приходят. Таджикистан и Узбекистан – самое массовое. Человек 50–90 за смену приходит примерно (*из интервью с Геннадием, продавец-консультант, салон связи «Мегафон», метро «Дыбенко»*).

Возможности и ограничения цифровых технологий в политике адаптации трудовых мигрантов

Современная трудовая миграция в России носит комплексный характер не только из-за разного уровня образования и профессиональных навыков, а также значимых языковых и культурных различий, но и по причине разного соотношения индивидуалистских и групповых доминант в поведении. Все это определяет необходимость разных подходов к реализации политики адаптации трудовых мигрантов.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют определить несколько основных направлений реализации политики адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии, которые или находятся вне фокуса органов государственной и муниципальной власти, либо мало соответствуют существующей официальной повестке общих проблем. В настоящий момент можно констатировать, что цифровая компонента государственной миграционной политики и адаптационных программ лишь в очень малой степени касается трудовых мигрантов. Помимо популярности традиционных неформальных и родственных каналов трудоустройства и получения информации, существующие информационные ресурсы органов государственной власти малоинформативны для большинства приезжающих на работу иностранных граждан. В ходе интервью мигранты периодически отмечали подобную проблему и озвучивали потребность в гибком взаимодействии с органами власти через интернет:

Нужен какой-то сайт, через который можно было бы заранее подавать свои данные на получение патента, регистрации (*из интервью с гражданином Узбекистана, 36 лет, сварщик*).

С этой точки зрения стратегия реализации цифровой компоненты миграционной политики, равно как и национальной, должна ориентироваться на форматы взаимодействия, для которых приоритетом является предоставление удобных, доступных и полезных услуг в цифровой форме. С другой стороны, имеющиеся планы по развитию специализированных интернет-сайтов для трудовых мигрантов (например, «Общероссийская база вакансий “Работа в России”») не учитывают, что основная цифровая коммуникация

в области трудоустройства происходит неформально посредством групповых чатов в мессенджерах (в основном Telegram) либо осуществляется через популярные тематические интернет-сайты (Работа.ру и др.), что делает создание специального ресурса для трудоустройства малополезным.

Можно констатировать, что в самой среде трудовых мигрантов из Средней Азии происходят значимые процессы внутренней стратификации по критериям возраста, уровня образования, владения русским языком и времени нахождения в России. Группы мигрантов с продолжительным опытом проживания в России от трех–пяти лет, равно как группа молодых и образованных, демонстрируют более высокую способность к адаптации и в значительной степени способны использовать для этого преимущества цифровой среды на работе и дома. При этом данные группы более независимы, что позволяет им чаще самостоятельно принимать решения, а это в значительной степени соответствует самой концепции адаптации, которая мыслится на индивидуальном, а не групповом уровне.

Опираясь на интервью респондентов, подтверждается гипотеза о том, что адаптационный потенциал информационных технологий в среде трудовых мигрантов в значительной степени связан с индивидуальной потребностью в информации, новостях. В ходе интервью нередко отмечалось, что возможность найти информацию является главной положительной характеристикой интернета. Поскольку доступная для программ адаптации групповая коммуникация связана не столько с формированием новой этнической социальности, сколько с необходимостью оперативно решать возникающие проблемы (съем жилья, поиск подработки, услуги врача или транспорта до границы), то по этой причине реализация программы адаптации должна носить гибкий и точечный характер, учитывая гражданство, возраст и уровень образования (сферу занятости). В этом отношении как раз цифровая среда потенциально обеспечивает доступ к аудитории мигрантов.

Форматы реализации государственной политики могут быть успешно реализованы как в цифровой среде, так и в пространстве современных городов. Кроме содержательной компоненты, их потенциальный успех зависит от способности обеспечивать регулярную позитивную коммуникацию или контакт с мигрантами. В этом отношении ключевым является использование таких пространств современного города, которые стали бы постоянной точкой притяжения для мигрантов. Например, салоны сотовой связи, являющиеся инфраструктурой для самой возможности присутствия мигрантов в цифровом пространстве, предоставляют при этом другие востребованные услуги (сотовая связь, интернет, гаджеты), наряду с банками обеспечивают социально-экономическую связь с родными (денежные переводы) и доступ к другим услугам (приобретение услуг медицинского страхования). В конечном итоге подобная взаимосвязь цифровой и очной коммуникации определяет результативность реализации

адаптационных программ, демонстрируя потенциальные преимущества от реализации формата партнерства с коммерческими иными негосударственными организациями.

Литература

- Абашин 2016 – *Абашин С.* Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России / Под ред. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 43–55.
- Глухов 2015 – *Глухов А.П.* Ключевые функции этносообществ социальных сетей в трансляции и воспроизводстве виртуальной этнонациональной идентичности и сохранении национальной культуры // Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности: сб. статей. Томск: Томский гос. ун-т, 2015. С. 63–73.
- Кужелева-Саган 2016 – *Кужелева-Саган И.П.* «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / науч. ред. И.П. Кужелева-Саган. Томск: Издательский дом Томского гос. ун-та, 2016. 168 с.
- Носова 2015 – *Носова С.С.* Организация социального взаимодействия представителей этносообществ в социальных сетях (на примере узбекских и таджикских виртуальных групп на платформах «Facebook», «Одноклассники» и «ВКонтакте») // Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности: сб. статей. Томск: Томский гос. ун-т, 2015. С. 91–101.
- Обущенко, Гагаринская 2018 – *Обущенко Т.Н., Гагаринская Г.П.* Адаптация региональной миграционной политики к инновационности экономики, глобализации и демографическим вызовам // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 3. С. 512–537.
- Троицкая 2017 – *Троицкая О.В.* Будущее миграционного управления: «умные границы» и информационные технологии // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта. М.: МГИМО (Университет), 2017. С. 262–266.
- Alencar 2018 – *Alencar A.* Refugee integration and social media: a local and experiential perspective // Information, Communication & Society. 2018. Vol. 21. No. 11. P. 1588–1603.
- Andrade, Doolin 2016 – *Andrade A.D., Doolin B.* Information and communication technology and the social inclusion of refugees // Mis Quarterly. 2016. Vol. 40. No. 2. P. 405–416.
- Chen, Choi 2011 – *Chen W., Choi A.* Internet and social support among Chinese migrants in Singapore // New media & society. 2011. Vol. 13. No. 7. P. 1067–1084.
- Diminescu 2008 – *Diminescu D.* The connected migrant: an epistemological manifesto // Social Science Information. 2008. Vol. 47. No. 4. P. 565–579.
- Dekker, Godfried 2014 – *Dekker R., Engbersen G.* How social media transform migrant networks and facilitate migration // Global Networks. 2014. Vol. 14. No. 4. P. 401–418.

- Dekker, Engbersen 2018 – *Dekker R., Engbersen G. et al.* Smart refugees: how Syrian asylum migrants use social media information in migration decision-making // *Social Media+ Society*. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 1-11.
- Dhoest 2015 – *Dhoest A.* Connections that matter: The relative importance of ethnic-cultural origin, age and generation in media uses among diasporic youth in Belgium // *Journal of Children and Media*. 2015. Vol. 9. No. 3. P. 277-293.
- Gabdulhakov 2019 – *Gabdulhakov R.* In the bullseye of vigilantes: Mediated vulnerabilities of Kyrgyz labour migrants in Russia // *Media and Communication*. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 230-241.
- Leurs 2015 – *Leurs K.* Digital passages. Migrant youth 2.0.: Diaspora, Gender and Youth Cultural Intersections. Amsterdam University Press, 2015. 324 p.
- Leurs, Ponzanesi 2018 – *Leurs K., Ponzanesi S.* Connected migrants: Encapsulation and cosmopolitanization // *Popular Communication*. 2018. Vol. 16. No. 1. P. 4-20.

References

- Abashin, S. (2016), “Transnatsional'naya migratsiya v Rossiyu i integratsionnyy potentsial trudovykh migrantov” [Transnational migration to Russia and the integration potential of labour migrants], in: Rozanov, M.S. (ed.), *Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii* [Labour Migration and Migrant Integration Policies in Germany and Russia: A Collective Monograph], Skifiya Print, St.-Petersburg, Russia, pp. 43–55.
- Glukhov, A.P. (2015), “Klyucheveye funktsii etnosoobshchestv sotsial'nykh setei v translyatsii i vosproizvodstve virtual'noi etnonatsional'noi identichnosti i sokhraneni natsional'noi kul'tury”, [Key functions of ethnic communities of social networks in the translation and reproduction of virtual ethnonational identity and preservation of national culture], in: *Sotsialnye seti kak ploschadka etnicheskoy kommunikatsii i sredstvo predpisaniya etnosotsialnoy identichnosti* [Social networks as a platform for ethnic communication and a means of prescribing ethno-national identity: a collection of articles Tomsk State University, Tomsk, Russia, pp. 63–73.
- Nosova, S.S. (2015), “Organizatsiia sotsialnogo vzaimodeistviia predstavitelei etnosoobshchestv v sotsialnykh setiakh (na primere uzbekskikh i tadzhikskikh virtualnykh grupp na platformakh “Facebook”, “Odnoklassniki” i “VKontakte”)” [Organization of social interaction of representatives of ethnic communities in social networks (on the example of Uzbek and Tajik virtual groups on the platforms “Facebook”, “Odnoklassniki” and “VKontakte”)], in: *Sotsialnye seti kak ploschadka etnicheskoy kommunikatsii i sredstvo predpisaniya etnosotsialnoy identichnosti* [Social networks as a platform for ethnic communication and a means of prescribing ethno-national identity: a collection of articles], Tomsk State University, Tomsk, Russia, pp. 91–101.
- Obuschenko, T.N. Gagarinskaya, G.P. (2018), “Adaptatsiia regional'noi migratsionnoi politiki k innovatsionnosti ekonomiki, globalizatsii i demograficheskim vyzovam” [Adaptation of regional migration policy to the innovation of the economy, globalization and demographic challenges], *Regionologiya*, vol. 26, no. 3, pp. 512–537.
- Troitskaya, O.V. (2017), “Budushchee migratsionnogo upravleniia: «umnye granitsy» i informatsionnye tekhnologii” [The Future of Migration Management: Smart Boundaries and Information Technology], in: *Migratsionnye mosty*

- v Evrazii: model effektivnogo upravleniya migratsiyey v usloviyakh razvitiya evraziyskogo integratsionnogo proekta* [Migration bridges in Eurasia: models of effective migration management in the context of the development of the Eurasian integration project], MGIMO, Moscow, Russia, pp. 262–266.
- Kuzheleva-Sagan, I.P. (2016), *Tcifrovye diasporiy* "migrantov iz Centralnoi Azii: virtualnaia setevaia organizatsiia, diskurs "voobrazhaemogo soobshchestva" i konkurenttsiia identichnosti" [Digital Diasporas of Central Asian Migrants: A Virtual Networking Organization, Discourse of the "Imaginary Community" and Identity Competition], Tomsk State University, Tomsk, Russia.
- Alencar, A. (2018), "Refugee integration and social media: a local and experiential perspective", *Information, Communication & Society*, vol. 21, no. 1, pp. 1588–1603.
- Andrade, A.D. and Doolin, B. (2016), "Information and communication technology and the social inclusion of refugees", *Mis Quarterly*, vol. 40, no. 2, pp. 405–416.
- Chen, W. and Choi, A. (2011), "Internet and social support among Chinese migrants in Singapore", *New media & society*, vol. 13, no. 7, pp. 1067–1084.
- Diminescu, D. (2008), "The connected migrant: An epistemological manifesto", *Social Science Information*, vol. 47, no. 4, pp. 565–579.
- Dekker, R. and Engbersen, G. (2014), "How social media transform migrant networks and facilitate migration", *Global Networks*, vol. 14, no. 4, pp. 401–418.
- Dekker, R. and Engbersen, G., et al. (2018), "Smart refugees: how Syrian asylum migrants use social media information in migration decision-making", *Social Media+Society*, vol. 4, no. 1, pp. 1–11.
- Dhoest, A. (2015), "Connections that matter: The relative importance of ethnic-cultural origin, age and generation in media uses among diasporic youth in Belgium", *Journal of Children and Media*, vol. 9, no. 3, pp. 277–293.
- Gabdulhakov, R. (2019), "In the bullseye of vigilantes: Mediated vulnerabilities of Kyrgyz labour migrants in Russia", *Media and Communication*, vol. 7, no. 2, pp. 230–241.
- Leurs, K. (2015), *Digital passages. Migrant youth 2.0.: Diaspora, Gender and Youth Cultural Intersections*, Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands.
- Leurs, K., Ponzanesi, S. (2018), "Connected migrants: Encapsulation and cosmopolitanization", *Popular Communication*, vol. 16, no. 1, pp. 4–20.

Информация об авторах

Васильев Вадим Евгеньевич, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; hayhax3-98@bk.ru

Еременкова Юлия Игоревна, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; eremchenkova.julia@yandex.ru

Ермохина Алина Николаевна, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; ermohinalina@yandex.ru

Никифоров Александр Андреевич, кандидат политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; nikiforov@politpro.ru

Солдатенков Иван Вячеславович, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; ivn256@yandex.ru

Information about the authors

Vadim E. Vasilev, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; hayhax3-98@bk.ru

Julia I. Eremenkova, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; eremenchkova.julia@yandex.ru

Alina N. Ermokhina, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; ermohinalina@yandex.ru

Alexander A. Nikiforov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; nikiforov@politpro.ru

Ivan V. Soldatenkov, master student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; ivn256@yandex.ru

Проблема адаптации детей-мигрантов и цифровая образовательная среда Российской Федерации

Е.Н. Чернышева

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия; chernel0602@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты проблемы адаптации детей-мигрантов к российской культурной среде, такие как социокультурная адаптация, языковая адаптация и т. д. На основе анализа статей отечественных исследователей выделяются основные направления современных исследований по данной проблематике. Отмечается необходимость создания двух наборов методик для адаптации детей дошкольного и школьного возраста. Дается сравнительный анализ существующих форматов и ресурсов, которые используются в процессе адаптации детей-мигрантов. Анализируется роль и значение цифровых образовательных ресурсов для процесса адаптации детей-мигрантов, прежде всего на ранней стадии, еще до момента отъезда в Российскую Федерацию. Приводится один из вариантов структуры цифровой образовательной среды. В качестве основных ее составляющих рассматриваются онлайн-курсы, с помощью которых дети могут осуществлять дистанционное обучение как совместно с родителями, так и самостоятельно; электронные подготовительные факультеты для школьников, которые должны начать обучение в российских или уже учатся в российских школах; курсы повышения квалификации и переподготовки кадров для воспитателей детских садов и учителей, которые работают с такими детьми, на базе российских университетов; базы данных, которые бы интегрировали накопленный российскими исследователями опыт решения проблем, связанных с психологической и социокультурной адаптацией; ресурсы для родителей, помогающие сориентироваться в российской образовательной системе. Таким образом, делается вывод, что одним из эффективных инструментов решения проблем, связанных с процессом адаптации на всех этапах и по всем направлениям, может стать доступная для большинства, адекватная, современная цифровая образовательная среда для детей-мигрантов, их родителей и учителей.

Ключевые слова: адаптация детей-мигрантов, цифровая образовательная среда, мигранты, русский язык, русский язык как иностранный, миграционная политика, страноведение России, образование на русском, социокультурная адаптация, электронный подготовительный факультет

© Чернышева Е.Н., 2019

Статья печатается в авторской редакции.

Для цитирования: Чернышева Е.Н. Проблема адаптации детей-мигрантов и цифровая образовательная среда Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 145–152. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-145-152

The problem of adaptation of migrant children and the digital educational environment of the Russian Federation

Elena N. Chernysheva

*Pushkin State Russian Language Institute, Moscow,
Russia; chernel0602@gmail.com*

Abstract. The article discusses various aspects of the problem of adaptation of migrant children to the Russian cultural environment such as sociocultural adaptation, language adaptation, etc. On the basis of analysis of articles by domestic researchers the main directions of modern research on this issue are highlighted. The necessity of creating two sets of techniques for the adaptation of preschool and school age children is noted. The comparative analysis of the existing means and resources that are used in the process of adaptation of migrant children is given. The role and importance of digital educational resources for the process of adaptation of migrant children, primarily, at an early stage, even before leaving for the Russian Federation, is analyzed. A possible structure of the digital educational environment is given. As its main components, online courses are considered that allow children to conduct distance learning both jointly with parents and independently; electronic preparatory faculties for schoolchildren who are to begin their studies or are already studying in Russian schools; advanced training and retraining courses prepared by Russian universities for kindergarten teachers and teachers who work with such children; databases that would integrate the experience accumulated by Russian researchers in solving problems related to psychological and sociocultural adaptation; resources that help parents to understand the Russian educational system. Thus, it is concluded that one of the most effective tools for solving problems associated with the adaptation process at all stages and in all directions can be an affordable, adequate, modern digital educational environment for migrant children, their parents and teachers.

Keywords: adaptation of migrant children, digital educational environment, migrants, Russian language, Russian as a foreign language, migration policy, national studies of Russia, education in Russian, sociocultural adaptation, online preparatory faculty

For citation: Chernysheva, E.N. (2019), “The problem of adaptation of migrant children and the digital educational environment of the Russian Federation”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 145-152, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-145-152

Постановка проблемы

В октябре 2019 г. большое внимание привлекли результаты проведенного учеными из РЭУ им. Г.В. Плеханова исследования. Был сделан вывод о том, что число приехавших в Россию мигрантов в 2019 г. может стать рекордным, что уже сегодня в абсолютных показателях число приезжих составляет около 8% от всего 146-миллионного населения России. И по этому показателю Россия занимает четвертое место в мире – более 12 млн человек. Поэтому неудивительно, что в последнее десятилетие проблеме адаптации мигрантов уделяется столько внимания как со стороны ученых, так и со стороны представителей государственной власти. Особо ценными в этом отношении являются мероприятия, в рамках которых удается наладить диалог между учеными и чиновниками (например, проведенная в ноябре 2019 г. в РГГУ Учебно-научным центром изучения этнополитических и этнокультурных исследований Международная научно-практическая конференция «Миграция в России и в современном мире: проблемы, перспективы, практические решения»). Достаточно ли предпринимаемых усилий всех заинтересованных сторон для разрешения существующих реальных проблем мигрантов – это вопрос очень сложный. Однако анализ материалов научных и научно-практических конференций, научных публикаций по проблемам миграции показывает рост интереса к одному из важнейших, с нашей точки зрения, аспектов миграционной политики – это вопрос об адаптации детей мигрантов, которые приехали в Российскую Федерацию не с целью временного трудоустройства, а с целью остаться здесь навсегда. Осознание необходимости изучать и решать этот вопрос, к сожалению, не всегда приводит к принятию конкретных действий представителями государственной власти. Приведу следующий пример: когда обсуждали утвержденную в 2016 г. Концепцию преподавания русского языка и литературы, то в одном из не вошедших в итоговый текст предложений было предложение организовать межшкольные подготовительные факультеты для детей-мигрантов с целью создания системы их языковой адаптации. Можно только предполагать, какие аргументы против были у авторов данной Концепции, но ситуация изменилась. И в последние 2–3 года появилось большое количество исследований, научных статей, посвященных проблеме адаптации детей-мигрантов. В данной статье будет рассмотрен вопрос о том, как в этом сложном процессе можно эффективно использовать уже имеющуюся в России цифровую образовательную среду.

Методика исследования

Для описания проблем, связанных с процессом адаптации детей-мигрантов в России, в данном исследовании использован метод сравнительно-исторического анализа. В ходе определения разницы

в существующих подходах к изучению обозначенных проблем использовался сопоставительный анализ, как и при оценке эффективности различных форматов и ресурсов, а также и при выявлении преимуществ цифровых образовательных порталов.

Результаты и обсуждения

Проблема адаптации детей-мигрантов – это многоплановая проблема, решением которой уже почти четверть века занимаются отечественные ученые, опираясь в том числе и на опыт зарубежных коллег. Меняется геополитическая ситуация. Это, в свою очередь, приводит к перераспределению миграционных потоков, к изменению этнического состава мигрантов в той или иной стране или регионе. Однако набор и суть проблем, связанных с адаптацией детей-мигрантов, меняются несущественно. Во-первых, исследователи обращают внимание прежде всего на их психологическую поддержку и социокультурную адаптацию. Например, в статье Лежава Е.О., Таболовой Э.С., Говенко Ю.А. на основе анализа ряда работ российских и зарубежных ученых хорошо описаны основные аспекты и трудности адаптации иноэтничных детей в новую социально-культурную среду [Лежава, Таболова, Говенко 2017, с. 137–140.]. Необычной постановкой вопроса отличается статья Копового А.С., в которой он рассматривает, как влияет образ мигранта, транслируемый и распространяемый в информационном пространстве, на процесс адаптации детей-мигрантов [Коповой 2018, с. 167–171].

Во-вторых, проблема адаптации должна решаться с учетом возраста ребенка. Должны быть разработаны, по крайней мере, два набора методик, позволяющих адаптировать детей дошкольного возраста и детей-школьников. Стоит отметить, что в работах, посвященных адаптации детей-мигрантов дошкольного возраста, исследователи отводят важное место освоению ими русского языка и истории, современной российской культуры [Шабанова, Митрофанова, Слизова 2017, с. 257]. Психологи Н.А. Чумаков и Е.А. Мокану отмечают, что «дети мигрантов должны пройти через особую разновидность адаптации – через межкультурную адаптацию. Это сложный процесс выработки совместимости с новой культурной средой» [Чумаков, Мокану 2018, с. 52]. Но этот процесс нужно начинать как можно раньше. И очень часто межкультурная адаптация детей происходит через преодоление множественных противоречий между ценностными установками семьи и российской культурной средой. Создание методических разработок и материалов для занятий, чтобы дети в игровой форме могли знакомиться с особенностями российской культуры и усваивать основные нормы и принципы жизни в нашей стране, в том или ином регионе – крайне сложный процесс, требующий специально подготовленных специалистов. Это, в свою очередь, влечет за собой необходимость разработки системы новых программ

повышения квалификации для педагогов дошкольного образования и для учителей школ, которые формировали бы у них навыки работы со страноведческим материалом, способность к эффективному межкультурному взаимодействию и т. д.

Таким образом, в большинстве статей, посвященных адаптации детей-мигрантов, рассмотрение проблемы начинается с того момента, когда ребенок попадает и пытается встроиться в уже существующую российскую образовательную среду. Безусловно, работы, в которых анализируются, например, возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья, в которых предлагаются конкретные методики, имеющие региональную составляющую, являются очень востребованными [Деминцева, Зеленова, Космидис, Опарин 2017, с. 80–109]. С нашей точки зрения, если мы принимаем за исходную аксиому утверждение о том, что чем раньше начинается процесс адаптации ребенка, тем он успешнее и проходит более безболезненно, то следует рассмотреть и проанализировать все существующие возможности для запуска этого процесса еще до того момента, когда ребенок пересек границу, когда его родители только приняли решение об отъезде в Россию и начали к нему готовиться. Такая работа по предварительному знакомству со страной и языком с будущими детьми-мигрантами в очном формате может вестись на базе российских центров науки и культуры, относящихся к структуре Россотрудничества, в русскоязычных школах. Однако более эффективной такая деятельность может стать, если создать систему информационных и образовательных интернет-ресурсов, с помощью которых можно было бы начать процесс адаптации ребенка к новым культурным условиям вне зависимости от того, в какой стране он находится, есть ли там в непосредственной близости центры российской культуры, школы с русским языком и т. д.

Одним из самых востребованных инструментов для решения данной проблемы могла бы стать платформа, аналогичная информационному ресурсу «Современная цифровая образовательная среда в РФ», который обеспечивает свободный доступ всем желающим к российским образовательным онлайн-курсам по принципу «одного окна» и объединяет целый ряд уже существующих платформ онлайн-обучения.

Так или иначе, но интернет сегодня – это вещь доступная. Рассмотрим ситуацию с Узбекистаном. Из этой страны, по данным различных государственных органов, в Россию приезжает самое большое количество трудовых мигрантов, а следовательно, именно из Узбекистана приезжает и самое большое количество детей. Согласно данным сервиса Opensignal на 30 мая 2019 г., Узбекистан оказался на последнем месте в рейтинге доступности мобильной связи 4G, среднестатистический абонент в Узбекистане имеет доступ к 4G только в 49,9% случаев¹. Лишь около 50% населения вообще имеют доступ

---

¹ См.: https://www.opensignal.com/sites/opensignal-com/files/data/reports/global/data-2019-05/the_state_of_mobile_experience_may_2019_0.pdf

в интернет. Однако можно предположить, что среди тех, кто собрался уехать из страны, процент имеющих доступ в интернет гораздо выше, хотя бы потому, что большинство мигрантов-узбеков – это молодые люди. В странах СНГ средний уровень проникновения интернета, по данным того же источника, достигает отметки 71,3%. Поэтому если исходить из того, что большинство мигрантов до момента отъезда в Россию являются активными пользователями интернета, то вполне обоснованным кажется решение о создании для их детей цифровой образовательной среды, которая помогала бы им начать процесс адаптации сразу после принятия решения о миграции в Россию. Тем более, что здесь не придется начинать с нуля. На сегодняшний день российская цифровая образовательная среда содержит ряд ресурсов, которые могли бы стать основой, базой новой платформы. Можно выделить следующие составляющие этой цифровой системы.

1. Обучение русскому языку и страноведению России детей-мигрантов с помощью онлайн-курсов (пример: портал «Образование на русском», вкладка «Русский язык для наших детей», открытые онлайн-курсы для детей «Россия: мир, в котором мы живем», «Россиеведение»). Обучение детей с помощью этих ресурсов может проходить как под контролем родителей, так и самостоятельно. Ребенок в состоянии сам разобраться с простейшей навигацией этих курсов, а многие задания сделаны в игровой форме.

2. Электронный подготовительный факультет для школьников, которые должны начать обучение в российских или уже учатся в российских школах. Кстати, возможно все-таки есть смысл вернуться и к созданию системы очных подготовительных факультетов межшкольного характера (в рамках одной школы создание подобного факультета или курсов вряд ли является финансово эффективным) или на базе российских центров науки и культуры для детей-мигрантов.

Курсы повышения квалификации и переподготовки кадров для воспитателей детских садов и учителей, которые работают с такими детьми, на базе российских университетов, имеющих многолетний опыт работы с иностранными обучающимися, в том числе и с детьми.

Базы данных, которые интегрировали бы накопленный российскими исследователями опыт решения проблем, связанных с психологической и социокультурной адаптацией, информацию о фондах, клубах, некоммерческих организациях, которые этими вопросами занимаются.

Ресурсы для родителей, помогающие сориентироваться в российской образовательной системе. Это могут быть методические рекомендации по изучению русского языка, юридические онлайн-консультации, навигатор по организации бесплатного детского досуга, вебинары для родителей на актуальные темы и т. д.

Стоит отметить, что навигация данного цифрового портала должна быть переведена на основные языки стран СНГ, на языки тех стран, которые в ближайшем будущем могут стать основными «донорами» трудовых мигрантов для России.

Заключение

Таким образом, сегодня, когда в России складывается очень неблагоприятная демографическая ситуация, когда становится понятным, что мигранты необходимы российской экономике, становится очевидной необходимость формирования полноценной системы адаптации мигрантов и их детей к российским условиям с учетом региональных особенностей. И одним из эффективных инструментов решения проблем, связанных с процессом адаптации на всех этапах и по всем направлениям, может стать доступная для большинства, адекватная, современная цифровая образовательная среда для детей-мигрантов, их родителей и учителей, которая существенно ускорила бы процесс адаптации, позволяла бы быстрее этим детям почувствовать себя настоящими россиянами, а также позволяла бы еще так или иначе экономить государственный бюджет.

Литература

- Деминцева, Зеленова, Космидис, Опарин 2017 – *Деминцева Е.Б., Зеленова Д.А., Космидис Е.А., Опарин Д.А.* Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмоскovie // Демографическое обозрение. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. Т. 4. № 4. С. 80–109.
- Коповой 2018 – *Коповой А.С.* Влияние образа мигранта в информационном пространстве на адаптацию детей-мигрантов в общеобразовательной организации // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Константинов. М.: Перо, 2018. С. 167–171.
- Лежава, Таболова, Говенко 2017 – *Лежава Е.О., Таболова Э.С., Говенко Ю.А.* Социокультурная адаптация детей мигрантов // Университетская наука. Минеральные Воды: Северо-Кавказский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова», 2017. № 2 (4). С. 137–140.
- Чумаков, Мокану 2018 – *Чумаков Н.А., Мокану Е.А.* Особенности адаптации детей дошкольного возраста из семей мигрантов // Наука в современном информационном обществе: Материалы XIV международной научно-практической конференции. CreateSpace, 2018. С. 48–53.
- Шабанова, Митрофанова, Слизова 2017 – *Шабанова С.А., Митрофанова С.С., Слизова С.В.* Проблемы адаптации детей – мигрантов в условиях дошкольного образовательного учреждения // Психология и педагогика: актуальные проблемы и тенденции развития: Материалы III Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.А. Долгова. Воронеж: Ритм, 2017. С. 254–257.

References

- Deminceva, E.B., Zelenova, D.A., Kosmidis, E.A., Oparin, D.A. (2017), "Vozmozhnosti adaptacii detej migrantov v shkolah Moskvy i Podmoskov'ja" [Opportunities to adapt migrant children in schools in Moscow and the suburbs], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 4, no. 4, pp. 80-109.
- Kopovoj, A.S. (2018), "Vlijanie obraza migranta v informacionnom prostranstve na adaptaciju detej-migrantov v obshheobrazovatel'noj organizacii" [The impact of the image of migrants in the information space on the adaptation of migrant children in the educational organization], in: Konstantinov, V.V. (ed.), *Social'no-psihologicheskaja adaptacija migrantov v sovremennom mire: Materialy 4 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, pp. 167–171, Pero, Moscow.
- Lezhava, E.O., Tabolova, Ye.S., Govenko, Yu.A. (2017), "Sociokul'turnaja adaptacija detej migrantov", *Universitetskaja nauka. Mineral'nye Vody: Severo-Kavkazskij filial "Belgorodskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet im. V.G. Shuhova"*, no. 2, pp. 137-140.
- Chumakov, N.A., Moku, E.A. (2018), "Osobennosti adaptacii detej doskol'nogo vozrasta iz semej migrantov", *Nauka v sovremennom informacionnom obshhestve Materialy XIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, pp. 48-53, CreateSpace.
- Shabanova, S.A., Mitrofanova, S.S., Slizova, S.V. (2017), "Problemy adaptacii detej – migrantov v uslovijah doskol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija" [Problems of adapting migrant children in pre-school education], in: Dolgova, A.A. (ed.) *Psihologija i pedagogika: aktual'nye problemy i tendencii razvitija. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, pp. 254-257, Ritm, Voronezh, Russia.

Информация об авторе

Чернышева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; chernel0602@gmail.com

Information about the author

Elena N. Chernysheva, Cand. of Sci. (Philosophy), Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Academic Volgin Str., Moscow, 117485, Russia; chernel0602@gmail.com

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 30.09.2019.
Формат $70 \times 100^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 13,3. Усл. печ. л. 12,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 702

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Для заметок

Для заметок